

З

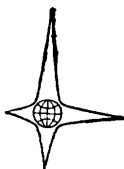
аружная

Ф

антика

ЧЭД ОЛИВЕР

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ВЕТЕР ЧЭД ОЛИВЕР ВРЕМЕНИ

Перевод с английского Н. Рахмановой

Редактор И. Гурова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва 1965

CHAD OLIVER

THE WINDS OF TIME

NEW YORK, 1957

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Уэстон Чейз
между двумя мирами

У Т. С. Эллиота есть стихотворение «Орел парит на вершине неба»:

Где жизнь, что мы живя потеряли?
Где мудрость, что мы потеряли в познаниях?
Где познание, что мы потеряли в сведениях?

Эти строки могли бы стать эпитафией к роману Чэда Оливера «Ветер времени». И дело здесь не столько в смысловых соответствиях, сколько в общем настроении, неугасающем беспокойстве человека, ждущего ответа на вечные вопросы. От этих вопросов нельзя уйти. От них не спрятаться, как нельзя спрятаться от самого себя. Они льются на землю звездным светом, выпадают радиоактивными дождями, раздирают уши пронзительным свистом сверхзвуковых истребителей. И нет на свете таких уголков, где люди могут быть безучастны к будущему человечества. Оно перестало быть отдаленным туманным горизонтом. Оно стало нашим завтрашним днем, заботой первостепенной важности. Человечество сделало первый шаг к звездам. Каждый день теперь может стать первым днем распространения человеческой цивилизации на другие миры. Но готово ли к этому человечество? Для Чэда Оливера это главный вопрос, вопрос вопросов. И он не спешит с ответом. Может быть, потому, что ни на мгновение не забывает о космическом огне, оставившем на камнях

Хиросимы тени людей, впервые увидевших эту вспышку грозной силы. Они успели лишь заломить руки над головой, как сломанные крылья, и исчезли...

Спокойно, неторопливо течет повествование. Чэд Оливер мастерски обрисовывает детали, заостряет внимание на мелочах. Сонная одурь захолустного городка. Ленивая нега искрящейся солнцем воды, где в тени кустов стоит против течения золотая форель. Автор словно хочет уверить читателя, что в такой день, в таком благословенном месте не может случиться ничего необычного. Тем более с таким типичным «средним американцем», как Уэстон Чейз. И читатель настраивается на этот отдых на лоне природы. Он готов провести его вместе с Уэсом. Этот человек прост, понятен, естествен. И почти каждому знаком испытанное Уэсом чувство, когда «пойманная рыба разжигала желание поймать еще». Но пока читатель занят рыбной ловлей, он сам оказывается в положении рыбы. Чэд Оливер искусно ведет его на тончайшей леске мастерски построенного сюжета.

Но вот резкое движение, внезапный поворот, убыстрение ритма, и события нарастают со скоростью снежной лавины. Кажется, вот-вот Чэд Оливер перешагнет ту предельную меру, за которой начинается художественная достоверность, оторвется от читателя, увлеченный собственным воображением, торопящийся к логической развязке. Но в самый последний момент писатель останавливается, делится с читателем своими сомнениями, подбрасывает ему одну-другую художественную находку, от которой во все стороны расходятся волны достоверности. Как чародей из маленькой сюиты Дюка, Чэд Оливер вызвал невероятной силы град, заставил своего героя метаться в поисках спасения, карабкаться на скалы, забиться

в каменную пещеру. Неужели завязка не могла случиться в более спокойной обстановке, на более реалистичном фоне? Ведь молния необычного поражает тем сильнее, чем зауряднее, обыденнее родившие ее облака. Что ж, может быть, автор и допустил небольшой просчет, когда уложил Уэса спать на сырые камни пещеры. Но одной лишь фразой ему удастся вернуть доверие читателя. «Он (Уэс.—Е. П.) ворочался на жестком ложе, не просыпаясь, но и во сне ощущая ход времени».

Это сказано точно и лаконично. Это верно передает ощущение Уэса, забывшегося холодным тревожным сном. Перед нами живой человек, а не робот, призванный выпаливать столько-то битов определенной информации. И когда в разговоре с Арвоном Уэс проявляет полнейшее невежество в астрономии, пытаюсь нарисовать солнечную систему, читателю это понятнее и ближе, чем популярная лекция, произнесенная скучным эрудитом, который, казалось, только и ждал встречи со звездными пришельцами.

Арвон рассказывает Уэсу о своей далекой родине — Лортасе. Там почти все так, как на Земле. Фермы, коровники, недопитые стаканы со спиртным, библиотеки, полицейские, деньги и страховой полис. Это антропоцентризм, доведенный до абсурда. Он сначала удивляет, потом начинает раздражать, кажется, что писателю вдруг изменило художественное чутье и он, в погоне за достоверной обыденностью, впадает в угрюмый и неумный догматизм. Но постепенно начинаешь понимать, что, повествуя о Лортасе, Чэд Оливер говорит о Земле. Что, разворачивая печальные картины сгоревшей в атомном огне планеты в системе Центавра, он видит перед глазами все ту же Землю. «Трудно было шутить, невозможно не

помнить». Так Арвон передает Уэсу свое впечатление о погибшем мире. И становится ясно, что это автор не может забыть о горьком пепле Хиросимы. Эта память смутной тенью проходит через все повествование. И когда Уэс в потрепанном фординке везет космических пришельцев по залитому солнцем гудрону Лос-Анжелеса, он видит вдруг сквозь ветровое стекло мертвую радиоактивную пустыню. Это галлюцинация, но, как признается Уэс, она оказывается для него сильнее реальности. Здесь Чэд Оливер как бы передает эстафету памяти своему герою. Чтобы он помнил, чтобы никогда не забыл.

Сегодняшняя проблема Лортаса — завтрашняя проблема Земли. Эта авторская мысль становится все более и более ясной. Чэд Оливер почти декларативно предупреждает, что его интересует только Земля и человечество. Он сразу же четко проводит границы, оставляя вне их традиционные атрибуты массовой американской космической фантастики.

«Было бы еще не так плохо, — думал Арвон, — если бы в известной им вселенной люди вовсе не нашли себе подобных. Если бы, покидая Лортас на космических кораблях, они всюду видели бы только скалы, высохшие моря и кипящую лаву, это не было бы мучкой, так как означало бы только то, что люди все-таки одиноки.

А если бы они и в самом деле обнаружили те картонные кошмары и ужасы, которые без устали придумывали поколения простодушных невежд, блаженно сочинявших космические авантюрные романы для юных сердцем, — как это было бы чудесно, как весело и увлекательно! Арвон только бы обрадовался, если бы этот красочный набор всевозможных небылиц вдруг оказался реальностью, — все эти змееподобные чудища,

ползущие за молодыми, пышногрудыми красотками, бездушные мутанты, невозмутимо замышляющие истребление Хороших Ребят с Чувством Юмора, голодные планеты, представляющие собой единую пищеварительную систему и готовые накинуться на космические корабли, словно изголодавшийся человек на банку с консервами...»

Итак, всех этих достаточно привычных для фантастики компонентов в «Ветре времени» не будет. Автор заявляет об этом сурово и честно. У него иная задача. Если придерживаться терминологии нашей критики последних лет, перед нами философская, социальная фантастика. Поэтому-то и кажущаяся сначала антропоцентрической позиция автора на самом деле не является таковой! Это не парадокс. Просто профессор антропологии Чэд Оливер не ставит себе задачей показать облик живых существ других миров. Он делает их людьми лишь потому, что решает чисто земные, людские проблемы. Ведь даже в системе Центавра обитаемая планета — четвертая! Здесь нет случайной аналогии. На примере чужих планет автор размышляет о различных вариантах будущего Земли. Он рассматривает возможные модели, выбирает оптимальный вариант. Антропоцентризм замечательного советского писателя и крупного палеонтолога И. А. Ефремова проистекает из антропологии, другие авторы обращаются к нему с философских позиций или же из соображений, диктуемых построением сюжета. Чэд Оливер же просто переносит Землю в различные условия. Он экспериментирует как ученый, сочетая строгую логику с чисто писательским образным видением мира.

До какой-то минуты Лортас остается полностью подобным Земле. «Но вот корабли оторвались от Лортаса — и космос перестал быть фантазией. Фантазия

могут быть интересными, даже самые кошмарные. Действительность оказалась иной и мучительной».

А действительность оказалась именно такой, какой она не должна быть на самом деле. Все исследованные Лортасами планеты галактики были либо вовсе необитаемыми, либо испепеленными атомными войнами. Человечество уничтожало себя почти сразу же после изобретения атомных бомб. Безусловно, это гротескный прием. Безумие не может стать всеобщим законом. Но Чэд Оливер и не думает отрываться от Земли, его мучительно волнуют проблемы современности. Просто их приходится иногда разглядывать под сильным увеличением.

Симпатии и антипатии автора совершенно ясны. Космонавты Лортаса — не космические экспансионисты, не бесчеловечные супермены с расплывчатыми понятиями о границе между добром и злом. Не жажда наживы и не демоны истребления и захвата гонят их в пространство. «Первые исследователи рассчитывали встретить друзей, а не врагов». Да иначе и быть не могло. Они летели за помощью и для того, чтобы помочь. Культура может развиваться лишь в соприкосновении с другими культурами. Сначала интеллектуальный обмен между странами, потом — между мирами. Но если И. А. Ефремов показал в «Туманности Андромеды» Великое кольцо во всем его духовном величии и мощи, то в «Ветре времени» минорной нотой звучит лишь тоска о таком общении и обмене. Чэд Оливер верен своей задаче. И когда он говорит, что ни одна цивилизация не развивалась замкнуто, питаясь лишь собственными идеями, он говорит о нашем мире, основываясь на опыте цивилизаций Земли. Он восстает против национального чванства, против ограниченной мещанской идеологии, против той уверенности в соб-

ственном превосходстве, которая приводит к попыткам навязать эту идею другим с оружием в руках. «Когда человечество перестает спрашивать, когда наступает самоуспокоение, и человечество решает, что знает все, тогда наступает конец. Люди по-прежнему едят, работают, спят, занимаются привычными делами, но для них все кончено».

Такая опасность угрожает Лортасу. Когда появилась возможность создать атомную бомбу, лортасцы поняли, что война равносильна самоубийству. Это понимали и другие, но слово у них не становилось делом, и они сгорали в атомном пламени. И только лортасцы «овладели искусством жить в мире и даже в дружбе».

Сколько здесь боли, гнева, злого сарказма по адресу тех, кто легкомысленно жонглирует бомбами на шаткой грани войны. Природа диалектична. И вновь она проявляет свое многоликое, противоречивое двуединство. Мир и спокойствие на Лортасе становятся той тепличной средой, в которой созревают застой, опасное успокоение, рождающие опасные идеи, которые выражаются формулой: «Мы изумительны».

Зачем чего-то искать, куда-то лететь. «Мы изумительны». С этого момента начинает отсчитывать секунды эра упадка, эпоха вырождения. Лортас избежал самоубийства, но его ожидает медленная деградация, постепенная агония.

Вот почему поврежденный лортасский космолет неудержимо несется к нашей Земле, на которой еще царит каменный век. Трагическое несовпадение во времени. Бесплодная встреча цивилизаций, которые разделяют тысячелетия.

С приземлением лортасских космонавтов спадает и эмоциональная напряженность романа. Чэд Оливер все чаще идет проторенными путями, подменяя фило-

софскую углубленность поверхностным развитием действия, которое все более приближается к приключенческой фабуле. Общенье космонавтов с неандертальцами решено в том же ключе, что и аналогичные сцены у Обручева («Земля Санникова») или в «Затерянном мире» Конан-Дойля.

И все же автору удается передать нам сгущающуюся атмосферу тоски и отчаяния, которые испытывает горстка людей, лишенных возможности вернуться в оставленный ими мир. Конечно, принятое ими решение впрыснуть себе снотворное и дожидаться наступления на Земле космической эры несет некоторую печать авторского произвола. Но это нужно Чэду Оливеру для развития сюжета, и он заставляет своих героев совершить такой шаг. Он дает им, пусть достаточно произвольно, всего один шанс, неверный, отчаянный. И только для того, чтобы разбудить их в пятидесятые годы нашего века, как раз накануне появления первых спутников, как раз в эпоху атомных взрывов на суше, в воздухе и на воде. Так замыкается сюжетный круг. Посланцы Лортаса встречаются с Уэсом Чейзом, заснувшим в пещере над озером. И опять повествовательная ткань становится плотной, насыщенной, опять читатель полон напряженного внимания. Развязка уже близка, но она все еще неясна. И происходит неожиданное. Уэс, которого грубо и бесцеремонно взяли в плен, постепенно начинает понимать, что эти существа с чужой, неизвестной звезды духовно ближе ему, чем тот мир, в котором он жил без особых забот и без особого счастья. И когда лортасский писатель Нлезин, ознакомившись с чтивом в мягкой раскрашенной обложке, за которой притаился мир садистов, суперменов и удачливых дельцов, спрашивает его, в самом ли деле такова земная действи-

тельность, Уэсу становится стыдно. Он впервые смотрит на свой мир со стороны. Так он оказывается между двумя мирами. Это неустойчивое равновесие. Физики называют его нестабильным и лучше, чем кто другой, знают, что его легко нарушит любая посторонняя сила. Уэс человек действия. Жена Джоан—это последняя связывающая его нить. Но она протянута к сердцу, и ее труднее всего порвать. Чэд Оливер не ставит своего героя перед таким выбором. Он облегчает ему путь, сталкивая нос к носу с Норманом—любовником Джоан. Вероятно, этого не требовалось. Уэс сделал свой выбор раньше, когда подумал, что в стареньком форе с ним ехала судьба человечества. Он понял, что каждый отвечает за эту судьбу. Каждый. И еще он понял, почему человек вымер на стольких планетах. Это такие люди, как он, Уэстон Чейз, пытались увильнуть от своей доли ответственности в общей судьбе, прячась за крепостными стенами маленьких уютных коттеджей.

Уэс остается с лортасцами. Они вновь впрыскивают себе снотворное и засыпают в пещере до лучших дней. И в этом глубокая уверенность Чэда Оливера, что такие дни настанут, что человечество не повторит безумного опыта погибших цивилизаций и вырвется на просторы вселенной. Могучий серебряный звездолет, проносящийся над головами восставших от многовекового сна людей, становится символом этих светлых, жизнеутверждающих надежд. Уэс недолго балансировал между двумя мирами. Он сделал правильный выбор.

Е. Парнов

Глава 1

Летний домик в какой-то степени устраивал их обоих. Муж, по горло сытый городским зловонием, ежегодно испытывающий непреодолимую тягу к общению с нетронутой природой, мог любоваться некрашенными сосновыми стенами со срезами сучков. Жена, смирившаяся с тем, что ей еще на одно лето придется уступить мужа тусклоглазой форели, вознаграждалась электрическим холодильником, сносной газовой плитой, душем с горячей водой и пружинными матрасами на кроватях.

Уэстон Чейз плотно подзаправился яичницей с ветчиной и тремя чашками кофе и сейчас мечтал только об одном: поскорее выбраться из этого домика. Он присел на неубранную постель, завязал шнурки старых теннисных туфель, нахлобучил на голову старую грязную фетровую шляпу и натянул якобы непромокаемую куртку. Затем рассовал по карманам плитки шоколада и сигареты, взял длинный футляр с удочками и корзинку для рыбы.

Ну, все. А теперь...

— Ты надолго, милый?

«Не успел», — подумал Чейз. Сейчас следует очередной разговор. Он знал, что скажет

сам и что скажет его жена Джоан. Это было неотвратимо, как судьба.

— Постараюсь не очень задерживаться, Джо.

— Куда ты сегодня?

— Пожалуй, отправлюсь вверх по Ганни-сону. Дорога не из легких. Ты решительно не хочешь поехать со мной?

— Мне же там будет нечего делать, Уэс.

Уэстон Чейз направился к двери. Джоан громко вздохнула, резко отодвинула чашку с черным кофе (она было налила себе четвертую) и демонстративно отбросила газету (номер лос-анжелесского «Таймса», который они получили с опозданием на два дня).

— Ну, иди, милый, — сказала она, — не заставляй форесть ждать.

Уэс медлил в нерешительности, стараясь подавить угрызения совести. Конечно, для Джо во всем этом приятного мало. Он посмотрел на жену. Сейчас, когда она была непричесана и ненакрашена, стал чуточку заметен ее возраст. Она не захотела иметь детей и сохранила фигуру, но красивое лицо уже слегка поблекло.

— Я вернусь пораньше, — сказал он. — Может, заглянем вечером к Картеру и Элен, сыграем в покер или бридж или еще что-нибудь придумаем.

— Хорошо, — ответила Джоан ровным голосом. Теперь она была «примерной женой», но не притворялась, будто это доставляет ей большое удовольствие.

Уэс небрежно поцеловал ее. На губах остался привкус кофе и сна.

Затем он открыл дверь, перешагнул через порог — и очутился на свободе.

Горный воздух, чистый и холодный, взбудрил его, как тонизирующее средство. Было еще рано, и колорадское солнце боролось с серыми утренними облаками, а в воздухе чувствовалась ночь, звезды и тишина. Мотор удалось завести только с третьего раза — карбюратор не был отрегулирован для горных условий. Уэс включил отопление.

Он выехал из мотеля «Сосны», мимоходом ругнул два колеса от фургона, валявшиеся у ворот, и повернул к Лейк-Сити. Лейк-Сити был не ахти какой город, но, как всегда, он наполнил Уэса томлением, полуосознанным желанием, возникающим обычно летом, — бежать от копоты и дыма, от уличного движения и поселиться там, где мир сохранил первозданную свежесть. Но Уэс не закрывал глаза на правду: в городке еще теплилась жизнь, но гроб для него уже был сколочен и могила выкопана. С тех пор как истощились серебряные рудники, это невыразительное скопище деревянных домов и лавок у подножия перевала существовало только благодаря туристам. Щит на шоссе при въезде в городок указывал, что в нем тысяча жителей, но, должно быть, большинство было из породы невидимок.

Однако Уэс видел синие спирали дыма над крышами, ощущал тепло за стеклами закуской на колесах, где усталая девушка расставляла тарелки с яичницей на обшарпанной стойке. У ветхой почты трое дряхлых старо-

жилов уже плели небылицы, и Уэс от души позавидовал их жизни.

Городок остался позади, машина проехала по мосту и покатила вдоль Ганнисона. На фоне снежных пиков река, окаймленная густыми зелеными зарослями и полосами красноватой гальки, была синей и приветливой. Уэс опустил стекло и услышал, как ледяная вода весело журчит и побулькивает у дороги. Но он-то хорошо знал, каков Ганнисон: быстрая, глубокая, порожистая река. В миле от Лейк-Сити Уэс свернул с шоссе, некоторое время ехал по проселку и вскоре добрался до большого извилистого ручья, который стремительно сбегал с горы. Уэс продолжал ехать, пока позволяла дорога, а потом остановился среди кустов, открыл дверцу и вылез.

Только одна примета указывала, что здесь уже побывал человек: пустая облепленная грязью коробка из-под кетовой икры, валявшаяся у скалы. Ее туда забросил неделю назад сам Уэс.

Он улыбнулся, чувствуя, что годы спадают с него, как лишняя одежда. Сердце билось ровно и сильно, в голове вставали милые и такие далекие картины: мальчик стреляет по жестянкам на берегу Литл-Майами в Огайо, строит запруды из глины и камней поперек канавы на заднем дворе, на зеленом островке посреди реки вытаскивает из-под коряги сонного сома...

Уэс запер машину, взял снасти и зашагал по тропке размашистым шагом. Он улыбнулся, когда с пронзительным криком взлетела сойка,

успел заметить скрывшуюся в чаще лань. Тропинка свернула в золотисто-зеленую долину, густо поросшую травой и цветами, а затем зазмеилась вверх по склону вдоль пенящегося потока.

Тропка была крутая, давно заброшенная, но Уэс шел по ней уверенно. Почти все время ручей оставался от него справа, но в двух местах скалы и заросли подходили к самой воде и нужно было перебираться на другой берег. Вода была холодна как лед. Теннисные туфли хлюпали на ходу. Уэс знал, что в ручье прячется форель — помахивает плавниками, подрагивая, стоит в черных затененных заводях. Ее тут порядочно, так что за день он мог бы поймать семь-восемь штук и, пожалуй, даже парочку приличных радужниц. Но сегодня этого ему было мало. Наверху, выше границы леса, лежало крошечное озерко, которое питали тающие снега. В нем водилась золотая форель, жирная и прожорливая, совсем непохожая на ошaleвшую рыбу, которую выводят в садках и выпускают в более доступные водоемы, где она, не успев опомниться, попадает на крючок.

Озеро лежало на высоте почти четырех километров, и пижоны с модным снаряжением оставляли его в покое.

Уэс упрямо карабкался вверх, зная, что устанет как собака к тому времени, когда надо будет возвращаться. Но ему было все равно. Как врач, он знал, что совершенно здоров, и был уверен в себе. Солнце все еще играло в прятки с сероватыми полосками облаков, но лицо Уэса начинало гореть в разреженном воздухе.

Его окружал — он знал это и не глядя по сторонам — великолепный пейзаж: невозмутимые сосны и изящные осины, тонкие стволы которых белели на солнце, как сливки; миниатюрные джунгли папоротника, невидимые насекомые и мягкий ветерок, шелестящий между деревьями. Один-раз где-то высоко над собой он услышал заунывный вой волка.

Если бы можно было жить здесь всегда! Забыть о том, что надо зарабатывать на жизнь, забыть о бесконечных мокрых, распухших носках своих пациентов.

Но тут же отрезвляющий шепот рассудка: «Ты здесь замерзнешь зимой, Джо не согласится, а как твои ребятишки стали бы ходить в школу, будь у тебя ребятишки?..»

В одиннадцать часов он выбрался из леса и даже величавые ели остались позади. Тропа вилась между скалами и удивительно зелеными кустами. Ручей — тут он был не шире метра, стремительный и холодный — выбегал из озера, пришептывая на камнях.

Само озерцо, до которого Уэс добрался в двадцать минут двенадцатого, могло понравиться только рыбаку. Просто большая лужа, почти круглая, примерно сорок пять метров в поперечнике. Солнце стояло прямо над головой, и вода казалась темно-зеленой; те редкие места, куда падала тень от скал, выглядели черными. На пике, вздымавшемся позади озера, еще лежал снег, ослепительно сверкавший на солнце.

Было так тихо, как будто мир только что создали — новый, чистый и свежий.

Уэс сел на камень и поежился. Хорошо, если бы облака рассеялись окончательно, хотя без яркого солнца удить, конечно, лучше. Он чувствовал не усталость (она придет позднее), а голод и жадно съел две плитки шоколада, запив их холодной водой из ручья.

Уэс вытряхнул удилище из футляра и собрал его. Вынул черную катушку из корзинки и вставил ее на место. Посмотрев на леску, решил, что все в порядке, и насадил двух искусственных мух. Возможно, в глубокой воде на икру будет клевать и лучше, но ему некуда торопиться.

Он поднялся, закурил сигарету и выбрал удобное место: с одной стороны — скала, но позади достаточно пространства, чтобы размахнуться.

Мир затаил дыхание.

Привычным движением Уэс забросил спиннинг с мухами в озеро. Они коснулись воды справа, всего лишь в полутора метрах от берега. Он подержал их так секунду — два коричневато-красных пятнышка на зеленой поверхности озера. По воде бежала легкая рябь от ветра — и только.

Уэс сделал новую попытку, отпустил леску и закинул мух прямо перед собой. Ничего. Он потянул леску на себя и подергал ее.

Р-раз!

Взмах огненных плавников, огромная тепь под водой — и мухи исчезли. Леска натянулась, удилище согнулось и задержалось словно живое.

От волнения Уэс пробормотал с десяток оборных ругательств, никому в частности не адресованных, и попятился. Сачком в таком месте не воспользуешься, придется просто выбросить рыбу на камни...

Вот она! Форель выскочила из воды и чуть не оборвала леску. Уэс, держа леску натянутой, выждал минуту, когда форель немного притихла, и дернул.

Есть! Форель забилась на камнях, мухи выскочили у нее изо рта.

Уэс левой рукой сорвал с головы шляпу и накрыл ею рыбину, как корзиной. Потом осторожно сунул под шляпу руку, схватил форель и резким движением сломал ей позвоночник.

Уэс опустил на камень и, блаженно ухмыляясь, залюбовался добычей. Хороша, ничего не скажешь — добрых тридцать пять сантиметров и весит немало. Уэс бросил форель в корзину, застегнул крышку и распутал леску.

«С пустыми руками сегодня не останусь», — сказал он вслух, радуясь больше, чем повод того заслуживал. И что в ней такого, в рыбе, что каждый раз чувствуешь себя снова мальчишкой? Он не стал раздумывать над этим: не все ли равно, почему он счастлив? Счастлив, и все тут.

Уэс опять встал у воды, твердо веря, что сегодня его ждет удача. Он забыл обо всем: о еде, отдыхе, обещаниях, которые давал Джо. Сейчас для него в мире существовало только одно: форель. Каждая пойманная рыба разжигала желание поймать еще.

Для Уэса Чейза время исчезло.

Корзинка с рыбой начинала оттягивать ему бок. Мокрые ноги ныли, но он ничего не чувствовал.

На тучи, повисшие у вершины горы, он обратил внимание только потому, что вода потемнела, по озерцу побежали волны, а клев стал еще лучше.

В четыре часа дня с ошеломляющей внезапностью налетел ураган. Уэс вдруг с изумлением увидел, что озеро превратилось в изрытую оспинами черную массу бушующей воды. Что-то ледяное упало ему на руку. Он поглядел по сторонам, пытаясь приспособиться к перемене, которая застигла его врасплох.

Град.

Не дождь, а град — круглые стремительные льдинки сыпались со всех сторон, дробили воду. А воздух вдруг словно замер — ни малейшего ветерка.

Сначала Уэс не испугался, а был только раздосадован. Он вернулся туда, где оставил футляр, разобрал удилище и спрятал его. Градины падали за воротник, таяли, и по спине текли холодные струйки.

Уэс отметил про себя два обстоятельства: было темнее, чем полагалось при подобных случаях, и, кроме того, он замерз. Следовало бы поскорее где-нибудь укрыться, но укрыться было негде. Лес остался далеко внизу, и вокруг не было ни единого дерева, которое могло бы послужить защитой от града.

Уэс выпрямился, стараясь, чтобы градины задевали его пореже. Если бы хоть поля шля-

пы были шире! Он чувствовал, как град барабанит по фетру, а тулья уже успела намокнуть.

Он вспомнил, что ниже по тропе есть заброшенная хижина старателя. Крыша, правда, провалилась, но все четыре стены, если его не обманывает память, более или менее целы. Впрочем, все равно — до хижины добрых две мили, а град засыпал землю так густо, что тропы почти не видно.

Разыгрывалась буря. Поднялся резкий северный ветер, и теперь град бил прямо в лицо. Уэс взял футляр со спиннингом под мышку и засунул красные окоченевшие руки в карманы. Подняв голову, он в отчаянии огляделся.

И не увидел ничего утешительного. Скользкие камни покрывал слой града; мир, казавшийся таким приветливым несколько часов назад, теперь являл собой поистине мрачное зрелище. Уэс посмотрел на часы: двадцать минут пятого. При самых благоприятных условиях до машины меньше чем за два часа не добраться, а спускаться по крутой тропинке в темноте ему вовсе не хотелось. Он подождал минут десять, дрожа от холода, но град и не думал униматься.

Повернувшись спиной к ветру, Уэс ухитрился закурить сигарету с пятой попытки. Затем, скосив глаза вниз, побрел к вздувшемуся ручью, где начиналась тропа. Ему было очень скверно, и сейчас он охотно признал бы, что цивилизация в конце концов не такая уж плохая вещь.

Если бы только добраться до нее!

Град припустил сильнее, и Уэс испугался за очки. Если они разобьются, ему трудно будет искать дорогу среди этих скал. Он попробовал наклонить голову, но тогда обнажилась шея.

Уэс прибавил шаг, тотчас поскользнулся на градине и упал навзничь. Он даже не ушибся, но его охватил страх.

«Не торопись, — подумал он. — Спокойней!»

Уэсу никак не удавалось разглядеть тропу, а просто следовать за течением ручья он не мог — путь преграждали скалы и густой кустарник. Он попытался вспомнить, по какому берегу пролежала тропа, но не мог. Спотыкаясь, Уэс некоторое время пробирался, как он думал, по тропе, но вскоре уперся в скалу. Ветер завывал, град усилился. Уэс посмотрел на часы.

Без четверти пять. Через час будет совсем темно, если только тучи не разойдутся.

Он повернул назад, опять упал — на этот раз в колючий куст — и оцарапал лицо.

«Не хватает еще сломать ногу. Ведь никто не знает, где я».

Он остановился, заслонил глаза от градин и начал оглядываться по сторонам — найти бы хоть какое-нибудь убежище, какое угодно!

Вон там!

Прямо над ним.

Пожалуй, пещера — та тень под выступом.

Уэс положил корзинку и футляр со спиннингом на землю и полез на крутизну. Он разорвал штанину, но даже не заметил этого. Град хлестал ему прямо в лицо. Шляпа слетела

с головы. Уэс перекатился через край уступа — точно рыба, вдруг подумал он — и забрался под нависшую скалу.

Но и тут ветер продолжал его сечь. Уэс согнулся в три погибели и отступил в самую глубину каменного навеса. Вдруг он заметил отверстие — небольшое, но пролезть можно.

Пещера?

Все равно.

Уэс перевел дух, протянул руку, чтобы проверить, не пропасть ли там, и протиснулся внутрь.

Глава 2

В темноте Уэс не мог ничего толком разглядеть, но, во всяком случае, тут было сухо. Пошарив под курткой в кармане рубашки, он нашупал спичку, зажег ее и, подняв над головой, попытался осмотреться.

Крохотный огонек помог мало. «Что-то вроде пещеры», — решил Уэс. Ему была видна только одна стенка, до потолка можно было достать рукой. Шагах в пятнадцати позади него что-то металлически поблескивало — наверное, выход руды.

Спичка потухла.

Уэс напряженно прислушивался, готовый объяснить малейший шорох присутствием волков, змей и прочих очаровательных соседей. Он ничего не слышал. В пещере висела тяжелая, застойная тишина. Уэс подумал: «Может, до меня здесь никто никогда не бывал — я первый».

При других обстоятельствах эта мысль доставила бы ему удовольствие, но сейчас он чувствовал себя слишком несчастным. Он промок, замерз, устал. Топлива для костра взять было нигде. Снаружи, в каких-то двух метрах от него, с яростной настойчивостью бушевала ледяная буря.

Приближался вечер. «Почему я не захватил с собой фонарик?» Ему вспомнились жизнерадостные рекламы, на которых глубоководных ныряльщиков, охотников на медведей, бесстрашных молодых сыщиков неизменно выручали высококачественные батарейки для фонариков. А что если у вас нет фонарика? Может быть, в этом случае следует запустить в противника батареей?

Уэс засмеялся, немного ободрился и закурил. Хоть дым-то теплый. Пациенты вечно расспрашивали его про рак легких, и он всегда отвечал им очень авторитетно. Но все равно сам курить не бросал.

Чуть подвинувшись, чтобы острый выступ не впиался в бок, Уэс принялся обдумывать, что делать дальше. Может быть, придется здесь переночевать, но буря когда-нибудь да утихнет, он спустится к машине, вернется к Джо и расскажет ей, как было дело. А там горячий душ, завтрак, обжигающий кофе и антибиотики. У него, к счастью, с собой целый запас. Аптека в Лейк-Сити, наверное, до сих пор хранит традиции эпохи скипидара и лечения простоквашей.

Что это, действительно у него начинается болеть горло или это только воображение?

«Врачу, исцелися сам...»

Еще две сигареты — и настало шесть часов. Снаружи под завывание бури сгустился мрак и темнота пещеры стала еще чернее. Буря звучала теперь по-иному, слышался шорох и бульканье — значит, град сменился дождем. Упорным, проливным дождем. Уэс по опыту знал,

что теперь горная тропа станет ручьем сантиметров в семь глубиной. Пробираться по ней в темноте опасно. Чего доброго, сломаешь ногу, а тогда дело дрянь.

Он развернул плитку шоколада и медленно съел ее. Оставшиеся две лучше приберечь на завтрак перед обратной дорогой.

Все тело у него уже затекло и ныло, и ночь, проведенная на камнях в пещере, не сулила ничего хорошего. Однако устал он черт знает как, и, может быть, если удастся немного вздремнуть, время пройдет быстрее?

Уэс довольно долго выбирал положение поудобнее, но в конце концов убедился, что это бесполезно, подложил под голову вместо подушки носовой платок и закрыл глаза.

Снаружи бесновался ураган, но шум был ровный, усыпляющий...

Уэс заснул.

Он ворочался на жестком ложе, не просыпаясь, но и во сне ощущая ход времени. Он словно цеплялся за сон, как будто какая-то часть мозга создавала, что лучше спать, чем очнуться среди этого холода.

И вдруг Уэс проснулся — сразу и окончательно.

Что-то разбудило его. Но что?

Он замер, прислушиваясь. Дождь прекратился, и снаружи все стихло, слышался только звук падающих капель. В пещеру просачивался слабый лунный свет.

Уэс посмотрел на часы. Два часа.

Вот оно! Приглушенное звяканье, точно щелкнула металлическая задвижка.

Это звяканье раздалось где-то совсем рядом, в пещере.

Уэс затаил дыхание, забыв про ноющую боль в спине и ногах. Его взгляд шарил в сумраке пещеры...

Новый звук. На этот раз царапанье, точно ногтем по грифельной доске. Там, где стенка отливала металлическим блеском.

Какой-нибудь зверь?

Уэс впивался взглядом в густую мглу. Он как будто даже что-то видел, но очень смутно. Его охватил безотчетный, необъяснимый страх. Цивилизации, науки, знаний как будто не было. Остался только он один и вокруг — первобитная тьма, пронизанная ужасом.

Уэс бесшумно перевернулся на живот, встал на четвереньки и пополз к выходу. Он высунул наружу одну руку, стараясь ухватиться за мокрый, скользкий выступ.

И тут Уэс услышал, как позади что-то открылось.

Он оглянулся.

Кто-то, вернее, что-то вышло из отверстия в глубине пещеры. Оно было высокое — оно наклоняло голову, чтобы не стукнуться о потолок... Мучнисто-белое лицо со впалыми щеками. Глаза же...

Оно увидело Уэса.

Шагнуло к нему.

Уэс Чейз потерял способность думать, мозг его был парализован. Но мускулы действовали. Рывком он выбрался из пещеры, соскользнул с уступа, прислушался — и бросился туда, где шумел вздувшийся от дождя ручей, почти чер-

ный в серебристо-голубом свете луны. Вот и тропинка. Уэс побежал по ней вниз, напрягая все силы. Он поскользнулся, чуть не упал, но удержался на ногах, схватившись за упругий куст.

«Тише, тише, — успокаивал он себя. — Так можно разбиться».

Он обернулся. И увидел только скалы в тусклом лунном свете. Услышал только шум падающей воды и долгую, ничем не прерываемую тишину. Затем он снова устремил взгляд на тропу, старательно выбирая, куда ступить.

«Хоть бы добраться до леса! Спрятаться».

По его телу пробежала невольная дрожь. Никаких сомнений быть не может — он видел это лицо. Он не спал и пока еще не сошел с ума. Чтобы убедиться в этом, даже не надо щипать себя — и без того у него болит все тело.

Уэс продолжал шагать со всей быстротой, какую считал безопасной. Ему пришлось перебраться на другой берег, а ручей стал теперь глубоким и бурным. Уэс погрузился в ледяную воду почти по пояс. Теннисные туфли захлюпали.

«Возьми себя в руки, мой милый».

Он подобрал острый камень и зажал в руке. Что же это было? Он не суеверен, во всяком случае в нормальной обстановке, покойников навиделся достаточно и знает, что они не имеют обыкновения разгуливать по горам. Ну, что же! Раз оно было похоже на человека, значит, это и есть человек. Но что оно — Уэс никак не мог

заставить себя думать «он», — что оно там делает? Еще один любитель рыбной ловли? Но как же он не заметил и не услышал его раньше? Отшельник? Чепуха! Без жилья и без дров здесь никакой отшельник долго не протянет.

Уэс начал сердиться. Он оставил у скалы корзинку, полную золотой форели, не говоря уж про спиннинг и пляцу. Но возвращаться за ними он не станет. Неизвестный — огромного роста, а вдруг он не в своем уме? Надо заручиться помощью, вернуться туда днем и посмотреть, что там творится...

Ему послышался шум справа.

Ручей?

Какой-нибудь зверь?

Уэс ускорил шаги, крепко сжимая в руке камень. Спускается он, конечно, быстрее, чем поднимался утром. Еще две-три минуты, и начнется лес. А тогда что? Попробовать добраться до машины? Он уже почти согрелся и почувствовал себя сносно, но остаться в лесу значило снова замерзнуть. А до восхода солнца еще больше трех часов. Уэс решил идти к машине. Он шел теперь ровным свободным шагом, почти бежал. Подошвы чмокали, скользили, но он не терял равновесия. Испуг постепенно проходил.

«Наверняка все объясняется совсем просто. Авиационная катастрофа? Может быть, следовало заговорить с ним, помочь...»

Но он продолжал идти вперед.

По сторонам уже смутно чернели деревья.

и он почувствовал пьянящий запах мокрых сосен. Луна мелькала теперь за ветвями и на землю ложились обманчивые тени. Уэс еще раз перешел ручей и вышел на тропу.

Внезапно тропа резко свернула вправо.

Уэс чуть не бегом обогнул заросли кустов и вдруг остановился, как вкопанный.

На тропинке его поджидал тот самый человек.

Он стоял неподвижно, неясно вырисовываясь в холодном сиянии луны. Лицо его по-прежнему было мертвенно белым. Он был высокий — выше Уэса — и очень худой. Глаза казались тенями на бледном лице.

— Кто вы? — крикнул Уэс более пронзительно, чем намеревался. — Что вам надо?

Человек молчал. В темноте бурлил ручей.

— Отвечайте, черт возьми! Чего вы добиваетесь?

Никакого ответа.

Уэс весь напрягся, крепче сжав камень в руке. Ну нет, обратно на гору он не побежит!

— Прочь с дороги! — сказал он.

Человек (если это был человек) не шелохнулся.

Когда-то, в студенческие годы, Уэс был неплохим полузащитником и сбивал с ног не таких верзил. Он снял очки, положил их в карман брюк, затем прищурился, набрал воздуха в легкие и кинулся прямо на человека, уже заноса камень для удара.

Совершенно спокойно человек поднял руку, державшую какой-то предмет. Раздался тихий щелчок, и Уэс Чейз распростерся на зем-

ле, почти касаясь лицом башмака незнакомца. Такой обуви он никогда не видел.

Он был в полном сознании, но не мог пошевелиться. Сердце громко стучало в груди. Он не ощущал земли, на которой лежал. Ему вдруг стало необъяснимо покойно и хорошо. Точно во сне, когда ничто не имеет значения, так как вот-вот проснешься — и все рассеется...

Но не рассеялось. Человек (да, это должен, должен быть человек!) молчал. Он поднял Уэса и взвалил его на плечо не грубо, но небрежно. «Как мешок с картошкой», — подумал Уэс.

Человек начал подниматься в гору. «Я вешу почти восемьдесят килограммов, не сможет же он тащить меня всю дорогу до самого верха».

Но тот тащил. Он задыхался и через каждые две-три сотни метров клал Уэса на землю, чтобы отдохнуть, но продолжал идти. Вот уже исчезли деревья, показались скалы, и Уэс вновь увидел луну, одинокую, холодную и далекую.

Медленно, но неуклонно они приближались к ледяному озеру. Затем свернули к пещере. Уэс заметил свою корзинку с форелью — она лежала там, где он ее уронил, и он невольно подумал, что рыба, наверно, не испортилась на таком холоде. Возле валялся футляр с удочками, но шляпы рядом не было, а повернуть головы он не мог.

Человек залез в пещеру и втащил за собой Уэса. Затем проволоком его метров пять к тому месту, где, как раньше показалось Уэсу, блестела руда.

Но это была не руда, а дверь.

Человек открыл эту дверь, похожую на люк подводной лодки. По пещере разлилось слабое сияние, напоминавшее лунный свет. Человек шагнул внутрь, втащил за собой Уэса и захлопнул дверь. Уэс услышал резкое щелканье замка.

Человек кое-как посадил Уэса, прислонив его к стене, и отошел в сторону. Уэс попытался шевельнуться, но это ему не удалось. Он не ощущал стены за спиной, пола, на котором сидел. Его тело было парализовано.

Но глаза продолжали видеть, и он внимательно оглядывал пещеру.

Он находился в огромном каменном склепе метров около тридцати в ширину. Очевидно, это была естественная пещера, но обычный мусор и обломки камней были убраны, а выступы сглажены.

А кроме того, от мира ее отрезала эта странная дверь.

В пещере стояла полная тишина, нарушаемая только дыханием Уэса и незнакомца.

Но склеп не был пуст. И это было хуже всего. Хотя нормальные реакции Уэса были каким-то образом заторможены, все же, взглянув на дальнюю стену, он почувствовал страх.

Там в скале были выбиты ниши. Пять ниш.

В неясном свете, исходящем от трубок, напоминавших ручные фонарики, Уэс разглядел в четырех нишах неподвижные тела. Пятая была пуста, но нетрудно было догадаться, кто до недавних пор находился в ней.

Итак, забудь про авиационную катастрофу. Забудь про отшельников. Забудь про любителей рыбной ловли.

Человек смотрел на него по-прежнему без всякого выражения. Потом на миг перевел взгляд на тела в нишах, как будто что-то проверяя.

Затем он направился к Уэсу, вытянув вперед руки. Глаза его заблестели.

Глава 3

Уэс Чейз не мог пошевелиться. Ему казалось, что это невыносимое мгновение никогда не кончится. Пещера, ниши, протянутые к нему руки — все с поразительной отчетливостью врезалось в его сознание. Ему часто приходилось видеть, как умирают люди, и он нередко, хотя и не слишком серьезно, прикидывал, какой будет его собственная смерть. Нет, перед ним не предстала разом вся прожитая жизнь. Наоборот, минута, выхваченная из времени, остановилась, и в голове замелькала запомнившаяся с университетских времен строка: «Так наступает конец, так кончается мир, так кончается...»

Но конец не наступил.

Совершилось чудо: руки человека дотронулись до него, но не грубо и не злобно. Уэс взглянул человеку в глаза: они были серые, ясные, но он ничего в них не прочел. Лицо было вполне человеческое, как и скрытый этим лицом череп. Уэс быстро перечислил: верхняя челюсть, нижняя челюсть, скуловые дуги, носовая полость, глазницы, лобная кость...

И в то же время такое лицо он видел впервые в жизни. Мучнистый цвет кожи... Но не это главное. Что-то не так с пропорциями, хотя и

трудно уловить, в чем именно заключается странность. И еще — выражение лица! Блестящие глаза, кожа, обтягивающая скулы, приоткрытые тонкие губы, учащенное дыхание...

Что это? Голод? Ненависть? Надежда?

Руки осторожно обшарили карманы, вывернули их, сняли часы. Незнакомец потрогал золотое обручальное кольцо на пальце, но не стал снимать его. Он что-то искал — Уэс был в этом уверен. Но что?

Добыча более чем незавидная: коричневый бумажник, который Джо подарила ему год назад на рождество; какая-то мелочь — монета в двадцать пять центов, два пятицентовика, четыре цента; черная расческа, не слишком чистая и без одного зубца, — Уэс как раз собирался купить новую в аптеке. Связка из трех ключей — один от машины, второй от дома на Беверли-Глен, за бульваром Сансет, третий от приемной в Уэствуде. Две пачки сигарет, одна из них мятая и почти пустая. Пакетик картонных спичек, тоже почти опустевший. Две плитки шоколада в фольге. Несколько искусственных мух для наживки и комочек засохшей икры. Платка нет. Уэс вспомнил, что подстелил его себе под голову, — наверное, он так и лежит в наружной пещере.

Человек сел на пол и принялся внимательно рассматривать добычу. Внимательно? Более того — с напряжением, которое граничило с отчаянием.

Часы, казалось, заинтересовали его больше всего. Он поднес их к уху, послушал. Неуверенно повертел в руках, покрутил завод, пере-

вел стрелки. Потом с разочарованным видом покачал головой.

«Часы отличные. Что ему не нравится?»

Затем человек занялся бумажником. Он вынул четыре долларовые бумажки и стал их разглядывать. Потер пальцами и, поколебавшись, отложил туда, где лежали монеты. Так же тщательно он изучил и остальное содержимое бумажника, недоуменно хмурясь при виде всяких карточек, шоферских прав и прочих документов. Среди них была цветная фотография Джо. Уэс хорошо помнил этот снимок, он был сделан три года назад, в день рождения Джо. В простой юбке из твида и коричневом свитере Джо выглядела на нем свежей и юной. Вдруг, несмотря на владевший им дурман, Уэс почувствовал острое сожаление. Но оно тут же бесследно исчезло — так даже и лучше, подумал он неопределенно.

Человек вытащил сигарету из начатой пачки, понюхал ее, разорвал бумагу и попробовал табак на язык. Сморщившись, вытер крошки с языка тыльной стороной руки. Потом взял спички, удовлетворенно кивнул и, чиркнув спичкой, зажег ее с первой же попытки. Он смотрел, как она горела, и задул огонек, когда он уже подбирался к самым его пальцам.

Посмотрев на ключи, человек бросил их в кучку денег. Затем взял плитку шоколада и поскреб ее ногтем. Глаза его радостно заблестели. С лихорадочной поспешностью он сорвал обертку и начал рассматривать шоколад и вкрапленный в него миндаль, не зная, на что решиться.

Человек встал и зашагал по пещере, то и дело нервно поглаживая шоколад пальцем. Дважды он поднес плитку ко рту, но каждый раз пугался и опускал ее.

«Он не знает, съедобно это или нет. Откуда же он явился, если никогда не видел шоколада?»

Наконец человек принял решение. Отломив два квадратика, он встал на колени рядом с Уэсом и осторожно раскрыл ему рот. Он размельчил шоколад, выбросил миндалинку и стал класть крошки Уэсу в рот. Уэс поперхнулся — жевать он не мог. Однако он тут же обнаружил, что способен глотать — только не надо торопиться! — и кое-как съел шоколад.

«Подопытная свинка!» — подумал он и вспомнил клетки с морскими свинками на верхнем этаже больницы. Вспомнил и одну из дочерей старого доктора Стюарта, Луизу. Как она возмутилась, узнав, что морских свинок заражают инфекционными болезнями, чтобы посмотреть, что из этого выйдет...

Во всяком случае, шоколад был вкусный.

Человек уселся на пол и, судя по всему, постарался взять себя в руки. Он сидел неподвижно, смотрел и ждал. Прошло, наверное, несколько часов, но Уэс утратил ощущение времени.

Наконец человек встал, пощупал Уэсу лоб, поглядел на глаза и язык. И улыбнулся. Эффект был потрясающий: словно кинозлодей прекратил на минутку идиотское преследование идиотки-героини и отпустил пару стандартных шуток.

А затем он съел весь шоколад.

Съел? Нет, сожрал, судорожно глотая, как заблудившийся в пустыне путешественник, который, обезумев от жажды, бросается в поток.

А затем, снова улыбнувшись, довольно потер руки — жест, как-то с ним не вязавшийся. На его бледных щеках проступил слабый румянец. Даже черные длинные волосы стали словно менее тусклыми.

Приободрившись, незнакомец принялся энергично действовать. Он положил Уэса на каменный пол и раздел его, присматриваясь к каждой пуговице, пряжке и молнии. Затем укрыл Уэса своей одеждой, а сам начал с трудом облачаться в непривычный костюм. В конце концов он справился с этим, хотя не раз бормотал себе под нос какие-то слова, весьма смахивавшие на ругательства. Уэс с удивлением обнаружил, что куртка и брюки сидят на незнакомце неплохо. Очевидно, тот был не так высок, как казалось.

Незнакомец разложил по карманам все, что прежде вынул из них, и с особенной тщательностью спрятал деньги. Затем надел на руку часы. Он явно нервничал, но был полон решимости.

«Он пойдет в Лейк-Сити, — подумал Уэс и внезапно преисполнился надежды. — Как он ни старается, все равно на настоящего американца он не похож. Кто-нибудь да обратит на него внимание. Кто-нибудь да узнает мой костюм. Джо, наверно, уже позвонила в полицию, и, значит, полицейские будут следить...»

Человек открыл дверь, вышел в первую пещеру, и дверь снова захлопнулась.

Уэс все еще не мог пошевелинуться. Он лежал на спине, прикрытый чужой одеждой, и уголком глаза видел ниши в дальней стене и четыре безмолвные спящие фигуры.

Хоть бы они не проснулись, пока он здесь один!

Как ни был Уэс одурманен, его все-таки одолевали сомнения. Доберется ли незнакомец до Лейк-Сити? Если он не найдет машину, ему придется проделать недурную прогулку. А умеет ли он водить машину? Раз он никогда не видел шоколада, то, наверное, не видел и автомобилей.

Предположим, он как-нибудь доберется до Лейк-Сити. Однако полиция ведь ищет Уэса, а не этого неведомого человека. И много ли шансов, что кто-нибудь узнает одежду пропавшего Уэса? В конце концов, это самый обычный костюм рыболова. Разве что брюки порваны, но и это в порядке вещей. Правда, отсутствие шляпы... но, может быть, он подобрал ее по дороге? Единственная надежда на автомобиль — автомобиль с калифорнийским номером. Если бы он поехал на машине...

Интересно, насколько странным должен выглядеть покупатель, чтобы продавец позвонил в полицию? Если бы Уэс был лавочником, к которому обратился незнакомец, что бы Уэс подумал? Вероятно, счел бы его ненормальным и тут же бы про него забыл. Ведь во время войны разгуливали же по Таймс-сквер двое молодчиков в нацистской форме...

Время летело. Уэс не то что бы спал, но и не бодрствовал. Ему начинало казаться, что у него

небольшой жар и он дремлет в постели, куда его уложила простуда.

Уэс догадывался, зачем незнакомец отправился в город. Он явно умирал с голоду. На его месте Уэс прежде всего постарался бы купить чего-нибудь поесть, и, несомненно, именно таков должен быть ход мыслей незнакомца. Но в бумажнике всего четыре доллара. Если человек рассчитывает, что сможет закупить много провизии, то его ждет жестокое разочарование.

Уэс вдруг похолодел. Именно в этих местах в давние дни хижину одного старателя занесло снегом. С ним жило трое товарищей, а припасов у них почти не было. Весной из хижины вышел только сам старатель, гладкий и упитанный. Рассказывали, что он умер в тюрьме убежденным вегетарианцем...

И если незнакомец не сможет купить достаточно еды, тогда... тогда...

Уэс старался отогнать эти мысли, найти другую, более приятную тему, однако это оказалось нелегко. О чем бы он ни начинал думать, его мысли неизменно возвращались к незнакомцу, не говоря уж о четырех спящих. Кто они? Откуда взялись? И что им здесь надо?

Против своей воли Уэс восхищался незнакомцем. Ведь тот, если взглянуть на все с его точки зрения, решился на невероятно смелый поступок, просто неслыханный подвиг. Он здесь совсем чужой: даже такой простой предмет, как плитка шоколада, для него загадка. То ли он не знает английского языка, то ли не желает на нем разговаривать. Вероятно, Уэс кажется ему таким же непонятным, как и он — Уэсу.

И все-таки он надевает чужую одежду и отправляется искать дорогу в город, чтобы купить еду, о которой не имеет ни малейшего представления, на неизвестные ему деньги.

Следовательно, незнакомцу тоже приходится не сладко.

Это соображение почему-то немного утешило Уэса. Он задремал, потом забылся беспокойным сном.

Его разбудил стук открывшейся двери. Незнакомец вошел и быстро захлопнул ее. Вид у него был измученный, он дрожал как в лихорадке. Уэс хотел привстать, но тело по-прежнему ему не повиновалось.

Человек посмотрел на Уэса. Как? Сердито? С отчаянием? Поставив на землю принесенную картонку, он раскрыл ее. И вопреки всему Уэс почувствовал жалость. Четыре булки, две банки спаржи, около полсотни разных плиток шоколада.

Лицо незнакомца было теперь даже бледнее, чем раньше. Он растянулся на камнях рядом с Уэсом, глубоко вздохнул и заснул. Вскоре он начал храпеть.

Смотреть больше было не на что. Уэс к этому времени уже знал пещеру до мельчайших подробностей, начиная с темных фигур в нишах и кончая трещинами в своде над ним. Усталость прошла, в голове прояснилось и, как ни странно, исчез нанический ужас. Уэс все еще испытывал опасения и неуверенность, но теперь происходящее приобрело оттенок нереальности, сна, который должен был скоро кончиться, и кончиться благополучно.

Уэс решил, что все это симптомы шока.

«Значит, его средство перестает действовать. Если бы ко мне вернулась подвижность, пока он еще спит...»

Уэс приготовился ждать. Ничего другого ему не оставалось. Он размышлял о спящем возле него человеке. Несомненно, неизвестный добрался до Лейк-Сити. Пешком или на машине? Он кое-что купил, и, следовательно, ему пришлось экспериментировать деньгами, о которых он ничего не знал. И конечно же, конечно, привлек к себе внимание! Рано или поздно его появление свяжут с отсутствием Уэса (если уже не связали), а тогда...

Но сумеют ли его найти? И найдут ли его живым или?..

Время ползло. Уэсу казалось, что сковывавшее его оцепенение понемногу проходит — но очень медленно. Когда незнакомец проснулся, Уэс мог только едва поворачивать голову.

«Все начинается сначала».

Незнакомец встал и пристально посмотрел на Уэса. Тот лежал, затаив дыхание. Незнакомец усмехнулся и погладил его по плечу, по-видимому, чтобы успокоить.

«А может быть, он выбирает лакомый кусочек?»

Незнакомец потянулся и съел две плитки шоколада, но без особого удовольствия. Затем он направился к нишам и долго стоял там, глядя на спящих. Одного он тихонько потрогал, но тот не пошевелился.

Уэс обрадовался — еще неизвестно, что

именно может появиться из этой ниши, и чем позже он это узнает, тем лучше.

Незнакомец достал пистолет, тот самый, из которого стрелял в Уэса на тропе. Внимательно проверив его, он повернул диск на рукоятке. И облизал губы. Уэс покрылся холодным потом, но тут же овладел собой.

«Перестань думать об этом! Себе же делаешь хуже!»

Взглянув на дело более трезво, Уэс сообразил, что именно собирается предпринять незнакомец. Это оказалось не так уж трудно. Как бы он ни отличался от обычных людей, ход его мысли был достаточно ясен: раз не удалось купить достаточно припасов, значит, надо раздобыть еду каким-нибудь другим способом. Значит, он отправляется на охоту.

Незнакомец вышел из пещеры с пистолетом в руке.

Несмотря ни на что, Уэса разбирало любопытство. Если неизвестному нужна только пища, а его пистолет годится для охоты, то зачем он вообще тащился в Лейк-Сити? В горах полно дичи, особенно если не быть слишком разборчивым. Не проще ли было сразу же подстрелить оленя или еще какого-нибудь зверя?

«Только, мне кажется, он не знал, что до Лейк-Сити так далеко. А может быть, ему нужно что-то поважнее еды?»

Но что? Сведения!

«Он пытается разузнать что-нибудь про нас. Он, несомненно, никогда прежде не видел людей, таких, как я. Он что-то ищет. Что? Зачем?»

Незнакомец не возвращался очень долго. А когда наконец вернулся, то принес уже освежеванную тушу какого-то зверя, скорее всего волка, и охапку хвороста. Стало быть, он спускался в лес.

Незнакомец аккуратно сложил хворост, приготовив для растопки кору. Потом разжег костер одной спичкой из пакетика, отобранного у Уэса. Хворост занялся сразу. Костер был маленький, но Уэс вскоре ощутил исходящее от него тепло. Дым вытягивало под свод — очевидно, там было какое-то отверстие.

Человек отрезал четыре ломтя мяса ножом, которого Уэс прежде у него не видел, и принялся жарить их, насадив на палочки. Сок закапал в огонь и зашипел.

От запаха жарящегося мяса рот Уэса наполнился слюной и ему отчаянно захотелось есть.

Когда мясо было готово, человек принялся за него, но теперь он не накинулся на еду с нетерпеливой жадностью, как на первую плитку шоколада, а не торопясь, тщательно прожевывал каждый кусочек и смаковал его. Бледное лицо уже не казалось таким мертвецким.

Затем незнакомец встал, вынул пистолет из кармана куртки, снятой с Уэса, и опять повернул диск. Он прицелился в плечо Уэса. Послышался шелестящий звук, Уэс стиснул зубы... но ничего не почувствовал.

Незнакомец ждал.

И вот Уэс ощутил, боясь еще этому поверить, что к нему постепенно возвращается способ-

ность чувствовать и двигаться. Его тело словно вытащили из ледяной воды. Кожу покалывало. Уэс попробовал шевельнуть рукой, и ее свела мучительная боль, словно он ударился локтем о дверь.

Его била сильная дрожь.

Оцепенение исчезло!

А незнакомец смотрел и ждал, по-прежнему храня молчание.

Глава 4

Уэстон Чейз словно рождался заново. Он чувствовал, как жизнь входит в него — входит тысячами ледяных иголок. Иногда ему казалось, что уж лучше было бы остаться полуживым. Все-таки, когда очень худо, боли не замечаешь. Когда же возвращается боль и память, жить становится невыносимо.

Уэс лежал на полу пещеры, и ему хотелось кричать. А может быть, он и кричал, сам того не замечая. Он чувствовал себя разбитым, несчастным, опустошенным. Во рту был вкус табачного перегара. Голова раскалывалась от боли. Все тело ныло так, что трудно было даже повернуться.

Но физическую боль он еще мог вынести.

Страшнее было другое.

Он во власти сумасшедшего, а может, и того хуже. Джо не знает, где он, и вообще никто этого не знает. Сколько он здесь пробыл? Что подумала Джо? Не могла же она поверить, будто он просто сбежал от нее? А вдруг?..

В мозгу Уэса, точно на полотне экрана, вспыхивали и гасли картины: Джо возле плавательного бассейна, над которым он столько издевался. Малыш из соседнего дома упал с велосипеда и расшиб себе голову, и Джо помо-

гает забинтовать ссадину. Славный мальчишка, Уэс всегда мечтал о таком сыне. И Джо, у себя дома в тот вечер — за год до их свадьбы... Джо.

Уэс застонал, ему хотелось плакать, горько, по-детски. О господи, это нелепый кошмар — не может быть, чтобы и в самом деле...

Под его спину скользнула белая ладонь. Вот он уже сидит и к нему наклоняется странное бледное лицо.

«Дракула *», — истерически подумал Уэс. — Я попал в какой-то дурацкий фильм с вампирами. Чеснок! Где же чеснок?»

Он захохотал, но, услышав свой смех, тотчас умолк.

Бледный человек чем-то задел уши Уэса. Это были очки — его очки! Потом раскрыл Уэсу рот и положил ему что-то на язык. Уэс поперхнулся и начал жевать. Челюсти еще плохо его слушались, но все же он глотал вкусный сок и по телу разливалась теплота. Мясо! Правда, жестковатое, но сочное и приятное.

Человек продолжал кормить Уэса. Тот уговаривал себя не усердствовать, но голод заглушал голос рассудка. Только съев полтора больших куска, Уэс наконец остановился. Тогда человек дал ему напиться холодной воды из кожаной фляги.

— Спасибо, — сказал Уэс хрипло.

Человек кивнул, но ничего не ответил и опять принялся есть сам, неторопливо и со вку-

---

* Вампир, главное действующее лицо романа Б. Стокера «Вампир, граф Дракула». Он не мог прикоснуться к своей жертве, если у нее на шее была гирлянда из чеснока.—Прим. ред.

сом, будто наверстывая упущенное. Уэс лег на пол, чувствуя сквозь дремоту, что к нему возвращаются силы. Настала минута, которую он ждал: вскочить, оглушить неизвестного, выбраться из пещеры...

И, обдумывая план действий, Уэс уснул — крепко, без сновидений. Он не знал, сколько времени длился его сон, но когда проснулся, то почувствовал себя очень освеженным. Он осторожно приоткрыл один глаз.

Незнакомец, слегка улыбаясь, наблюдал за ним. Он взял Уэса за плечи и помог ему встать. Уэс испытал сильное головокружение, но удержался на ногах. Шаг за шагом человек подводил Уэса к круглой, похожей на люк двери — единственному выходу из пещеры. Потом прислонил его к двери и, отойдя, сел на каменный пол.

«Свободен! Я свободен. Он меня отпускает!»

Уэс лихорадочно ощупывал выступы на двери. Он тянул их, толкал, крутил, бил кулаками, но круглая дверь оставалась закрытой. Уэс налег на нее плечом — безрезультатно! Он попятился и бросился на дверь с разбегу. С тем же успехом он мог бы попытаться проломить каменную стену.

Уэс, всхлипывая, упал на пол.

Человек поднял его, снова дал глотнуть воды. Затем, взглянув Уэсу в глаза, покачал головой. Смысл этого движения был совершенно ясен: без согласия неизвестного Уэс не сможет выбраться из пещеры. А Уэс не сомневался, что это согласие он получит не прежде, чем рак свистнет.

Человек сел рядом с Уэсом и протянул ему кусок холодного мяса. Уэс вяло съел его. В голове была пустота, даже страх пропал.

И тут человек наклонился к нему и ткнул себя в грудь.

— Арвон, — сказал он медленно и отчетливо. Голос у него был тихий и спокойный.

Уэс заколебался. Потом кивнул и показал на себя.

— Уэс, — сказал он, — Уэс Чейз.

Человек радостно улыбнулся.

По существу, это и было настоящим началом.

Уэс Чейз не имел ни малейшего понятия, что такое фонема, а слово «лексика» ассоциировалось для него с древнеримскими юристами. Когда он учился на подготовительных курсах в Огайо, среди студентов не замечалось повального увлечения лингвистикой, а на медицинском факультете университета в Цинциннати преподавались главным образом предметы, имевшие практическое значение.

Однако человеку не дано угадать заранее, какие именно знания могут пригодиться ему в дальнейшем, и Уэс уже не в первый раз пожалел о том, что вел слишком занятую жизнь — расписанный по минутам день, телефонные звонки, неурочный прием пациентов, бесконечные насморки, которые надо лечить, — и так ни минуты передышки до самой смерти. Если бы только хватало времени узнавать новое, читать, слушать...

Но теперь, пожалуй, поздновато думать об этом.

Из мучительного единоборства с латынью и проклятым разделением Галлии на три части * Уэс вынес убеждение, что даже при самых благоприятных условиях изучение нового языка — дело крайне сложное. Ну, а когда учить новый язык приходится на пустом месте, без помощи языка-посредника, это неминуемо должно занять массу времени.

Так и случилось.

И все-таки Арвон постигал незнакомый язык с невероятной быстротой. Он не пытался учить Уэса собственному языку и весь отдался овладению английским. Он начал с существительных — с обозначения предметов, на которые можно указать пальцем: пещера, рубашка, башмаки, мясо, шоколад. Слова он записывал на странных табличках, и Уэс скоро заметил, что Арвона интересуют не столько сами слова, сколько составляющие их звуки. Арвон пользовался значками, каких Уэс никогда не видел, однако он решил, что это фонетические символы. Сначала Арвон использовал сотни значков, отмечая каждое ударение, каждую паузу и интонацию, но быстро сократил этот «алфавит» до действительно необходимого количества значков, выбросив все случайное и лишнее.

После этого Арвон занялся структурой языка, способами связи между словами. Когда он

---

* Имеется в виду первая строка «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря: «Вся Галлия разделена на три части». Этот отрывок используется во многих учебниках латинского языка. — *Прим. ред.*

усвоил систему деятель — действие — объект, дело быстро пошло на лад.

И все же времени на это потребовалось очень много. Даже в этом немыслимом, таинственном склепе в горах Колорадо было время скучать. И время есть свежее мясо и рыбу, пока на них не стало тошно даже смотреть. И время испытывать нетерпение, беспокойство и страх.

И слишком много времени, чтобы предаваться воспоминаниям о жизни, которую он раньше так мало ценил, — жизни, которая ждала его внизу, в конце крутой тропы, где ледяной ручей, клокоча, сбегал в золотисто-зеленую долину. В долину, озаренную солнцем. Сколько дней прошло с тех пор, как он в последний раз видел солнце?

Уэс мысленно представлял себе каждую деталь своей прежней жизни, освещенной солнцем: теплое и ясное утро над городом, пока еще не сгустился дымный туман, следы шин на Голливудском шоссе, темная искрящаяся зелень только что политых газонов, алые полосы герани, яркие цветастые рубашки на пляже в Санта-Монике...

Все это стояло у него перед глазами.

А Джо? Где теперь Джо? Одиноко ли ей в опустевшем доме? Или же она (Уэс никак не мог отогнать эту мысль) чуточку рада, что он исчез? Джо во многих отношениях разочаровала его, но, если быть честным, какую жизнь предложил он ей?

У Уэса был избыток времени для воспоминаний — и далеко не всегда приятных.

Но Арвон упорно шел к своей цели, его спокойствие и терпение не могли потушить блеска его глаз. Ему удалось преодолеть языковой барьер — пусть сперва это доставалось ему и нелегко, — так что в пещере стало уже не так тоскливо, не так одиноко.

Уэс был невластен изменить положение, в котором оказался, и, понимая это, старался к нему приспособиться. Он был по-прежнему как нельзя более беспомощен и все же теперь не испытывал прежнего страха.

По временам ему удавалось даже забывать про тела в нишах — и на довольно долгий срок.

Теперь Уэс все чаще испытывал странное, почти радостное возбуждение при мысли, что он соприкасается с чем-то выходящим за пределы его понимания. Такое волнение ему уже довелось испытать в прежние годы, когда, вскоре после получения диплома, он занялся исследовательской работой в области эндокринологии. Мало-помалу он забросил свои опыты, а почему — и сам толком не знал.

Но теперь он вынужден продолжать.

Уэс, пожалуй, был даже рад этому. Он более или менее свикся со своим новым образом жизни, а сознание, что ему предстоит сенсационное открытие, по сравнению с которым первая атомная бомба покажется не важнее заметки кинообозревателя на последней странице газеты, было отнюдь не лишено приятности.

Уэс говорил, и слушал, и пытался справиться с самой трудной задачей — он пытался понять.

С годами у Уэса выработалась профессиональная психология, без которой не может обойтись ни один настоящий врач. Врачебная деятельность — это не только ночные поездки по экстренным вызовам на бешено мчащейся машине и чрезвычайные происшествя в операционных. Тем более, если ты ларинголог и окулист. Большею частью его практика была рутиной, к тому же невыносимо скучной. Во время бесконечно долгих часов приема больных он развлекался тем, что пытался разгадать характер и намерение каждого нового пациента, которого впускала мисс Хилл. Действительно ли этот человек болен или ищет способа раздобыть наркотик? Ипохондрик ли это, который, чихнув, уже воображает, будто у него пневмония, или настоящий больной? Чем занимается тот или иной пациент? Или — что было иногда важнее — чем ему хотелось бы заниматься?

Уэс хорошо набил себе руку в этой игре. Ему бывало достаточно двух минут, чтобы составить о пациенте настолько правильное мнение, что это довольно часто помогало определить его заболевание. Но как понять внутреннюю сущность человека, с которым не имеешь абсолютно ничего общего? В какой мере то, что он считал внутренней сущностью, на самом деле было лишь покроем одежды, манерой говорить, привычными вкусами, любовью к серьезной литературе или анекдотам?

Уэс был вовсе не глуп. Он понимал, что ничего не выиграет, впадая в панику и истерику. Ясно было одно: Арвон — человек, находящийся за пределом его жизненного опыта. Откуда

бы Арвон ни явился, кем бы ни был, он — чужой. Как же разгадать его побуждения? Они могут быть какими угодно. Как догадаться, хочет он сознательно причинить тебе вред или только защищается? А от чего ему защищаться? Как узнать, говорит он правду или лжет? Как узнать, для какой цели нужны ему сведения, которых он ищет?

И все-таки Уэс испытывал к нему доверие и даже какое-то теплое родственное чувство. Если бы не Джо и не это неудобное житье...

— Смотри, рисунки, — Арвон протянул Уэсу пачку цветных снимков.

— Фотографии, — поправил Уэс.

Он принялся разглядывать их. На одних были холмистые равнины с высокой травой. На других — снега и льды. На нескольких снимках виднелись странные люди в шкурах. Немного похожие на эскимосов. Уэс стал припоминать диснеевский фильм об эскимосах, но все подробности изгладились из его памяти. Впрочем, это все-таки были не эскимосы. Попадались снимки невиданных животных: огромный косматый зверь, похожий на слона, бык, напоминающий бизона, только гораздо крупнее. Но преобладали снимки, на которых были видны равнины, степи или льды.

— Ваш... э-э-э... мир? — спросил Уэс с некоторой растерянностью.

Арвон не понял.

Уэс взял у него таблички и инструмент для письма. «А ну-ка, — подумал он, — как это проделывают в фильмах?»

Сначала он изобразил Солнце, нарисовав кружок в центре листка. Пока неплохо. Но что находится между Солнцем и Землей? Уэс никогда не занимался астрономией и был в ней осведомлен не больше и не меньше большинства своих соотечественников.

Ну, ладно, некоторые из внешних планет можно пропустить. Плутон, маленькая планета на самом краю, — обойдемся без него. Ну, а как другие? И сколько всего планет? Восемь? Девять? Десять? Уэс покачал головой. Однако его интересовал Марс, недаром же в книгах и фильмах именно оттуда являются на Землю разумные существа. Но с какой стороны Земли рисовать Марс? С той стороны, где Солнце, или где Плутон?

— Черт! — произнес он вслух.

В конце концов Уэс изобразил десять планет на одной линии с Солнцем и протянул табличку Арвону. Тот посмотрел на рисунок с полным недоумением. Впрочем, он ведь видел просто десять ничего не значащих кружков. Внимательно рассмотрев рисунок, Арвон сложил табличку и спрятал ее в карман.

Уэс больше не повторял своей попытки.

Время в пещере текло медленно. Уэс получил обратно свои часы, так что мог теперь следить за его ходом, но по-прежнему не знал, сколько дней успел провести тут. Вполне возможно, что снаружи на смену осени уже шла зима. В горах наступит лютый холод, и пробираться вниз по глубокому снегу будет нелегко — если вдруг он очутится на свободе.

Два дня Уэс изо всех сил втолковывал Арвону, что хочет написать Джо коротенькое письмо: он жив, любит ее и все объяснит позднее. Уэс даже написал это письмо, рассказал Арвону, что такое адрес, и несколько часов тщетно бился над тем, чтобы объяснить такое понятие, как марка.

Арвон взял письмо и прочел его несколько раз. Он разбирал каждое слово отдельно, а потом читал все подряд. И, наконец, он печально покачал головой.

— Но почему? Ведь вам не будет никакого вреда. Никакого! Такая малость...

Но Арвон отказал наотрез.

— Хочу помочь. Но не должен помочь, — сказал он медленно, подыскивая слова. — Риск. Опасность. Большой риск.

Уэс почувствовал, что неестественное спокойствие, владевшее им все это время, покидает его.

— Вы не имеете права держать меня здесь! Ничего не объясняете, не говорите, не делаете. Кто вы такой, черт побери?

Арвон озадаченно сдвинул брови.

«О, господи, это невыносимо!»

Неожиданно Арвон ответил:

— Право! Трудное слово. Очень трудное. Право для вас или право для меня?

— Для обоих! — Уэс почти кричал. — Право есть право!

Арвон улыбнулся и укоризненно покачал головой.

— Я пытаюсь объяснить... — Он недовольно умолк и поправился: — Я попытаюсь объяс-

нить. Вы попытайтесь понять. Я... мы... не желаем вам зла. Я... мы... делаем, что должны. Поймите.

Уэс молча ждал, что последует дальше.

Странные серые глаза затуманились, их взгляд был устремлен вдаль. С помощью чужих непривычных слов Арвон пытался рассказать то, о чем невозможно было рассказать, пытался перекинуть мост через непроходимую пропасть.

Уэстон Чейз сидел на голых камнях в пещере, где небольшой костер отбрасывал призрачные колеблющиеся блики на темные фигуры, спавшие в нишах сном мертвых, а неподвижный воздух был наполнен тишиной. Он сидел, слушал и старался понять.

Арвон продолжал говорить, огонь постепенно угасал и слабый свет в пещере напоминал серебристое холодное сияние луны...

Глава 5

Вокруг корабля не было ничего.

Корабль летел — и летел с чудовищной скоростью, но оттого, что сравнить было не с чем, казалось, будто он неподвижно висит в безликой серой вселенной, в туманной пустоте, вне пространства, вне времени, вне пределов человеческого понимания.

Ни звезд, ни планет, ни далеких галактик, подобных жемчужинам на темном бархате пространства.

Только корабль и серая пустота.

Внутри корабля лысеющий толстяк по имени Нлезин ткнул пухлым пальцем в сторону синеватой металлической стенки, отделявшей их от внешней пустыни.

— По моему скромному мнению, — сказал он, — то, что находится там, и есть идеальный приют для человечества. Мы просто не с того начали, как должно быть ясно любому болвану — даже вам, Црига. Человек для космоса — это слизь, инфекция. Так с какой стати должен он жить на зеленых планетах, под голубым небом? Уж если кто-нибудь заслуживает изоляции в Нигде, так это человек.

Корабль наполнял неприятный пронзительный свист атомных двигателей, работавших и

поле искривления пространства. Ощущение было такое, как будто свистит бомба, падающая прямо на тебя, — только эта бомба никогда не упадет.

Црига, чья яркая одежда резко выделялась на фоне мягких зеленых тонов этой комнаты, с горечью чувствовал, что он еще очень молод, однако не собирался допустить, чтобы это могли заметить другие. Црига понимал, что Нлезин старается вывести его из себя — ну что же, посмотрим, кто кого!

— Вы остановились на полпути, — сказал он. — И, как всегда, смотрите на вещи слишком оптимистично. Я же считаю, что даже Нигде — еще чересчур хорошее место для нас. Нет, нам требуется Где-то, еще более страшное, чем Нигде!

Нлезин расхохотался. Он смеялся значительно дольше, чем заслуживала шутка. От смеха он даже прослезился.

— И остряк же вы, Црига, — сказал он. — Вам следовало бы застраховать ваше бесценное чувство юмора не меньше чем в миллиард, чтобы неизменно скрашивать нашу жизнь.

— Идите к черту, — огрызнулся Црига и поторопился отойти.

Нлезин перестал смеяться и повернулся к Арвону, который сидел напротив него и читал.

— А вы что скажете, друг мой?

Арвон с некоторой неохотой оторвался от книги.

— По-моему, вы напрасно дразните мадыша.

Нлезин издал губами довольно неэстетичный звук.

— Надо же ему когда-нибудь повзрослеть.

— Разве всем нам не надо повзрослеть?

Нлезин насмешливо фыркнул:

— Прекрасный афоризм. Прямо цитата из какого-нибудь моего романа. Вы слишком много читаете, Арвон. Вы превращаетесь в философа. Вам бы пожить на ферме, вдохнуть запахи коровника, поучиться жить.

Арвон сидел непринужденно и свободно, сильными пальцами легко удерживая книгу на весу. Он слегка улыбнулся, но выражение его глаз было скорее недоуменное, чем веселое.

— Никак не могу понять, Нлезин, для чего вы так стараетесь выглядеть Великим Циником.

— Вы хотите сказать, что мне не надо и стараться, что я и так достаточно несносен?

— Я хочу сказать, что это иногда утомительно, вероятно, даже для вас самого.

— Что же вы не начинаете читать мне проповедь о Благородном гуманизме, как Колрак? Не говорите о единстве жизни, гармонии сфер, об уютности пушистых зверьков...

— Нет, увольте, — Арвон прикрылся книгой, как щитом. — Я лучше почитаю.

Корабль слегка завибрировал, пронзительный свист превратился в невыносимый вой.

Дверь отодвинулась, и в каюту вошел Хафидж — астронавигатор. Он держался очень прямо и спокойно. В его странных черных глазах, когда он скользнул взглядом по присутствующим, читалось не столько презрение, сколько безразличие.

— Через минуту мы выйдем из поля, — сказал он. — Советую привязаться.

— А его воздействие еще сказывается? — спросил Арвон.

— В какой-то степени.

— Но ничего... неожиданного не случится? — Црига вытер ладони невероятно пестрым платком.

Навигатор пожал плечами.

Нлезин не мог упустить такой возможности:

— Нлезину это не нравится, — произнес он свою любимую фразу. — Придется поспать на обратном пути — если только нам удастся благополучно выбраться из поля. Аварийное оборудование приведено в состояние готовности, Хафидж?

— Да, — без улыбки ответил Хафидж.

— Погодите! — Нлезин даже привстал. — Что, в самом деле, может произойти...

— Советую привязаться, — повторил навигатор и вернулся в рубку.

Трое оставшихся переглянулись — эта минута сблизила их больше, чем проведенные вместе четыре года.

— Нлезину это не нравится, — сказал Нлезин кисло.

— Даже Арвону это не нравится, — пробормотал Арвон.

Црига, очень юный и очень испуганный, пристегнул ремни и закрыл глаза.

Корабль снова завибрировал. Где-то в стене, где проходил кабель, послышался треск электрических разрядов.

Серая пустота вокруг корабля подступила совсем близко, надвинулась на них, душила...

— Приближается небытие, — произнес Арвон.

Свет померк.

Они ждали.

Корабль вырвался из поля искривления пространства. Это случилось сразу, без всякого перехода. Корабль вынырнул из серой пустоты и оказался в нормальном пространстве, в темном океане, где мерцали островки звезд и где никогда не бывало ветра. Здесь люди чувствовали себя увереннее. Пусть этот океан, где миры казались пылинками, был необъятен, но его они знали, ибо эта вселенная дала жизнь человеку, и понимали его, хотя и не до конца.

Корабль несся по его глубинам почти со скоростью света, но движение не ощущалось, а звезды поблескивали холодным светом неизменно далеко.

Путь предстоял еще долгий.

— Все как будто сошло благополучно, — сказал Арвон, отстегивая ремни.

— Впереди еще посадка, — напомнил Нлезин.

— Выход был не из легких, — проговорил Црига, чье лицо вновь постепенно обретало нормальный цвет. — Нет, меня никто не разубедит, что на этот раз дело чуть не кончилось плохо.

Атомные двигатели теперь гудели тихо, ровно, успокаивающе.

Дверь рубки снова открылась, и в нее просунулась голова Хафиджа.

— Дерриок здесь? — спросил он.

— А как же, — отозвался Нлезин, — прячется у меня под стулом.

— Наверное, он в библиотеке, — сказал Арвон. — Он вам нужен?

— Мы совершим посадку через двенадцать часов. Сейехи хочет подготовить вычислительные устройства для первой разведки. Но он говорит, что не желает все переделывать заново, когда Дерриок удосужится придумать возражения.

— Я схожу за ним, — предложил Арвон.

Он встал и прошел по главному коридору в библиотеку. Антрополог действительно оказался там. Он сидел за длинным столом и, прищурившись, смотрел в аппарат для чтения микрофильмов. По всему помещению были разбросаны пленки, а на столе скопилось изрядное количество пустых и недопитых стаканов.

Вполне возможно, подумал Арвон, что Дерриок даже не заметил перехода в нормальное пространство. И вовсе не потому, что был пьян, — Арвон никогда не видел Дерриока пьяным, сколько бы тот ни выпил, — а просто, когда антрополог ломал голову над какой-нибудь проблемой, все остальное переставало для него существовать. Арвон знал, что некоторые люди обладают подобной способностью, но понять их не мог.

— Дерриок, — окликнул он антрополога.

Тот нетерпеливо отмахнулся и пробормотал:

— Одну минуту...

Арвон выждал минуту и начал опять:

— Мы идем на посадку через двенадцать часов. Сейехи хочет подготовиться к разведке.

Антрополог поднял голову. Под глазами у него были темные круги; а не причесывался он по крайней мере неделю. Этот широкоплечий, начинающий полнеть человек производил впечатление настоящего ученого. Арвону Дерриок всегда нравился, но антрополог держался замкнуто, по-видимому, считая, что общаться стоит только с людьми, серьезно занимающимися наукой. Арвон знал, что Дерриок видит в нем всего лишь богатого бездельника, и тот факт, что для участия в полете он изучил зоологию, ничего не менял.

— Через двенадцать часов?

— Да. Мы снова в нормальном пространстве.

— Ах так, вот почему эти проклятые лампы тускнели! — Дерриок отодвинул аппарат, встал и потянулся.

— Как вы думаете, найдем мы что-нибудь на этот раз? — спросил Арвон.

Антрополог взглянул на него.

— Думаю, что нет, а вы?

— То же самое, но хочу надеяться, что найдем.

— Надежда—вещь обманчивая. Не полагайтесь на нее. Знаете, сколько осмотрено планет за все полеты в космос?

— Вероятно, около тысячи.

— Тысяча двести одна, считая и ту, которую мы осмотрели во время последней высад-

ки. Следовательно, имеется тысяча двести один шанс против одного, что мы найдем то же, что и прежде.

— Статистика иногда вводит в заблуждение.

— Но все-таки реже, чем надежды, Арвон. Всегда ставьте на бóльшую вероятность — и выйдете победителем.

— Разрешите мне пойти с вами в рубку?

— Пожалуйста, — Дерриок улыбнулся. — А что, Нлезин льет холодную воду на ваши надежды?

— В общем да, — признался Арвон.

Они вышли в коридор и медленно направились к рубке, а тем временем корабль вместе с ними летел сквозь ночь к новому солнцу и новым мирам, где, возможно, их ждало новое решение проблемы, которая стояла перед ними и которую было необходимо разрешить.

Атмосфера в рубке была неуловимо иная. И дело было не в физической разнице: никакой счетчик, никакой прибор не уловил бы царившего в пей напряжения. Своеобразие ее переходило в индивидуальность. Это своеобразие было вполне реально, оно воздействовало на каждого посетителя, но объяснить его сущность было бы нелегко. Отчасти причина заключалась в самой рубке. На море человек у штурвала чувствует волны, течения и черную глубину под днищем судна, и так же обстоит дело на корабле, который несётся по безграничному океану космоса.

Отчасти причина заключалась в Хафидже. В отличие от остальных астронавигатор чувствовал себя в космосе как дома. Его худощавая фигура и темные глаза, далекие, точно звезды, были частью рубки, неотъемлемой от нее. Нельзя сказать, что Хафидж любил черные бездны между мирами, но к ним его влекло, как к любимой женщине, и он неизменно возвращался к ним.

Отчасти причина заключалась в Сейехи: незаметном, скромном, сливавшемся с рубкой, а вернее — с вычислительными машинами, которыми он заведовал. Члены экипажа прозвали его «Обратной Связью», и, слыша это прозвище, Сейехи неизменно улыбался, словно комплименту. Он прекрасно знал свои машины, отдавал им все свое время и, пожалуй, любил их по-настоящему.

Но в основном атмосферу рубки создавал Уайк.

Уайк был для них всех «Капитаном», и они воспринимали его только так. Разумеется, у него была какая-то своя жизнь и до того, как он отправился в космос и взялся за поиски с таким непреклонным упорством, что никто не мог с ним в этом сравняться. Несомненно, он где-то родился, рос в семье, жил, смеялся, любил. Конечно, у него было такое прошлое, но оно осталось неведомым для спутников капитана. Это был его четвертый полет; а двадцать лет в космосе — долгий срок для любого человека. Капитан был невысок, крепок и обладал железным характером. Он почти не улыбался, даже если бывал пьян, а это случалось редко. В нем

бурлила энергия. Даже когда Уайк стоял неподвижно, устремив глаза на приборы, казалось, что он заряжен электричеством, полон напряжения, готов к неожиданному действию.

Да, рубка была непохожа на остальные помещения корабля. За ее стенами можно было шутить над тем, что увело их от родины на световые годы, над обманчивой надеждой, изменявшей им в каждом мире, где они успели побывать. В других помещениях люди могли отдохнуть и, хотя бы ненадолго, забыться.

В рубке не отдыхали, не забывались.

Арвон держался в стороне. Он был здесь чужим и своим стать не мог, как бы ему этого ни хотелось.

— Приступайте, Дерриок, — сказал капитан сдержанным, но полным энергии голосом. — Через одиннадцать часов мы будем готовы для вас.

Дерриок взглянул на Сейехи:

— Обычная процедура?

Вычислитель кивнул.

— Мы облетим наиболее подходящую планету в пяти милях от ее поверхности. Приборы приготовлены для полной разведки, возможной на этой высоте, и зарегистрируют плотность населения, радиоволны, всевозможные излучения энергии. Сперва мы делаем оборот по экватору, потом через полюса. Я настроил вычислительные устройства на общий анализ получаемых данных.

— Мне понадобятся карты, — сказал антрополог.

— Вы их получите. Что-нибудь еще?

Антрополог заложил руки за спину.

— Да. После того как ваши машины доложат, что на планете отсутствует так называемая разумная жизнь...

— Вы хотите сказать «если они доложат»? — прервал его капитан.

Дерриок пожал плечами.

— Пусть будет «если», — поправился он без особой убежденности в голосе. — Если произойдет неизбежное, я хочу, чтобы Хафидж пролетел над планетой как можно ниже и дал мне возможность убедиться своими глазами. Всегда существует математическая вероятность культуры, не знающей потребления высоких энергий. И мне следует на нее посмотреть, прежде чем мы в нее ворвемся.

— Это все?

— Пока все, — Дерриок повернулся к капитану. — Вы поставите защитные экраны, Уайк?

— Я не собираюсь рисковать.

— Прекрасно. Пойдемте, Арвон, надо выпить перед работой.

Они вышли из рубки и направились к бару — небольшой нише в стене. Дерриок достал бутылку, два стакана, и они выпили.

Арвон почувствовал, что вино приободрило его, и обрадовался. Он старался не думать о предстоящем разочаровании. Но с каждым годом надежда гасла и пессимизм Нлезина, становившийся все более невыносимым, был вполне объясним.

Хоть бы все планеты до единой были необитаемы! Все-таки было бы легче.

— Почему вы отправились в этот полет? — неожиданно спросил Дерриок, наполняя второй стакан. — Ведь, кажется, дома вам жилось неплохо?

Арвон улыбнулся, вспоминая. Большая загородная вилла, гобелены, книги, уют. И города, театры, женщины...

— Слишком хорошо, — ответил он.

Дерриок залпом выпил полстакана.

— Я вас не понимаю, — сказал он откровенно.

— Значит, мы квиты.

— А ведь мы никогда не найдем того, что ищем, — сказал антрополог.

— Должны найти. Ничего другого нам не остается.

— Снова лелеете надежды, Арвон?

— А чем это плохо?

Корабль продолжал свой путь. Он пронзал невообразимую тьму, стремясь навстречу свету.

Навстречу желтому солнцу, по бокам которого было еще два солнца — одно поближе, другое далеко.

Система Альфы Центавра, находящаяся на расстоянии в четыре световых года от мира, именуемого Землей.

Глава 6

Колрак сидел в одиночестве, уносясь мыслями в неизвестный мир под кораблем. Он не любил оставаться один в такие часы ожидания, но Хафидж был занят, а только с ним Колрак чувствовал себя просто и легко.

«Наверное, причина в звездах, — думал он о Хафидже. — Он долго смотрел на звезды, а так зарождается мудрость».

Но, к сожалению, сейчас он не мог поделиться своими мыслями с Хафиджем.

Колрак не в первый раз задумался над тем, что космический корабль — малоподходящее место для священника. Почти все остальные члены экипажа считали его мистиком и не интересовались им. В этом определении не было ничего презрительного: называя его «мистиком», они просто констатировали, что он им чужой — человек, с которым обходятся вежливо, не принимая его всерьез.

Что ж, быть священником в эту эпоху действительно несколько нелепо. Церковь на Лортасе в свое время была могущественна, но когда настал этот век, она уже давно утратила единство и силу. В лучшем случае религия теперь воспринималась как одно из философских течений, а в худшем...

Если бы только человек не проник в космос! Если бы только он не открыл там того, что открыл!

— А, Колрак! — прервал его размышления чей-то голос. — Что новенького обещает магический кристалл?

Ну, конечно, Лейджер! Неужели этот журналист не оставит его в покое даже сейчас? Наверное, он будет болтать чепуху на самом пороге вечности!

«Такие мысли несовместимы с милосердием, Колрак! Если ты не находишь милосердия в своем сердце, то как ты можешь требовать, чтобы другие были милосердны?»

— Магический кристалл, к сожалению, затуманился.

Лейджер уселся в кресло. Он был неряшлив — неряшлив в одежде, в работе и даже в мыслях. Правда, его путевые очерки популярнее романов Нлезина, думал Колрак, но зато о них скорее забудут.

«Вспомни о милосердии, Колрак!»

Лейджер нацарапал на листке бумаги: «Эй, Центавр Четыре, ворота шире!» Он довольно усмехнулся, а Колрак выдавил из себя слабое подобие улыбки.

— Очередная сенсация! Мы облетаем груды древних камней под жужжание и треск машин Сейехи, ныряем вниз, чтобы Дерриок мог еще раз одним глазком полюбоваться на свои вечные проблемы. Потом — хлоп! «Добрая Надежда» садится на брюхо! Мы все вылезаем наружу и начинаем шарить там и сям — и что же я получаю от всего этого? Еще одну главу, как

две капли воды похожую на предыдущую. Центавр Четыре, скучнейшая в мире!

— Всегда есть шанс, — сказал священник. «А есть ли он? Есть ли?»

— Ну, как же, как же! — физиономия Лейджера сморщилась и вдруг стала похожа на пухлое лицо Нлезина. — Однако Нлезину это не нравится!

— Нлезину случалось ошибаться, — терпеливо возразил Колрак.

— Ну еще бы, еще бы! Помнится, даже дома, на старичке Лортасе, еще до того, как мы помчались навстречу восходу, Нлезин разглагольствовал...

Сделав усилие, Колрак перестал слушать. Голос рядом превратился в неприятное, бессмысленное гудение. «Господи, неужели мы не лучше других? Неужели мы должны пререкаться и злословить друг о друге, даже здесь, даже сейчас, в глубинах Ночи?»

Далеко внизу бурый мир — четвертая планета Альфы Центавра — неся в пространстве по орбите вокруг своего пылающего Солнца.

В рубке «Доброй Надежды» Дерриок оторвался от ленты вычислительной машины и покачал головой.

— Снижайтесь, — сказал он капитану.

Корабль уже довольно давно вышел из бесконечной космической ночи и вошел в тонкую полосу синевы. Он пронизал волнующееся море белых облаков и ворвался туда, где был солнечный свет, ветер и горизонт.

Теперь же корабль спустился еще ниже, и казалось, что снежные пики гор вот-вот вспорют ему брюхо. С ревом и громом сверкающий титан мчался сквозь ветры и дожди, и вслед ему грохотал воздух.

Корабль неся над континентами и бурными морями, отбрасывая веретенообразную тень на пустынные острова и вспугивая лесных птиц. Он промелькнул над желтыми песками пустыни, взметнув за собой новые дюны.

Дерриок отрывался от телеискателя, только чтобы сделать пометки в блокноте.

Спустя шесть часов он устало поднялся.

— Все то же самое, — сказал он Уайку.

Капитан остался спокоен. Выражение его лица не изменилось. Лишь мускулы напряглись еще больше.

— Вы могли бы предложить подходящее место для полевых исследований?

Сверившись с блокнотом, антрополог назвал Хафиджу координаты замеченных им сверху развалин, которые могли представить для них наибольший интерес.

Теперь в рубке властвовало отчаяние, давно знакомое отчаяние, безмолвное и незаметное. «Все то же самое. Всегда то же самое!»

Корабль с грохотом повернул к району, указанному Дерриоком. Он встал вертикально и выпустил столб кипящего пламени на пески, которые ждали его с вековым терпением. Потом скользнул вниз, коснулся земли и замер.

Наступила тишина.

Проверка показала, что воздух этой планеты непригоден для дыхания. Собирать вертолет

никому не хотелось, и было решено отправиться к развалинам пешком, благо они были где-то совсем рядом. Дерриок, Црига, Нлезин, Лейджер и Арвон надели маски. Остальные остались на корабле.

Внутренний люк выходной камеры захлопнулся, и медленно, с шипением открылся наружный люк. Дерриок первым спустился по трапу. За ним следовал Арвон. Он поежился, хотя снаружи вовсе не было холодно. Его сапоги погрузились в желтый песок. Арвон остановился и прислушался. После непрерывного гудения механизмов корабля звуки, которые он слышал, показались ему необычными.

Он слышал вздохи ветра в пустыне, ветра, который играл океанскими волнами и будет играть ими вновь. Шорох сыплющегося, движущегося песка. Этот шорох напоминал шум дождя, но небо над ними было безоблачно-синим, а солнце — теплым и ласковым. Резко очерченные тени людей скользили впереди них по волнистому песку.

И этот же шорох был шепотом смерти, тихим равнодушным рассказом о жизни, которая была когда-то, а теперь исчезла навсегда.

«Смерть, — подумал Арвон, — здравствуй, старая знакомая!»

— Пошли, — окликнул их Дерриок и зашагал по песку. — Скорее, если хотите до ночи вернуться на корабль.

Арвон подошел к остальным, и они двинулись гуськом через пустыню, а песок сыпался им в сапоги, забирался под рубашки.

«Ванна сегодня не помешала бы», — подумал Арвон и улыбнулся неуместности этой мысли.

Позади них посреди унылой пустыни возвышался корабль. Впереди, беззащитно и голо, в сыпучих песках лежало то, что некогда было городом, а для кого-то — родным домом.

Как описать печаль веков? Какую эпитафию начертать на надгробном памятнике человечеству?

Арвон взглянул на Нлезина и на Лейджера. Какие строчки появятся в их записных книжках, какими словами они выразят то, что видят здесь, в мире, название которого для остальных их соотечественников — всего лишь пустой звук?

Все возможные слова уже столько раз использованы...

Арвон взглянул на грузного Дерриока, пробиравшегося между руин. Как ему удастся видеть только отвлеченные проблемы в этом городе, где исчезли даже мертвецы? Как ему удастся замечать только типы зданий, источники энергии, принципы планировки и уровень техники? Как устроены глаза, которые не видят призраков? Какие уши надо иметь, чтобы не слышать шепотов, сетований, далекой, утраченной музыки?

По улице, по которой они идут сейчас, когда-то ходили другие люди. Тогда не было ни песка, ни зазубренных бетонных обломков — никаких свидетельств гибели и разрушения, никаких рубцов, оставленных огнем. А вот де-

ревья тут, наверное, были. Зеленая трава. Деловой шум. Мелькающие лица: счастливые, печальные, красивые, безобразные. Телеэкран последних известий: новости и изображения со всех концов мира. Что было новостями для них, чей конец был так близок? О чем они думали, говорили, шутили?

«Завтра ожидается переменная облачность, днем небольшой дождь... Зеленые выиграли сегодня Серебряный приз, игра была сенсационной... Некий делец сошел с ума, когда возвращался из конторы домой: до того, как его схватили, он успел пырнуть ножом трех собак и объяснил полицейскому, что собачий лай не дает ему спать по ночам... Положение в Океании серьезнее, чем кажется, но Совет считает, что оснований для особых опасений нет... Повторяем: завтра будет переменная облачность, днем ожидается небольшой дождь...»

Голоса, лица, смех.

Арвон обошел разрушенную стену и направился вслед за Дерриоком к центру развалин. Да, конечно, он фантазирует, и призраки, которые будто бы идут рядом с ним, тени, которые будто бы мелькают в зияющих провалах, некогда бывших окнами, — все это лишь плод его воображения. Однако эти призраки реальны — призраки всегда реальны на кладбищах цивилизаций, столь же реальны, как мужчины и женщины, которых он знал на Лортасе, и столь же слепы...

«Плачь о них, ибо они не могут больше горевать! Плачь о них, ибо они смеялись, они любили, они исчезли!»

— Вот библиотека! — позвал их Дерриок.

— Вернее, ее остатки, — поправил Нлезин.

— Ну п каша! — сказал Црига.

Лейджер сделал снимок.

— Глава энная, — проворчал он. — Выводы смотри в главе первой.

Они забрались внутрь. Их фонари посылали в темноту снопки бледного света, шаги гулко раздавались в тихих коридорах. Повсюду лежал песок и клубилась пыль.

— Никаких признаков пожара, — удовлетворенно сказал Дерриок. — Ищите периодику, она, возможно, уцелела, если эта засуха длится давно. Как ваше мнение, Црига?

Црига пожал плечами.

— Следов влаги действительно не видно. Возможно, дожди не выпадали со времен взрыва.

— Неплохая добыча, — заметил Дерриок. — Романы не нужны, попробуйте отыскать исторические сочинения. Может быть, помогут иллюстрации. Пересъемку, конечно, придется вести наугад.

— Я все-таки займусь романами, — объявил Нлезин. — Как знать, может быть, какой-нибудь бедняга думал, что его творение будет жить вечно.

Впервые Арвон почувствовал к Нлезину что-то вроде симпатии.

А что нужно искать в случайной библиотеке случайного города в еще одном мертвом мире? Какие слова надо отобрать, чтобы лингвисты повозились с ними, вычислительные машины проанализировали их, а газеты устроили с их

помощью очередную сенсацию? Как же можно отыскать строки, чтобы появился еще один комментарий к истории еще одного человечества?

Арвон наугад доставал тома из герметически закрытых шкафов, где хранились старые книги. Его познаний в лингвистике кое-как хватало, чтобы примерно определить их содержание. Некоторые его догадки, конечно, окажутся неправильными, но что бы он ни отобрал, будет уникальным. Поэзия — несомненно. Романы — конечно. А также история, наука, политические трактаты и автобиографии — главное, автобиографии.

— Пора уходить, — сказал Дерриок спустя, как показалось, несколько минут, а на самом деле несколько часов. — У нас еще есть время, чтобы кое-что поснимать. Заметили статую на площади? Почти целая — только бы найти голову.

— Голову она, наверное, спрятала в песок, — предположил Нлезин. — Я ее не осуждаю за это.

Они продолжали работать, а пылающее солнце все ниже склонялось к горизонту. Это было хорошее солнце, и оно делало свое дело, как всегда, не обращая внимания на то, что освещает мертвый мир.

Город в целом был уже заснят с корабля, и большую часть времени экспедиция провела в разрушенных домах, запечатлевая на пленку то немногое, что еще уцелело.

Закончив работу, они вновь прошли по улицам, заваленным обломками, и оказались среди песчаных волн пустыни. Вокруг стонал

ветер, рвавший в город, завывавший среди развалин и в черных дырах бывших окон.

Скорее на корабль — ночь уже близка.

Наружный люк с шипением закрылся. Сухой воздух Четвертой Центавра выкачали из выходной камеры и возвратили миру, который давно в нем не нуждался. Его сменил чистый, чуть влажный воздух корабля. Внутренний люк отворился, и они вернулись к себе.

Очистить сапоги от песка, смыть песок с тела. Надеть чистую одежду, которая не пахнет пылью веков.

— Ну вот, — сказал Дерриок. — Еще с одним миром разделались.

— Маленький человек, что ты знаешь? — отозвался Нлезин.

Трудно было шутить, невозможно не помнить. Первые часы после возвращения экспедиции на корабль всегда бывали трудными. Каковы же их собственные шансы, шансы выжить?

Миллион против одного?

Миллиард против одного?

«Старайся не думать об этом. Занимайся своим делом. Плачь, если иначе не можешь. Смейся, если сумеешь».

— Я не хочу ничего от вас скрывать, — сказал капитан и обвел всех взглядом. — На этот раз, когда мы выходили для посадки из поля искривления, у нас были неприятности. Они могут повториться.

Все молчали.

— Так или иначе, мы все равно скоро должны будем повернуть обратно, — продолжал ка-

питан. — Надо решить одно — возвращаться ли немедленно или сделать еще одну попытку.

Молчание.

— Вам решать, капитан, — сказал наконец Хафидж.

— Все с этим согласны?

Согласны или нет — никто не стал возражать.

— Ну, что же! — и невысокий, исполненный внутреннего напряжения человек повернулся к пульту управления. — В таком случае предпримем еще одну попытку. Хафидж, готовьтесь к старту. Сейехи, рассчитайте курс на ближайшую звезду группы «G». Отлет через тридцать минут.

Это были долгие тридцать минут. Корабль, на несколько часов принесший жизнь на Четвертую Центавра, стоял в пустыне, окутанный мраком теплой летней ночи. Город, лишившийся своих грез, был лишь сгустком тьмы под звездным небом. В дюнах плакал ветер, взывая, взывая...

Вспышка белого кипящего пламени. Удар грома, сокрушивший тишину и сменившийся рокотом, который затих в направлении звезд.

И вновь вековая тишина.

Корабль улетел.

Глава 7

В глуби космоса звезды внезапно исчезли вместе с ночью. Трудный переход в поле искривления пространства осуществился благополучно. Корабль вновь наполнился пронзительным свистом и его обступила серая пустота внепространства.

Даже внутри этого поля, уменьшавшего расстояние между двумя точками нормального пространства, «складывая» его вокруг корабля, преодоление пути в четыре световых года требовало времени.

И времени для размышлений было достаточно.

Члены экипажа корабля (за исключением священника, все называли его попросту «Ведерко», а не «Добрая Надежда») продолжали старательно оставаться самими собой, укрываясь друг от друга за щитами привычного поведения и манер. Но как бы ни были они беспечны на словах, в груди у каждого таился лед, которого не мог растопить никакой термостат, не могло растопить никакое солнце.

Ибо корабль искал. Он обыскивал галактику, как обыскивали ее другие корабли до него, как будут обыскивать ее другие корабли после него.

Корабли отправлялись на поиски надежды и не могли ее найти. Человек нашел в космосе очень много нового: новые миры, новое одиночество, новые чудеса. Но он не нашел там надежды — ни в одной из систем бесчисленных солнц, этих звезд летних ночей его родной планеты.

Было бы еще не так плохо, — думал Арвон, — если бы в известной им вселенной люди вовсе не нашли себе подобных. Если бы, покидая Лортас на космических кораблях, они всюду видели бы только скалы, высохшие моря и кипящую лаву; это не было бы мукой, так как означало бы только, что люди все-таки одни.

А если бы они и в самом деле обнаружили те картонные кошмары и ужасы, которые без устали придумывали поколения простодушных невежд, блаженно сочинявших космические авантурные романы для юных сердец, — как это было бы чудесно, как весело и увлекательно! Арвон только бы обрадовался, если бы этот красочный набор всевозможных небылиц вдруг оказался реальностью — все эти змееподобные чудовища, ползущие за молодыми пышногрудыми красотками, бездушные мутанты, невозмутимо замышляющие истребление Хороших Ребят с Чувством Юмора, голодные планеты, представляющие собой единую пищеварительную систему и готовые накинуться на космические корабли, словно изголодавшийся человек на банку с консервами...

Еще лучше, если бы в Иных Мирах они нашли благородных принцев, прекрасных прин-

цесс и коварных старых премьер-министров или даже целую галактическую цивилизацию, созданную потрясающе гениальными мудрецами, которые с нетерпением ждали случая взять за ручку дерзких молодых смельчаков с Лортаса и направить их еще неверные шаги к Земле Обетованной, где их ждали бы тоги, фонтаны; мыльные пузыри и великие возвыщенные мысли...

Но вот корабли оторвались от Лортаса — и космос перестал быть фантазией. Фантазии могут быть интересными, даже самые кошмарные. Действительность оказалась иной и мучительной.

Когда было усовершенствовано поле искривления пространства и оказалось возможным совершать межзвездные полеты за месяцы вместо нескольких десятков лет, первые исследователи отправлялись в путь с энтузиазмом и уверенностью. Ну, конечно, они вооружались до зубов, готовясь к встречам с чудовищами, веру в которых воспитали в них космические сказки, но они также ждали встретить людей своего типа. Они были дисциплинированы, обучены, вышколены, так что не стоило даже опасаться щекотливых инцидентов или ребяческой заносчивости, которые могли бы привести к катастрофе. Первые исследователи рассчитывали встретить друзей, а не врагов. Где-то там, рассуждали они, где-то в этой огромной звездной вселенной, их общей родине, должны быть другие люди, другие интеллекты, другие цивилизации.

Жители Лортаса не были глупы. Они с самого начала знали, что один мир — всего лишь крохотная частица совокупности всех миров. Как на одиноком острове, полностью изолированном от других островов и континентов, неизбежно разовьется менее высокая культура, чем в областях, лежащих на оживленных перекрестках мира, так и одинокая планета значит гораздо меньше, чем планета, составляющая часть какой-то большой структуры.

Культуры развиваются благодаря соприкосновению с другими культурами.

Ни одна великая цивилизация не развивалась замкнуто, питаясь лишь собственными идеями.

Другие точки зрения, новые идеи, иные исторические традиции — вот какие факторы закладывают основу величия. В одном месте люди научились плавить металлы, в другом — узнали о существовании электричества, в третьем мальчик из кусочка легкого дерева смастерил игрушечный планер, а еще где-то медник построил двигатель внутреннего сгорания. Взятые в отдельности, все эти открытия послужили бы лишь для создания технических безделушек. Но из их сочетания родились самолеты, которые подняли человека над землей и скалами и подарили ему небо.

Одинокая планета развивается до определенной стадии, но не дальше. Наступает момент, когда культура исчерпывает себя, какой бы богатой и многообразной она ни была. Приходит время, когда ее развитие останавливается. При этом она, возможно, не гибнет. Но жизнь

есть процесс. И это означает изменения, развитие, борьбу. Когда же культура начинает только повторять себя, только сохраняться в прежнем виде, она в лучшем случае утрачивает значимость, рано или поздно силы ее иссякают, и она гибнет.

Кроме того, в развитии цивилизации неизбежно наступает момент, когда одной техники становится недостаточно, когда технические новинки перестают быть самоцелью. Наступает момент, когда становится очевидно, что даже сама наука в конечном счете всего лишь метод, совокупность приемов, и от нее нельзя ждать ответа на все вопросы.

А между тем человек — не просто животное, обладающее даром речи. Он — животное, задающее вопросы, постоянно и непрерывно. Он начинает задавать вопросы, едва только научится говорить, и задает их до конца жизни. Когда человечество перестает спрашивать, когда наступает самоуспокоение и человечество решает, что знает все, — тогда наступает конец. Люди по-прежнему едят, работают, спят, занимаются привычными делами, но для них уже все кончено.

Жители Лортаса еще задавали вопросы, но теперь их вопросы были сложнее, чем в пору юности Лортаса. Они уже знали, что окончательных исчерпывающих ответов не существует, но они еще не утратили жизненную энергию и продолжали искать.

Вопросы — вот что заставило жителей Лортаса отправиться в космос.

Не потребность в редких металлах, не стремление укреплять оборону, даже не наука в строгом смысле слова, а вопросы.

В сущности, это были древние вопросы, хотя и облеченные в новую форму. Прежние надежды, прежние мечты, прежние желания. Что скрывается по ту сторону гор? Какие земли лежат на другом берегу океана, за краем мира? Светит ли там солнце и дуют ли теплые ветры? Будем ли мы там счастливы, узнаем ли новое, увидим ли иные сны?

И вот жители Лортаса начали закупориваться в сверкающих металлических цилиндрах, чтобы в грохоте и пламени взмыть в вечную ночь. Не все, конечно. В любом месте большинство людей довольствуется тем, что имеет: перемены — слишком хлопотное дело. Но многие все-таки отправились в путь, и вначале спокойная деловитость не могла скрыть огня надежды в их глазах.

Они улетали, искали, и многие из них возвращались обратно.

Так кончилась мечта.

Так началось отчаяние.

Они находили людей, подобных себе.

«Это ошибка,—говорили те, кто оставался дома, когда начали приходить сообщения. — Не может быть, это не люди, они не такие, как мы!»

Но анатомы сказали: это люди.

Биологи сказали: это люди.

Психологи сказали: это люди.

Люди одного мира не были абсолютно похожи на людей других миров, но эти различия, как правило, оставались второстепенными: иной тип крови, температура тела, цвет кожи, число позвонков.

Человек вовсе не был редким животным во вселенной, — только беспредельная самовлюбленность позволяла воображать, будто он — уникальное явление. Все изолированно живущие народы считают себя единственными людьми в мире, а если единственной считает себя целая планета (пока корабли не отправились в космос), то населению этой планеты трудно осознать, что люди могут жить и еще где-то во вселенной.

«Человек ведь появился тут в результате долгой эволюции! — твердили друг другу люди каждого из миллионов миров и согласно кивали, довольные собственной мудростью. — Он невероятно сложное существо, а развитие его представляет собой длинную цепь случайностей. Так как же все это могло повториться где-то еще?» А про себя они думали: «Мы изумительны, таких, как мы, нет нигде, кроме нашего изумительного мира. Планете, на которой мы обитаем, мироздание предназначило стать одним-единственным изначальным приютом для нас — Великих, Очаровательных, Несравненных».

Одни просто не сомневались в этом, другие искали подтверждения в статистике. Но все забывали самое главное: они брали за образец одну привычную им песчинку и распространяли выводы на всю вселенную. Кроме того, обоб-

щали они глубоко неверно: на самом же деле раз человек появился и на рассматриваемой ими единственной планете, значит, это не случайность, а закономерность.

Отсюда вовсе не следует, будто появление человека было predetermined заранее и предусматривалось в самом начале. Просто эволюция разума, способность к развитию культуры неизбежно слагались из испытаний и ошибок, изменений и модификаций. Животное — носитель культуры должно было быть теплокровным, так как нуждалось в энергии, должно было обладать большим мозгом, иметь свободные руки и специализированные ноги. Человекообразная форма была естественным порождением одной из линий эволюции, и если условия позволяли, человек рано или поздно появлялся.

Вот почему во вселенной были и другие люди, подобные жителям Лортаса.

«Да, — думал Арвон, — и что же с ними случилось?»

Корабли, возвращавшиеся из глубин вселенной, привозили сведения. На первых порах, очень недолго, казалось, что эти сведения не отражают никакой единой картины. Затем вырисовалась общая закономерность, и новые отчеты, количество которых достигло ста, потом пятисот, потом тысячи, только подтверждали ее.

Закономерность?

Что же, если отказаться от сложных специальных терминов, все, в сущности, сводилось к элементарной, пугающей своей простотой схеме. Корабли обнаружили три типа планет, насе-

ленных людьми. На планетах первого типа люди еще не достигли того уровня технического развития, который позволил бы им уничтожить себя. На планетах второго типа, где первобытная эпоха осталась позади, но еще не началась эра космических полетов, люди, объединившись в группы, занимались тем, что старательно уничтожали друг друга с помощью того оружия, которое было в их распоряжении. В этих мирах пришельцев с Лортаса встречали недоброжелательно, враждебно, со страхом. Их корабли конфисковывали, а знания использовали для ведения войны, которая пришельцам представлялась бессмысленной. Экипажи кораблей, совершивших посадку в таких мирах, редко возвращались домой.

Существовал еще третий тип планет, примером которых могла служить Четвертая Центавра. Люди там достигли высокого уровня развития, разработали мощное оружие и погибли. Способы были весьма разнообразные: эпидемии, заражение посевов, кобальтовые бомбы, газ. Результат был один: вымирание.

Такова была судьба человека на всех планетах, которых удалось достичь. Он уничтожил себя, как только получил такую возможность.

Эй, друг и сосед!

Большое спасибо за вдохновляющий пример, который ты нам подал.

А мы, как же мы? Разве мы не такие же люди, какими были они?

В том-то и беда. Цивилизация Лортаса была древней цивилизацией и считала себя умудренной опытом. Она выдержала не одну бурю и

выстояла. Жители Лортаса даже несколько гордились этим и вдруг получили доказательство того, насколько они были правы (или глупы) в своей гордости.

Ибо из всех известных миров вселенной один только Лортас породил человека, который создал мощную технику и все же ухитрился уцелеть.

Сперва даже столь многоопытное человечество не могло не испытать некоторого самодовольства. Ведь они — и только они одни — овладели искусством жить в мире и даже в дружбе.

Мы не такие, как все!

Мы победили!

Мы лучше других, разумнее, мудрее!

На некоторое время возродилась религиозность, настала эпоха благодарения. Возникли неизбежные культы, политические философии. Давайте втянем рожки, будем сидеть в своей раковине и жить для себя. Давайте наслаждаться собственным совершенством, держаться подальше от других людей, возделывать свой сад.

Но почему? А потому, что мы особенные, не такие, как все, лучше других. Разве не так?

Но этот период бездумного самолюбования не мог длиться долго. Этот воздушный шарик слишком легко было проткнуть иголками фактов. А факты были неприятны. Какие скидки ни делались на обстоятельства, как ни выкручивали логику, но от истины уйти было некуда.

На тысяче с лишком осмотренных миров че-

ловечество погибло, едва только обрело возможность навлечь на себя гибель. Исключений не было. А ведь люди были повсюду одинаковы, во всяком случае в главном.

И жители Лортаса не составляли исключения.

Правда, прошло уже триста лет с тех пор, как на Лортасе был создан первый атомный реактор, а его человечество пока уцелело. Лортасцы уладили свои противоречия без войны. Когда появилась возможность создать атомную бомбу, они поняли, что о войне больше не может быть и речи, они поняли, что теперь война означает самоубийство.

Но и другие народы понимали это. Книги, взятые из разрушенных библиотек на планетах, с которых исчезла жизнь, были полны только этим. Люди знали — и все равно погибли.

Вопрос: довольно ли трехсот лет, чтобы мы могли больше ничего не опасаться?

Вопрос: обязательно ли человек обречен на самоуничтожение?

Вопрос: если мы будем продолжать жить одни и никогда не найдем другой цивилизации, что с нами станет?

Эти вопросы были слишком сложны для отдельных умов, но доступны вычислительным машинам. Данные были введены в машину, вопросы поставлены. Что же ответила машина?

И на некоторых других планетах человечество еще жило через триста лет после покорения атома, но в конце концов оно все-таки погибало. Вероятность указывала на то, что че-

ловек всегда будет уничтожать себя. Правда, имелся шанс, что это не так, но шанс весьма незначительный.

Если Лортас, говоря фигурально, окружит себя стеной, если он спрячет голову в песок, то его цивилизация, возможно, будет существовать еще долгое время. Этим она обязана благополучному завершению первого критического периода. В результате цивилизация Лортаса может рассчитывать еще на тридцать тысяч лет, но постепенно развитие ее затормозится, она утратит жизненную силу и погибнет.

Как же быть?

Анализ данных выявил одну еще не использованную возможность. До сих пор ни одной из известных человеческих культур не удавалось установить дружеские связи с человеческой культурой другой планеты. Если бы удалось найти мир, населенный здравомыслящими людьми, и установить с ними контакт, если бы начался обмен идеями, надеждами и чаяниями...

Тогда, быть может, человек перестанет быть просто сбившимся с пути животным, перестанет вымирать, как вымирают животные, не сумевшие приспособиться к изменившимся условиям. Тогда, быть может, человек начнет играть более значительную роль в приливах и отливах, составляющих жизнь вселенной.

Если бы удалось найти такой мир...

Корабли продолжали поиски, но теперь им приходилось забираться все дальше и дальше в такие отдаленные районы галактики, что тамошние солнца были всего лишь цифрами в больших звездных каталогах. Они забирались

все дальше, но по-прежнему не находили ничего или находили то, что было еще хуже.

Мир, который они искали, был пока недосягаем, если он вообще существовал.

И, кроме того, одно дело — мир, которому грозит беда, мир, который высылает корабли, мир, который боится. И совсем другое — живущие в нем люди. В подавляющем большинстве они ничего не боялись. Более того — они были глубоко равнодушны к судьбе, уготованной их миру.

«Тридцать тысяч лет? Бог мой, неужели у нас и без того мало своих забот? Когда придет время, тогда пусть и беспокоятся!»

Но, к сожалению, тогда будет уже поздно.

Проблема не рассеется, словно мираж.

И корабли по-прежнему улетали в пространство, но их становилось все меньше. Как и желающих принять участие в полете. Чтобы успеть осмотреть хотя бы небольшой клочок пространства, корабль должен был находиться в полете пять лет, а кому хочется целых пять лет оставаться в космосе?

Арвон подумал о своих товарищах.

Хафидж, астронавигатор, здесь потому, что на корабле его настоящее место. Сейехи отправится куда угодно, лишь бы оставаться со своими вычислительными устройствами. А капитан? Капитана что-то гонит, Арвон был убежден в этом. Но что? И ради чего? В своем поведении люди редко руководствуются отвлеченными принципами и абстрактными проблемами. Чтобы человека забрало за живое, требуется что-то личное.

Дерриок? Ну, это его профессия. Црига? Мальчик, убегающий от несчастной любви, увлекшийся романтикой подвига. Колрак? Он утрачивает веру и ищет для нее подкрепления. Лейджер? Вероятно, журналист не столь очевиден, как кажется на первый взгляд, — ради одной книги путевых очерков не стоило забираться в такую даль. Нлезин? Кто может понять Нлезина?

А он сам, Арвон? Знает ли он сам, почему он здесь, почему он решил лететь?

Неважно.

Как бы то ни было, они находятся здесь.

Когда же корабль попробовал выйти из поля искривления пространства, когда он содрогнулся, когда раздался пронзительный вой и погас свет, Арвон понял, что случилась беда.

Глава 8

Темнота была пронизана ужасом.

Арвон вдруг лишился зрения, лишился рассудка. Он слышал вой и скрежет металла, раздиравшие его мозг. Он ощущал капли пота на лбу и ладонях. Он слышал частые удары своего сердца.

Но он не мог думать. И ничего не видел.

В одно мгновение он снова стал маленьким мальчиком, почующим в чужом доме. Он прячется под одеялом. Ветер стонет в деревьях за окном. В комнате темно. Стоит тишина, но тишина, наполненная звуками. Вот... вот... Что это? Шорох, скрип — может быть, открылась дверь? Его дверь? Выгляни из-под одеяла, посмотри! Опять тот же звук, но ты ничего не видишь. Вокруг тебя чернота. Ты затаил дыхание, закрыл глаза, прислушиваешься и ждешь...

Он очнулся — взрослым человеком. Он ощутил вокруг себя скрежещущий металлический гроб, которым стал корабль, и толчки под ногами. Теперь он видел — но не глазами. Он видел ночь, окружающую корабль, — океан ночной тьмы, ледяную черную бездну без начала и конца. Он увидел, как космос рвется в корабль,

стремится высосать его, оставить пустую скорлупу, летящую без цели в Никуда.

Космос подступил совсем близко.

Человек забывал, до какой степени он близок, пока корабль не подводил его. И тут человек вспоминал. Он содрогался. Его сознанием овладевал мрак, и он утрачивал все — даже свою личность. Оставалась лишь дрожащая искорка жизни, пытающаяся не погаснуть...

Вдруг зажглись лампы — сперва они горели тускло, потом их свет внезапно стал ослепительным и режуще-белым. Корабль перестал содрогаться. Сумасшедший хаос звуков стих, но тревожный вой двигателей был по-прежнему непохож на успокоительный рокот, означавший, что корабль находится в нормальном пространстве.

А находится ли он в нормальном пространстве?

Арвон все еще лежал на полу, но он чувствовал, что к нему возвращается жизнь. Он заставил себя не вставать до тех пор, пока не перестал дрожать. Только тогда он с трудом поднялся. По-видимому, нарушилось поле искусственной гравитации: его ноги словно налились свинцом.

В каюту, спотыкаясь, ввалился Нлезин — в этом пронзительном свете его лицо казалось мертвенно бледным, а глаза дико блеснули.

— Что произошло?

Арвон пожал плечами:

— Не знаю. Мы выходили из поля искривления и вдруг...

— Капитан ведь говорил, что это может оказаться опасным.

— По-моему, ничего подобного он все же не ожидал.

— Пошли, — сказал Нлезин. — Поглядим, есть ли кто-нибудь живой в рубке. Как вы думаете, сумеем мы одни управлять этим драндулетом?

Арвон криво усмехнулся.

В рубке все занимались своим делом, но спокойные движения не могли замаскировать внутренней напряженности. В ослепительно белом свете лица казались странно бледными, а на лбу Уайка виднелась рана, из которой сочилась тонкая алая струйка.

Хафидж медленно переходил от пульта к пулту и читал вслух показания приборов, а Сейехи закладывал их в вычислительные устройства. Возросшая сила тяжести словно приплюснула высокую худую фигуру навигатора, его черные глаза смотрели озабоченно — Арвон впервые видел у него такой взгляд.

Арвон быстро посмотрел на телеэкраны и вопреки всему испытал внезапное облегчение. Экраны показывали черный океан нормального пространства — другими словами, им удалось выйти из поля искривления. Он увидел звезды, далекие и в то же время дружелюбные точки света, а на соседнем экране пылало неизвестное желтое солнце.

Понемногу в рубку сошлись остальные члены экипажа. Они сбились в кучку, чтобы не мешать работающим, но уйти не решались —

слишком велика была потребность видеть, что происходит.

Непривычный вой атомных двигателей еще больше усиливал их тревогу.

Капитан через плечо Сейехи смотрел на ленту, выходящую из вычислительной машины.

— Ну? — спросил он. — Сколько времени у нас есть?

— Часов двенадцать, — осторожно ответил Сейехи, — но может быть и меньше.

Уайк повернулся к астронавигатору:

— Курс на третью планету, Хафидж. Идти придется с максимальным ускорением.

Хафидж поднял брови, но промолчал.

— Дерриок, — сказал капитан.

— Знаю, — отозвался Дерриок. — Приготовьтесь к обычной процедуре.

— Будем надеяться, что процедура окажется обычной. Однако не исключена возможность, что до посадки мы успеем сделать только круг на большой высоте.

Дерриок свистнул.

— Дело настолько плохо?

— Даже хуже! — ответил капитан и повернулся к остальным. Он стоял посреди своей рубки — невысокий, властный, суровый. Глаза его блестели. Арвон был почти готов поклясться, что капитану все это доставляет удовольствие.

— Насколько хуже? — нервно спросил Црига.

— Ну, если вы и увидите родной дом, то только весьма основательно вздремнув.

Црига побледнел и на его юном лице появилось выражение полной незащитности:

— Вы хотите сказать, что поле...

Капитан кивнул.

— Мы выбрались из него чудом. Обратно нам в него не попасть.

— Но в остальном все в порядке?

— Вы не глухой — послушайте.

Вой двигателей волной прокатывался по кораблю. Это был жуткий звук — он то нарастал, то ослабевал, замирая до слабого жужжания, которое вдруг переходило в вопль, раздиравший уши.

— А если мы доберемся до третьей планеты, нам удастся сесть? — поинтересовался Арвоп.

— Сесть-то сядем, но в целом виде или по кускам — сказать не берусь.

Тяжесть придавливала их, искажая лица.

— Нлезину это не нравится, — сказал Нлезин, но без обычного мрачного энтузиазма, а так, будто просто не хотел разочаровать ожидавшую этих слов аудиторию.

— У меня нет почти никаких сведений об этой планете, — сказал капитан. — Но ничего лучшего сейчас не подобрать. Я ставлю на нее, потому что вынужден идти на риск. Если с ближнего расстояния мы увидим, что она не годится, то отправимся на четвертую планету. Но будем надеяться, что она окажется пригодной для обитания, — возможно, она надолго станет нашим домом. Посадку, я думаю, мы совершим. А вот подняться, вероятно, сможем, только если найдем там цивилизацию, способную нам помочь.

— Вы ее там не найдете, — вставил Дерриок.

— Не забывайте, совершенно не обязательно, чтобы цивилизация достигла уровня космических полетов. Если техника там развита настолько, что нам удастся произвести ремонт, мы еще сможем вернуться домой — только в пути придется спать.

Дерриок с сомнением покачал головой.

Колрак тихо сказал:

— Я помолюсь, чтобы случилось именно так.

На этот раз никто не засмеялся.

Дерриок и Сейехи принялись готовиться к разведке, устанавливающей плотность населения и наличие излучений энергии. Хафидж снова и снова проверял свои карты. Капитан стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и пристально смотрел на экран.

В ярком белом свете все лица казались неестественно бледными.

«Точно мертвецы, — подумал Арвон. — Корабль — наш гроб, и мы будем в нем погребены».

— Что ж, неплохо, — голос Лейджера прозвучал чуточку пронзительно. — Кораблекрушение в космосе! Ну, если меня раньше считали банальным, то что скажут теперь?

— Что вы раньше были банальны, — отозвался Нлезин.

— Ладно, ладно. Не выпить ли по этому случаю?

— Рюмку можно, — согласился Нлезин. — Как говорится, на дорожку.

— Совсем не остроумно, — запротестовал Црига.

— Смешно станет после седьмой-восьмой рюмки, — ответил Нлезин. — Пошли.

Арвон вышел вместе с ними — пить ему не хотелось, но в рубке он чувствовал себя лишним. Они устроились в уютном зеленом салоне и, усевшись в кресла глубже, чем обычно, начали бесцельно переговариваться, как будто стараясь отгородиться завесой из слов от того, чем грозил им космос за стенками корабля.

Они выпили по несколько рюмок, но ни один из них не почувствовал даже легкого опьянения.

Корабль по-прежнему плыл в испещренном звездами океане пространства. А впереди висело желтое пылающее солнце. Огненные протуберанцы вырывались с его поверхности и ливнем обрушивались на фотосферу.

Корабль был крохотной частицей, затерявшейся в необъятности вселенной. Он был пылинкой — и даже еще меньше. И все же даже здесь он не казался ничтожным. Пусть вспышки атомных двигателей были лишь мигающей точкой света на фоне огненной солнечной топки, зато корабль нес в себе жизнь, надежду и страх. Безмолвный вызов, который он бросал окружавшей его мертвой бездне, был смешон, однако по-своему этот вызов затмевал величие звезд.

Проходили часы за часами.

Корабль приближался к третьей планете. Огибая ее солнце, он уже пересек ее орбиту. Со стороны никак нельзя было сказать, что корабль терпит бедствие: он плыл по-прежнему изящно и безмятежно, словно каноэ в тихих водах.

Но внутри корабля дело обстояло по-иному.

На экранах висела третья планета — огромный сине-зеленый шар, заслонявший звезды. Его опоясывали белые облака, удивительно схожие с пенистыми гребнями волн в бурном море. Полюса поблескивали — очевидно, это были шапки льда, и довольно большие.

Корабль с визгом вошел в атмосферу, и в рубке воцарился ужасающий хаос звуков: двигатели выпускали душераздирающий вой, вычислительные машины дробно трещали, даже металлический остов корабля протестующе стонал.

— Четыре мили, — сообщил капитан. — Пересечем экватор и сделаем круг через полюса.

Дерриок держался за спинку кресла, привинченного к полу. Его лицо покраснелось и от этого в ярком белом свете казалось зловещим.

— Начинайте съемку. Эти карты нам пригодятся.

Сейехи ничего не ответил — он совсем припал к своим машинам. От тряски обычно ловкие пальцы вычислителя стали неуклюжими.

Под ними мелькала планета — мозаика из континентов, облаков и морей. Капитан глядел на пульт управления и, вдруг обнаружив, что затаил дыхание, презрительно усмехнулся.

— Готово! — сказал Сейехи через некоторое время, показавшееся остальным нескончаемо долгим.

Корабль дернулся, завибрировал и словно начал проваливаться. Свет потускнел, замигал, затем снова вспыхнул еще ярче прежнего.

— Сейчас с этим возиться некогда! — капитан старался говорить спокойно, хотя ему приходилось кричать во весь голос, чтобы его услышали.

— Можем мы спуститься пониже и осмотреть планету вблизи? — спросил Дерриок.

— Не знаю. Ваше мнение, Хафидж?

Астронавигатор пожал худыми плечами.

— Попробуем. Но мы отчаянно рискуем, Уайк.

Дерриок попытался просмотреть ленты вычислительных устройств, но из этого ничего не вышло.

— Если есть хоть какой-нибудь шанс, надо рискнуть! Пусть это трудно, но нам будет еще труднее, если придется ходить пешком по этой проклятой планете, выясняя, где что.

— Если мы вообще сможем ходить после посадки, — заметил Хафидж.

— Если мы вообще сядем, — добавил Сейехи.

Капитан принял решение.

— Попробуем. Хафидж, идите так, чтобы я мог пересчитать снежинки на вершинах и разглядеть рыбу в море! Прижмитесь, насколько возможно!

Неожиданно Хафидж улыбнулся.

— Держитесь, — сказал он.

Корабль с ревом устремился вниз, пронзая верхний слой облаков, и от их прикосновения зашипел раскаленный металл обшивки. Потом, распластавшись над землей, оставляя за собой реку огня, корабль промчался по холодному синеватому небу.

На безумной скорости он огибал планету,

мелькая над морями, островами, льдами и огромными зелено-бурыми равнинами. Из яркого полудня он нырнул в полночь, а затем снова очутился в золотистом сиянии утреннего солнца.

Неожиданно корабль словно споткнулся на лету и задрожал. Рев двигателей перешел в отрывистое рывканье. Корабль вибрировал и раскачивался из стороны в сторону, так что трудно было справиться с головокружением.

— Все! — закричал капитан. — Застегнуть ремни!

С грохотом, от которого заколебались горы, корабль, проделавший такой длинный путь, встал вертикально и выбросил вниз гейзер пламени — туда, где ему предстояло совершить свою последнюю посадку. Туда, где лежал зеленый мир, третий по отношению к своему солнцу.

На Землю.

Глава 9

Корабль шел на посадку, сотрясая тишину. Болотистая равнина, покрытая густой травой, щетиной кустов и удивительно яркими цветами, исчезла в палящем облаке дыма и пара.

Корабль спускался быстро, слишком быстро. Тормозные дюзы работали бешено, но вразнобой. Язык всесжигающего пламени под хвостом корабля становился все короче и короче, точно складывающаяся подозрная труба. Шум был невероятный, невообразимый — сокрушительный, подавляющий грохот бил по равнине, как чудовищный каменный кулак.

На какое-то мгновение корабль повис в нескольких футах от земли, а затем, дернувшись, с чавкающим звуком врезался хвостом в мягкую землю. Секунду-две он сохранял равновесие, а потом качнулся и рухнул на бок. Раздался приглушенный взрыв, сверкнуло ослепительно белое пламя. Тогда из бортов корабля начали во все стороны хлестать струи жидкости, достигая в длину ста метров.

Пламя с шипением погасло.

Корабль замер — разбитый, искалеченный, он умирал вдали от знакомых звезд.

На равнину вернулась тишина. С голубого утреннего неба лился теплый желтый солнеч-

ный свет, лаская красные, синие, золотые головки цветов в гуще травы. Вокруг воцарился тревожный покой — безмолвие, не нарушаемое ни птичьими голосами, ни фырканием животных.

Корабль лежал на земле и внутри него властвовала тьма. После воя и рева двигателей тишина казалась осязаемой, холодной и жуткой.

В рубке слышались звуки. Царапанье, хриплое тяжелое дыхание человека, поднимающегося на ноги. Монотонные стоны, исторгаемые непрерывной болью. Стук капель, падающих на искореженный металл перегородки.

И вдруг — свет. Узкий белый луч, пляшущий в темноте, — дрожащий луч в чьей-то трясущейся руке. И тихий, сдавленный голос:

— Где вы? Кто ранен? — голос капитана.

Неясная фигура с трудом поднялась с пола.

— Это я, Хафидж, — сказал астронавигатор. — Кажется, я не ранен.

Луч осветил темную фигуру, скорчившуюся в углу. Она не двигалась, не дышала. Капитан направился туда, отбрасывая с дороги обломки механизмов, и осторожно перевернул тело. Он осветил лицо и быстро отвел фонарь в сторону.

— Это Сейехи, — сказал он. — Для него все кончено.

А стоны все не смолкали — жалобные звуки, вырывающиеся из груди человека, потерявшего сознание. Пятно света легло на распростертое у дверей тело. К нему первым подбежал Хафидж.

— Большая потеря крови, — сказал он.

Капитан осмотрел Дерриока настолько тщательно, насколько позволял маленький кружок света. Грузный антрополог точно съежился, стал меньше. Из уголков приоткрытого рта текла кровь. Его слабые стоны напоминали повизгиванье животного, испытывающего невыносимую боль.

— Дерриок! Я — Уайк. Вы слышите меня?

Дерриок не пошевелился и не открыл глаз.

— Хафидж, возьмите фонарик и поищите в аптечке какое-нибудь болеутоляющее. Не то, очнувшись, он может совсем обезуметь.

— Он должен выжить, — прошептал Хафидж, — иначе...

— Берите фонарик. Приведите сюда Колрака... если они там в салоне уцелели. Но только Колрака, а другие пусть подождут, пока мы не сообразим, куда положить Дерриока.

— А сказать им... что дело дрянь?

Уайк и Хафидж бессознательно чувствовали, что они близки, а остальные образуют отдельную группу. После гибели Сейехи их осталось только двое — бывших хозяев рубки, которая, в сущности, была сердцем корабля. Себя они считали истинными астронавтами, а в остальных видели просто пассажиров. В прежние дни всю эту компанию вообще не допустили бы на корабль.

— Скажите, — ответил капитан. — Рано или поздно они все равно узнают. Пусть Арвон последит за Лейджером, как бы тот не устроил истерики. Мальчик, по-моему, будет держаться хорошо; эта история может сделать из него настоящего человека.

— Если он жив.

— Конечно.

— Если бы оба наших специалиста...

— Дерриок пока жив, Хафидж. Идите за лекарством. Как там, не видно по приборам, хорошо ли залило реактор?

— Я успел вдвинуть стержни до того, как мы ударились о землю. Пожалуй, взрыва не произойдет.

— Скажите остальным, что вы абсолютно в этом уверены. Атомная паника нам сейчас совсем ни к чему.

— Безусловно.

Хафидж взял фонарик и попробовал выйти из рубки. Это оказалось нелегким делом, так как корабль лежал на боку и дверь заклинило. Ударом ноги Хафидж все-таки открыл дверь и прополз на животе в коридор. Уайк услышал, как он убирал с дороги что-то тяжелое. Послышались тихие голоса.

Значит, жив кто-то еще, кроме них.

Уайк присел на корточки и положил руку на влажное плечо Дерриока. Всей кожей он ощущал во мраке вокруг себя корпус разбитого корабля. Где-то там, за изуродованными металлическими стенками, лежал неизвестный мир, покинуть который они не могли. Капитан не знал даже, можно ли дышать здешним воздухом, а рассчитывать, что на планете они найдут помощь, не приходилось: шансов на это не было практически никаких.

И это был результат его собственного решения. Капитан смотрел в окружавшую его тьму и думал, что нельзя было брать курс еще на

одну планету, еще на одно солнце. Он сознательно пошел на риск — и просчитался. Он знал, что этот полет рискован, и все же полетел.

Почему?

Капитан знал почему. Он знал, что им двигал не разум. Если бы только он мог забыть, что погнало его в космос...

— О, черт! — сказал он.

Теперь уже слишком поздно.

Он услышал шаги за дверью. Возвращался Хафидж — и не один.

— Ну что?

— Лучше, чем можно было ожидать, — ответил Хафидж. — Очевидно, главный удар пришелся по рубке — в салоне все живы. Отделались ушибами, ничего серьезного. Нлезин повредил левую руку, но кость цела.

Капитан улыбнулся.

— И еще одно, — продолжал Хафидж. — Наше Ведерко треснуло где-то возле салона, в щель проникает наружный воздух, которым как будто можно дышать.

— Можно ли, нельзя ли, а придется: запасов энергии у нас больше нет, нашего воздуха без очистки хватит ненадолго. Хафидж, пожалуйста, полоса невезения кончилась.

В кружок света вошел Колрак.

— У меня все готово для инъекции, — сказал он. — Если вы кончили поздравлять друг друга, то, может быть, попробуем помочь Дерриоку?

— Простите, — сказал капитан, отходя в сторону. — Посветите ему, Хафидж, а я попробую найти на складе еще один фонарик.

Священник ощупал Дерриока своими короткими, но удивительно чуткими пальцами. Потом, обнажив плечо антрополога, он протер кожу ваткой и выпрыснул болеутоляющее. Дерриок по-прежнему лежал неподвижно. Колрак вытер кровь с его губ и выпрямился.

Уайк вернулся в рубку с двумя фонариками в руке. Один из них он протянул Колраку.

— Ну, как он?

— Переносить его нельзя. У него внутреннее кровотечение, а толчки и тряска в этих случаях — плохое лекарство. К болеутоляющему добавлена противинфекционная сыворотка, так что можно не бояться заражения. Больше мы ничем ему помочь не можем.

Дерриок продолжал стонать, и эти однообразно повторяющиеся звуки было невыносимо слышать.

— Он выживет?

Колрак пожал плечами:

— Это не в наших руках.

Уайк наклонился к священнику и напряженно спросил:

— А он хотя бы придет в себя?

— Возможно. Трудно сказать.

— Он крепкий, — сказал Хафидж. — Он выкарабкается, капитан, я такие случаи видел раньше.

Уайк кивнул.

— А теперь — за дело. Надо подобрать все сведения, выданные вычислительными машинами до посадки. Дерриок, кажется, что-то записывал?

— Наверное. У него был блокнот...

— Отыщите этот блокнот. Надо все подготовить. Колрак, есть у нас лекарство, которое бы снимало боль, но не одурманивало?

— Я посмотрю, — ответил священник. — Но ему необходим покой. Нельзя сразу же заставлять его работать, это бесчеловечно.

— Нам нужны его знания, — сказал капитан просто. — Только он может сообщить нам необходимые сведения об этой планете. Если действовать вслепую, мы никогда не выберемся отсюда — в том числе и Дерриок. Вот так.

Колрак постоял в нерешительности, потом выполз в коридор и отправился искать лекарство.

Уайк и Хафидж остались ждать и присматривать за раненым. Оба молчали, но каждый был рад тому, что другой рядом.

Рубка представляла собой странное зрелище — Уайк понимал это. Два серебряных луча пересекали усеянное обломками помещение и пятна света играли на сломанных машинах, которые смутно чернели по сторонам. То, что было полом, теперь оказалось стеной, рубка выглядела нелепо перекошенной, и трудно было убедить себя, что это только иллюзия.

Дерриок перестал стонать, но, по-видимому, сознание к нему не возвращалось.

«Это был мой корабль, — думал Уайк, — мы много летали вместе, а теперь путь завершился на этой безымянной планете».

Внутри мертвого корабля была тьма, а снаружи его окружала еще более непроницаемая тьма — тьма неизвестности. Мир, бесконечно далекий от их родины, исполненный тайны и

бросающий им вызов, как все неведомое. Только шаг — и ты ступишь на чужую землю. Дыши ее воздухом, если это возможно, и смотри вокруг. Увидишь, наверное, синее небо и зеленые луга. И невдалеке реку, которая катит прозрачные волны по каменистому ложу, устремляясь к морю. А в этом море, если эта планета подобна другим таким же мирам, в свое время зародилась жизнь. Крохотные одноклеточные организмы, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, млекопитающие, а может быть, и человек.

Какой он, этот человек?

Уайк почувствовал, что тьма сдавливает его. На разных планетах он видел разные типы людей, и ему трудно было почерпнуть надежду в прошлой истории этих одиноких разобщенных миров.

Если человечеству удавалось уцелеть достаточно долгое время, думал Уайк, оно строило корабли, улетавшие к звездам. Это так. Но что заставляло каждого отдельного человека лететь на таком корабле? Какая тропа приводила его к межзвездному океану?

И кто на корабле догадывается о его, Уайка, тайне?

Проходили часы, а Дерриок по-прежнему не двигался. Теперь он дышал ровно и кровь больше не стекала по его подбородку. Но... что, если он так и не очнется?

В конце концов около раненого пришлось установить дежурство. Арвон и Црига наскоро приготовили из синтетиков холодный и неап-

петитный обед, а Колрак сделал Дерриоку переливание крови.

Все они держались спокойно. Люди, двигавшиеся в темных внутренностях корабля, испытывали сейчас то напряжение всех чувств, которое возникает после большого несчастья. Они говорили о Сейехи и вспоминали, как прозвали его «Обратной Связью». Им было не до смеха, однако Нлезин без усталости сыпал мрачными предсказаниями, и от этого, как ни странно, становилось легче на душе. Картины, которые рисовал Нлезин, были настолько жуткими, что их не могла превзойти никакая действительность — а это уже внушало надежду.

Из корабля они не выходили. Без энергии экраны, разумеется, не работали, и члены экипажа не видели, что делается снаружи. Однако можно было предположить, что там светило солнце, а затем наступила ночь. Приближаясь к планете, они заметили, что у нее есть спутник, и, значит, теперь по звездному небу плывет луна.

Но внутри разбитого корабля царила густая мгла, которую пронизывали бледные лучи фонариков.

Прошло очень много часов. Наконец Дерриок пошевелился, лицо его побледнело и он открыл глаза.

Около него сидел Арвон.

— Не надо двигаться, Дерриок, — сказал он, дотронувшись до плеча антрополога. — Лежите спокойно.

Дерриок закрыл глаза, потом снова их открыл. Его губы были стиснуты в тонкую пря-

мую линию. Он дышал часто и прерывисто, как будто что-то застряло у него в горле.

— Мы приземлились, — объяснил Арвон. — Все позади. Вы ударились головой, но это не опасно. Только не двигайтесь. Понимаете?

Дерриок слабо кивнул.

В рубку влезли Уайк и Колрак. Увидев священника, Дерриок чуть-чуть улыбнулся.

— Мне уже нужно ваше напутствие? — спросил он.

Колрак не сразу нашелся, что ответить.

— Сейчас я врач, — сказал он наконец.

Дерриок поморщился.

— Что-то мне не по себе, доктор, — сказал он. — Очень тошнит, вот-вот начнет рвать... — Он вдруг умолк, глаза его помутнели.

— Дерриок, — сказал капитан, — постарайтесь хоть минутку продержаться. Без вас нам не обойтись.

Взгляд антрополога снова стал осмысленным.

— Мне очень скверно. Трудно думать. Нельзя ли подождать?

— Не знаю, — ответил Уайк.

Дерриок взглянул на священника.

— В каком я состоянии, доктор? Только честно!

— Вы еще можете выкарабкаться, — сказал Колрак. — Пока неясно.

Дерриок закрыл глаза.

— Что вы хотите знать, Уайк?

— При посадке корабль сильно повредило. Если мы не найдем здесь помощи, ему уже никогда не взлететь. Мы находимся на планете, о которой нам не известно ничего. Мы не

знаем, что нас ожидает тут, и сказать нам это можете только вы. Хватит у вас сил?

— Трудно, — прошептал Дерриок. — Засыпаю.

Колрак потянул капитана за руку.

— Он не может сейчас говорить. Или вы хотите убить его?

Уайк посмотрел Колраку прямо в глаза. Он сильно побледнел, дыхание его участилось.

— Вы действительно так думаете, Колрак?

— Нет, конечно, нет. Я просто имел в виду...

Капитан снова повернулся к Дерриоку.

— Поспите, Дерриок, — сказал он мягко. — Мы попробуем еще раз, когда вам станет лучше.

Трудно было решить, расслышал ли раненый эти слова, однако его лицо, казалось, стало спокойнее.

— Я останусь с ним, — предложил Колрак. — Я вас позову, Уайк.

— Нет, мы будем дежурить вместе. Хорошо? Священник кивнул.

— Всем остальным — отдыхать, — распорядился Уайк. — Вам надо набраться сил для дальнейшего.

В разбитой рубке осталось трое. Уайк и Колрак погасили фонарики. В темноте раздавалось затрудненное дыхание Дерриока, наполняя тишину.

— Надеюсь, он проснется, — прошептал вдруг Колрак. — Если бы я знал, что поступил правильно!

— Как следует помолитесь об этом! — ответил капитан.

Глава 10

Антрополог спал уже восемь часов. Внутри корабля становилось все холоднее и холоднее, и Колрак накрыл Дерриока одеялом, а из другого одеяла соорудил нечто вроде подушки. Дерриок больше не стонал. Если бы не быстрое прерывистое дыхание, его можно было бы принять за мертвеца.

Через восемь часов они ввели ему внутривенно питательную смесь. Раствор глюкозы стекал по каплям через резиновую трубочку, и Дерриоку это как будто пошло на пользу. Во всяком случае, внутреннее кровотечение, очевидно, прекратилось.

Но он не просыпался.

Теперь необходимо было подумать о похоронах Сейехи — заморозить его тело они не могли. Арвон и Хафидж на всякий случай надели маски, хотя уже не сомневались, что наружный воздух для них безвреден, и вышли из корабля. Неподалеку от него они вырыли неглубокую могилу и опустили в нее тело Сейехи.

Нлезин вызвался посидеть около Дерриока, и Колрак с капитаном вышли вслед за остальными, чтобы произнести над Сейехи слова, которые принято говорить, когда смерть уносит товарища.

Была ночь, но после мрака внутри корабля звездный свет казался ярким, живым и дружелюбным. В вышине висел серебряный полумесяц, окутывая окрестности серовато-призрачным покровом. Кругом лежала открытая равнина и холодный ветер пронизывал насквозь.

Нигде не было заметно никаких признаков жизни.

Колрак твердо и уверенно прочитал заупокойную молитву, но его голос терялся среди просторов, залитых лунным светом. Уайк сказал то, что мог сказать, а затем земля навеки поглотила Сейехи.

— Он проделал длинный путь, чтобы умереть здесь, — проговорил Арвон.

Теперь, когда Сейехи действительно не стало, когда земля скрыла его от их глаз, они внезапно почувствовали боль утраты. Шок, вызванный катастрофой, прошел, и они вдруг поняли, что смерть совсем рядом, а родина и друзья бесконечно далеки.

Трудно было привыкнуть к мысли, что Сейехи никогда больше не вернется в рубку, никогда больше не будет работать с вычислительными машинами, которые он так любил, никогда больше не улыбнется застенчивой улыбкой, услышав свое прозвище.

Они вернулись на корабль и как могли плотнее закрыли люк, чтобы сберечь тепло.

— Он пошевелился! — крикнул им Нлезин.

Уайк и Колрак, схватив фонарики, бросились в рубку. Оба старались не думать о свежей могиле рядом с кораблем, но их неотвязно

преследовала леденящая мысль еще об одной могиле.

Антрополог пошевелил ногой. Потом открыл глаза и напрягся, как будто пытаюсь пристать.

Колрак, наклонившись, удержал его.

— Тише, дружище. Старайтесь не двигаться.

Но Дерриок уже совсем очнулся.

— Наверно, долго не протяну, раз я для вас «дружище», — прошептал он. — Раньше вы меня так не величали.

— Я...

— Не извиняйтесь. Спасибо. Я это оценил. Нельзя ли выпить чего-нибудь?

— Воды? — предложил Уайк.

Дерриок нахмурился, его бледное лицо чуть-чуть порозовело.

— Пожалуй, что и воды. Вот уж не думал, что докачусь до этого.

Капитан засмеялся. Вдруг Дерриоку уже лучше? Вдруг он еще поправится?

Нлезин принес воды, и Дерриок с удовольствием отпил немного. Но не сделав и пяти глотков, он остановился. Лицо его снова побледнело. Он судорожно закашлялся, тело под одеялом выгнулось, в уголках рта опять показалась кровь.

Приступ кончился в тот момент, когда Колрак уже приготовил шприц.

— Это, пожалуй, было лишнее, — сказал со слабой улыбкой Дерриок.

Никто не ответил. Уайк не решался ничего предложить, а Колрак лихорадочно старался придумать, чем бы помочь Дерриоку, хотя бы-

до ясно, что ему уже не поможешь. Молчание нарушил сам Дерриок.

— Если мы собираемся работать, то не стоит откладывать.

— Может быть, подождать, пока вам не станет лучше? — спросил капитан.

Дерриок пристально посмотрел на него:

— Мне никогда уже не будет лучше, ведь правда, Уайк?

Уайк ничего не ответил. Он только молча приподнял Дерриока так, чтобы антрополог опирался спиной на сложенное одеяло и мог читать без напряжения. Затем он укрепил над его головой три фонарика и придвинул намагниченную панель, удерживавшую пленки и записи.

Хафидж пристроился сбоку, чтобы, не заслоняя света, показывать Дерриоку нужные записи.

— Предупреждаю: в основном это будут предположения, — сказал антрополог. — Не слишком полагайтесь на них.

— Все равно ваши догадки несравненно лучше наших, — ответил Уайк. — Сколько времени вам нужно, чтобы подготовиться?

— Не меньше недели, чтобы все было сделано как следует. Но боюсь, что часа через четыре голова у меня опять откажется работать. Могу я рассчитывать на четыре часа, доктор?

— Думаю, что да, — ответил Колрак.

— Если понадобится, впрысните мне еще этого снадобья. Принимая во внимание все обстоятельства, мне, прежде чем я опять засну,

следует сделать вам предварительное сообщение — так, на всякий случай. Так вот, три часа на разбор пленок, а потом я расскажу вам все, что успею установить. Сперва экваториальную пленку, Хафидж. Ее код, кажется, A14. Да, это она.

Взгляд Дерриока был ясным и сосредоточенным, но цвет лица по-прежнему оставался скверным, а дыхание — неровным. Боли он, по-видимому, больше не испытывал и, казалось, даже увлекся работой. Она его совсем поглотила. Очевидно, его способность выключать все лишнее из своего сознания осталась прежней и он уже никого не замечал.

Минуты слагались в часы. Дерриок не изучал материал, а словно впитывал его. Ему достаточно было на несколько секунд задержаться взглядом на листке — и он уже делал знак Хафиджу показать ему следующий. Антрополог не мог бы объяснить картины, которая постепенно возникала в его мозгу, — картины, слагавшейся из полунамеков и косвенных признаков, которые ничего не сказали бы непосвященному. Он оценивал характер очертаний континентов и морей и подкреплял свои выводы теми конкретными данными, которые, по счастливой случайности, удалось зафиксировать камерам. Но в основном он полагался на прежний свой опыт, накопленный за целую жизнь, посвященную изучению процессов развития различных культур. Имевшиеся в его распоряжении факты он дополнял предположениями, опиравшимися на твердую уверенность в том, что иначе быть не может.

Ровно через три часа он удовлетворенно кивнул.

— Я кончил. Нельзя ли уменьшить свет?

Уайк повернул два фонарика так, чтобы создать рассеянное освещение, а луч третьего направил над головой Дерриока.

— А не трудно ли вам будет говорить?

— Очень трудно. Однако не стоит тратить время на вежливые слова. Вас вряд ли обрадует то, что я скажу, но пригодиться оно вам может.

Остальные придвинулись ближе. Для них это было уже не отвлеченной проблемой, а вопросом жизни и смерти.

— Во-первых, — сказал Уайк, который наконец нашел в себе силы расспрашивать умирающего, — можем ли мы рассчитывать, что найдем помощь на этой планете? Есть ли здесь люди, которые могли бы помочь нам отремонтировать корабль?

— Нет, — ответил Дерриок. — Несомненно нет, Уайк. Если вы рассчитывали на высоко развитую технику, то вытянули пустой номер.

— Значит, здесь нет людей? А я думал...

— Ах, люди! Люди здесь есть, хотя их пока и не так уж много. Но беда в том, что вы явились сюда слишком рано. Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, на этой планете не существует еще даже самого примитивного земледелия. Обнадеживающе, а?

Дерриок слегка улыбнулся.

— Другими словами...

— Другими словами, вы в середине каменного века. Люди живут небольшими группами,

разбросанными далеко друг от друга, охотятся на диких животных и собирают съедобные корни, ягоды и прочее. Если бы вам надо было узнать, как чинят сломанный наконечник копья, — лучшего места для этого не нашлось бы. Но раз вам нужно отремонтировать космический корабль, придется обождать двадцать тысяч лет или около того и тогда обратиться к кому-нибудь за помощью — с условием, однако, что этот кто-нибудь еще не успел взорвать себя.

Наступило долгое молчание.

— Значит, нам отсюда не выбраться, — сказал наконец Уайк. — Отремонтировать корабль даже для обычного полета мы не в силах. Что же касается поля искривления пространства, без которого нам все равно не вернуться домой...

— То о нем не может быть и речи, — закончил Дерриок. — У вас нет даже инструментов, чтобы изготовить машины, которые изготовили бы другие машины, способные исправить корабль. Вы сами знаете, что для починки этого суденышка одного гаечного ключа не хватит.

— Похоже, что нам придется тут обосноваться, хотим мы того или нет, — сказал Нлезин. — Мы не в силах ничего изменить.

— Почти ничего, — поправил антрополог.

— Не понимаю, — нахмурился Уайк.

Дерриок помолчал, собираясь с силами. Затем глаза его ожили, загорелись. Его явно увлекла новая проблема, и он забыл о себе.

— Какие меры принимаются для возвращения домой в случае, если поле искривления на-

рушено и восстановить его невозможно? — спросил он.

Не спуская глаз с лица антрополога, Уайк ответил:

— В таких случаях рассчитывается курс корабля для нормального пространства, включается автоматическое управление, а экипаж погружается в сон до конца пути. Но у нас нет ни вычислительных устройств, которые могли бы рассчитать курс для корабля, ни самого корабля.

— Но зато есть снотворное, не так ли?

— Да, оно у нас есть, — после долгой паузы ответил Уайк. — Состав его более чем несложен: вытяжка из лимфоидной ткани млечопитающих, впадающих в зимнюю спячку, в сочетании с абсорбентом витамина D, немного инсулина и несколько наркотических веществ, известных с древних времен.

Фонари равнодушно горели в искореженной рубке.

— Это могучее средство, несмотря на его простоту, — сказал Дерриок. — А почему приходится пользоваться им, когда отказывает поле искривления?

— По очень простой причине, — с недоумением ответил Уайк. — В нормальном пространстве корабль не может превысить скорости света, да и в поле искривления тоже, если на то пошло. Однако в результате искривления пространства отдаленные точки сближаются...

— Я не просил вас читать мне лекцию по элементарной астронавигации, — сухо перебил

Дерриок. — Я спросил, почему вам пришлось бы прибегнуть к этому средству.

— Потому что в случае такой аварии путь домой удлинится во много раз. Расстояния в нормальном пространстве, разумеется, невообразимо велики. В момент порчи поля вы можете оказаться в ста световых годах от дома. При нормальном ускорении в нормальном пространстве на обратный путь уйдет даже больше ста лет, а столько не прожить никому. Ну, а это средство погружает человека в своего рода летаргию: все жизненные функции организма замирают и жизнь лишь чуть теплится. Когда полет закончится, человек проснется — и если даже прошли сотни лет, его тело постареет на какую-нибудь неделю, не больше. Конечно, он не застанет в живых никого из своих друзей, и ему придется начинать жизнь сначала...

— Но он вернулся на родину, — прервал антрополог. — Умерьте свое красноречие, Уайк, у нас нет на него времени.

— Я все-таки не понимаю, — вмешался Хафидж. — У нас же нет корабля, а обитатели этой планеты живут в каменном веке.

— Разумеется! — нетерпеливо произнес Дерриок. — Сейчас у них каменный век и помочь они вам не могут. Ну, а если бы вы попали сюда через пятнадцать-двадцать тысяч лет — что тогда?

Уайк ответил нерешительно:

— Возможно, мы увидели бы мертвую планету. Как только они откроют атомную энергию, они пойдут тем же путем, что и все остальные.

— Но ведь мы не уничтожили себя! — вмешался Колрак, и в голосе его прозвучало такое воодушевление, какого в рубке не слышали уже много дней. — Мы отправились в этот полет, надеясь отыскать кого-нибудь, кто выжил, с кем мы могли бы найти общий язык. Как знать — а вдруг дикари этой планеты и станут теми, кого мы ищем. Какая это была бы жестокая и прекрасная проия...

— На это почти нет шансов, — упрямо отрезал Уайк.

Дерриок кашлянул, прищурил глаза и продолжал:

— На этот раз я на стороне Колрака. Вы говорите о шансах, Уайк, но говорите не думая. Скажите, а много ли у вас шансов получить помощь из какого-нибудь другого мира?

— Их нет совсем, — признал Уайк.

— Хорошо. Значит, ваша единственная надежда — эти первобытные дикари, которые охотятся на диких животных и постоянно голодают. Вам помогут либо они, либо никто. Сейчас они не способны вам помочь. Следовательно, остается только ждать. Поскольку вы вряд ли проживете пятнадцать тысяч лет, вам придется воспользоваться снотворным, причем израсходовать почти весь запас, и заснуть на долгий срок. Тогда, может быть, вам удастся вернуться домой на одном из их кораблей.

— А где гарантия, что нам будет куда вернуться после всех этих тысячелетий?

— Ее нет. И у вас нет никакой гарантии, что здешние люди не взорвут себя до того, как успеют освоить космические полеты. Но, во вся-

ком случае, из глины и дерева корабля не построишь. Иного шанса вернуться домой у вас нет. Вот так. Либо — либо.

— Им надо воспользоваться! — живо сказал Колрак.

— Не знаю, — сказал Уайк. — Слишком уж это неверный шанс...

Дерриок снова закашлялся, и на его губах показалась кровь.

— Вы обсудите это потом. Подержите-ка вон ту карту, Хафидж, — большую.

Хафидж неуклюже поднял карту так, чтобы на нее падал свет.

— Слушайте внимательно, — сказал Дерриок торопливо, еле слышным голосом. — Я могу ошибиться, я исхожу из неточных данных, но я хочу дать вам еще один совет.

— Да-да, мы слушаем, — Уайк придвинулся поближе, с тревогой глядя на антрополога.

— Корабль разбился вот здесь, — Дерриок протянул руку к карте. Его палец коснулся одного из окраинных северных районов будущей северо-восточной Азии. — Думаю, что лучше вам здесь не оставаться.

— Почему?

— Слишком сложно объяснять, Уайк. Впервые, это окраинная область, расположенная вдали от всех возможных очагов культуры. В нашем мире и то есть места, где никто не видел космических кораблей. Не хотите же вы проснуться в одном из таких уголков?

— Справедливо, но...

— Смотрите на карту. И не тратьте времени!

— Смотрю.

— Интенсивнее всего культура на этой планете, по-видимому, будет развиваться здесь, — палец Дерриока уперся в то место, которому предстояло впоследствии называться «Франция». — Однако и соседние области населены относительно густо, как и этот большой материк пониже. — Он показал на Африку. — Когда начнет развиваться земледелие, оно, на мой взгляд, возникнет прежде всего где-то между этими двумя главными областями — так сказать, на перекрестке культур. Скорее всего вдоль этого водного пространства. — Он показал на Средиземное море.

— Вы считаете, что нам следует отправиться туда?

— Ни в коем случае. Ведь эти области будут густо населены в течение очень долгого периода. Слишком велик риск, что вас обнаружат. Нет, вам требуется край, который на протяжении веков будет почти не населен, но затем внезапно начнет бурно развиваться, соприкоснувшись с новыми идеями.

— Понимаю, — возбужденно сказал Уайк. — Где же такой край?

— Определенно сказать не могу. К сожалению, я не располагаю всеми нужными фактами. Во всяком случае, на этом вот огромном острове выбор останавливать не стоит, большая его часть занята пустынями. — Он коснулся пальцем будущей Австралии, потом провел рукой по пятнышкам тихоокеанских островов. — Эти слишком малы, да и добраться до них невозможно, разве что вы решите с опасностью для жизни отправиться туда в лодке,

предварительно ее построив. Но взгляните-ка сюда.

Палец Дерриока обвел материк, который через много тысячелетий стал приманкой для людей, наделенных воображением, и получил название «Новый Свет».

— Этот континент обитаем? — спросил Уайк.

— Не знаю. Но одно несомненно: человек на этой планете возник в другом месте, во всяком случае, сейчас людей там немного. На пленках я не увидел никаких признаков их присутствия, однако, возможно, кое-какое население там и появилось. Но взгляните, что должно произойти дальше!

Его слушатели смотрели во все глаза, но ничего не видели.

— Времени на объяснение у меня нет, — с раздражением сказал Дерриок. — Словом, люди обязательно доберутся туда — это ведь огромный материк, с большим количеством плодородных, хорошо орошаемых земель. Люди будут проникать туда и через те места, где находимся сейчас мы. Вот взгляните: отсюда — и туда, — его палец проделал путь через Берингов пролив и Аляску. — По всей вероятности, этот процесс уже начался. Людям тут предстоит освоить значительный кусок своей планеты — рай для охотников. Но они будут оторваны от культурного центра этого мира, который находится вот здесь, — он снова указал на Европу. — В один прекрасный день, когда появятся мореходные суда, люди, достигшие уже относительно высокой культуры, пересекут вот этот океан, а может быть, и вон тот — это не имеет

значения. Они найдут практически необжитые земли и отнимут их у первоначальных поселенцев. И вот тогда-то там начнется бурное развитие. Вот почему вам следует отправиться именно туда. Вы проведете в тайнике тысячи лет, но зато, проснувшись, найдете все, что вам нужно, у себя под рукой.

В рубке наступило гнетущее молчание.

— Ну что же, братцы, — наконец прервал его Нлезин. — Придется нам совершить небольшую прогулку.

Глава 11

Напряжение последних часов лишило Дерриока последних сил. И пока остальные все еще стояли вокруг, пытаясь осмыслить его слова, антрополог погрузился в тяжелое забытие.

Окутанный мягкой тьмой, Дерриок грезил. Его сны Колрак назвал бы видениями, но в мозгу антрополога не угасала искорка сознания, и эта мысль была решительно отвергнута. Он даже слегка улыбнулся во сне, и окружающие недоумевали, что же могло показаться ему смешным после всего случившегося.

Сперва в его снах преобладало тщеславие, и это раздражало Дерриока. Он словно смотрел на себя глазами ребенка: герой, тяжело раненный в момент катастрофы, спасает товарищей благодаря мудрости, накопленной за долгие годы. В бредовом тумане Дерриок даже обрадовался. На самом деле он так и не стал по-настоящему крупным ученым и знал, что его считают сухарем. Приятно, что тебя наконец оценили, полюбили...

Потом эта картина исчезла, сменившись пляской формул, перемежавшихся образами многих стран и многих миров. Он увидел своеобразное животное, названное человеком, как бы в многостворчатом зеркале — повсюду не-

много разное и повсюду одинаковое. Зеркало было чуть-чуть кривым, но если бы удалось протянуть руку, коснуться его, потрогать...

Вдруг Дерриок почувствовал, что ему лучше. Безмерная усталость исчезла, тело обрело новые силы. Сознание прояснилось, и он увидел все вокруг с кристальной ясностью. Он был счастлив, очень счастлив, потому что еще так недавно не сомневался, что умирает, и все-таки ошибся. Он обрадовался, когда они покинули корабль, но постарался не показывать виду. Ведь он не писатель и не священник, чтобы упиваться бодрящим ветром и запахами травы!

Но как ему хорошо! У этой планеты доброе, теплое солнце и у него совсем золотые лучи. Дерриок почувствовал, что их прикосновение исцелило его, как может исцелять только солнце. И тут они увидели на горизонте дым, а на следующий день слышали голоса, смех, крики. Его сердце забилося. Люди! Ему хотелось пойти к ним, подружиться с ними, попытаться понять их. Да, конечно, он будет собирать факты, статистические данные, но это — потом, это область рассудка. А сейчас ему нужны просто люди, и тени, колеблющиеся у костров, и свежее мясо, и питье — крепкое, опьяняющее.

И, может быть, именно здесь он найдет друга — мужчину или женщину, все равно, лишь бы хоть ненадолго почувствовать, что он не одинок. Ведь так давно умерла она, та, которая не должна была умереть, должна была жить вечно.

Он был счастлив, счастлив как никогда. Напиток был хорош, от него кружилась голова —

Дерриок ощущал во рту вкус этой теплой влаги...

Через два часа после того, как Дерриок впал в забытие, у него началась агония.

Через три часа он умер.

Его смерть, тяжелая и мучительная, была лишена какой бы то ни было романтичности. Ни последних благородных слов, ни даже гордого достоинства.

Арвон и Колрак вынесли тело антрополога из корабля. Его похоронили рядом с Сейехи. После смерти Дерриока все испытывали гнетущую растерянность. Живому можно что-то сказать, для него можно что-то сделать, но мертвым нужно только молчание.

Дерриоку остался только ночной ветер под звездным небом, ветер, облетающий мир, который Дерриоку не суждено было узнать.

Солнце поднялось уже высоко. Арвон сидел на плоском камне, уютно ссутулившись, опершись подбородком на ладони. Ветерок, шелестевший в траве, был прохладен, но солнце приятно пригревало спину. В небе белели облачка, и когда они закрывали солнце, сразу становилось холодно.

Арвон поглядывал по сторонам, с удивлением сознавая, что ему уже много лет не было так хорошо. В сотне метров от него, в кругу опаленной земли и обуглившейся зелени, лежал корабль — исковерканный, утративший мощь. Через несколько лет от него, наверное, сохранится одна оболочка, а через сто лет и та ис-

чезнет. Останутся только равнины, снежные пики гор и ветер.

И это, наверное, к лучшему.

Арвон ощущал непонятную радость просто от того, что он сидит под открытым небом, вдыхает чистый воздух и слушает живую долгую тишину, набегающую издалека. Его умиляли даже жуки, которые хлопотливо сновали в траве, занятые своими неотложными делами. Он был готов ко всему, что могло принести им будущее, и, более того, ждал этого с нетерпением.

Человек рожден не затем, чтобы жить в стальном цилиндре. Человек — это часть земли и неба, и его тело помнит о них, даже когда его разум устремляется через световые годы к звездным россыпям, одиночеству, опасностям и...

Арвон вдруг почувствовал, что грустит по родному Лортасу — слишком похожа была эта планета на Лортас, хотя их разделяла пропасть не только в пространстве, но и во времени. Однако грусть Арвона не была глубокой: Лортас подождет — ему придется подождать. Арвон не слишком гордился жизнью, которую оставил позади, — она была чересчур легкой, чересчур бездумной. Слишком много развлечений, слишком много женщин, слишком много ночей, неотличимых одна от другой. Любое наслаждение может приесться, он это испытал. А праздная жизнь однообразна, как ничто другое. Если бы отец давал ему поменьше и больше заставлял трудиться... но глупо винить отца.

Арвон с удивлением подумал: «Некоторые

места на Лортасе почти ничем не отличаются от того, что я вижу вокруг. И у нас есть открытые равнины, душистый ветер, терпеливые камни. Неужели человек должен забираться так далеко, только чтобы найти самого себя?»

— Прелестно! — слышался чей-то голос. — Нас вытряхнуло на неизвестную планету, а вы тут спите.

Арвон очнулся от задумчивости и, подняв голову, увидел перед собой Нлезина. Лысина романиста уже чуть-чуть обгорела на солнце, глаза искрились.

Он уселся на соседний камень, но тут же пересел на другой, по-видимому, более удобный.

— Нас желает видеть Уайк, как только вы кончите грезить. Военный совет или что-то вроде. О чем вы тут мрачно размышляли?

— О разном. Но вовсе не мрачно.

— Я знаю. — Нлезин улыбнулся странной улыбкой — одновременно циничной и сочувственной. — Сейчас вам кажется, будто от катастрофы мы только выиграли.

— А разве нет?

— Это пройдет, — заверил его Нлезин. — Так приятно сознавать себя живым, что вы впали в эйфорию *. Очень опасная болезнь. Вот погодите — когда здесь ударит мороз, вы однажды споткнетесь, и вдруг палец на босой ноге отвалится, как сухой сучок. — Он весело щелкнул пальцами.

Арвон кивнул.

---

* Беспричинное повышено радостное настроение. — *Прим. перев.*

— И все-таки странно: мне и в голову не приходило, что я способен испытывать такую радость — пусть даже недолго.

— Сейчас время наблюдать, сынок. О человеке можно многое узнать, подмечая, как он ведет себя при подобных обстоятельствах. Вот, например, Лейджер. Он — единственный среди нас, кто перепуган насмерть. Помяните мое слово, нам еще придется с ним повозиться. Уайк всегда и всюду остается самим собой. Хафидж, по-моему, оглушен случившимся. Ведь из нас только он один — настоящий звездоплавател. Сейехи чувствовал себя как дома всюду, где были его машины, но для Хафиджа дом — это именно космос. Если кто-нибудь и выберется отсюда, так это будет он.

— А остальные? Црига, Колрак?

— Я еще наблюдаю за ними. Быть может, вы сами подскажете мне ответ?

Арвон покачал головой.

— Колрак кажется самым старым среди нас, а Црига моложе всех. Этим я и ограничусь.

— Крайности иногда труднее всего поддаются прогнозу, — заметил Нлезин, обращаясь скорее к самому себе. Затем он быстро вскочил на ноги и отряхнул одежду. — Попшли. Настало время выслушать Веское Слово Нашего Благородного Капитана.

И по залитой полуденным солнцем траве они зашагали к останкам корабля.

Они уселись в кружок на солнце — там, где корпус корабля заслонял их от холодного ветра. Рядом виднелись две свежие могилы, и не

требовалось большого воображения, чтобы ощутить присутствие Дерриока и Сейехи.

Даже сидя на земле, Уайк, казалось, возвышался над всеми остальными. Он вовсе не отличался атлетическим сложением, но все равно приковывал к себе внимание — такая огромная энергия сквозила в нем. Он был словно тугая пружина, готовая развернуться при малейшем прикосновении. Уайк не только официально считался их руководителем, но и стал им на деле: он руководил ими, потому что был безжалостным — не тупым, слепым или жестоким, а просто железным до мозга костей.

Говорил Уайк:

— Вы все слышали, что сказал Дерриок. Он был специалистом в этой области, и он рекомендовал нам не оставаться здесь. Его доводы показались мне вполне убедительными тогда и кажутся такими сейчас. Однако, прежде чем принимать решение, нам необходимо обсудить несколько вопросов.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Во-первых: было ли у Дерриока достаточно данных для правильного заключения? Работа по необходимости проделывалась наспех, а у нас нет вычислительных машин, чтобы проверить его выводы. Он мог и ошибиться.

— И все-таки, Уайк, его предположения стоят больше наших, — возразил Нлезин. — Заметьте, я беспристрастен: прогулка в тысячу миль меня не очень привлекает.

Уайк слегка улыбнулся.

— Я согласен, что его оценка положения —

лучшее, что у нас есть. Если мы решим попробовать вернуться домой, то можем последовать его плану. Да иного выхода и нет: вряд ли сюда в ближайший миллион лет попадет другой исследовательский корабль, а если это и случится, нас они все равно не найдут. Вы согласны со мной?

Никто не возражал.

— Хорошо. В таком случае нам надо решить очень простой вопрос: остаемся мы здесь или отправляемся на поиски ненаселенного материка, о котором говорил Дерриок? Конечно, все вы понимаете, что означает второе решение. Нам известно, как мало шансов, что этот мир сумеет достигнуть стадии космических полетов, хотя бы самого ее начала, — и уцелеть. Здешнюю цивилизацию должны будут создавать люди, а человек, как мы наблюдали во множестве миров, склонен уничтожать себя, едва он получает такую возможность. Таковы факты, и мы не можем их игнорировать. Если мы доберемся до этого материка, если даже останемся в живых, проспав несколько десятков тысячелетий, то весьма возможно, что проснуться нам предстоит среди радиоактивной пустыни. В этом случае дальнейшее понятно без лишних слов. Однако есть шанс, что мы так долго искали именно эту планету, что именно она составит нам компанию в нашей довольно суровой вселенной. Но шанс этот весьма относителеп. Так стоит ли нам рисковать?

Первым ответил Црига, самый младший.

— Но ведь мы не обязаны спать так долго, правда? Я хочу сказать, что мы могли бы за-

снуть на пять или на десять тысяч лет — ну, сколько понадобится, а потом проснуться уже в цивилизованном мире, но еще не обладающем атомной энергией. Мы не вернулись бы домой, но могли бы создать себе новый дом сами. — Его глаза заблестели, и он продолжал увлеченно: — Мы тогда словно перенеслись бы назад во времени на нашем Лортасе, увидели бы своими глазами то, о чем приходилось читать в исторических книгах...

— Надо бы мне взяться за исторические книги, — заметил Нлезин.

— Об этом стоит подумать, Црига, — сказал Уайк, не обращая внимания на Нлезина. — И, конечно, вопрос не исчерпывается только...

— Еще бы! — прервал его Лейджер, внезапно оживившись. — Как это я сразу не подумал? Мы же можем просто остаться тут. Мы знаем уже, с чем имеем дело, верно? И здесь не так уж плохо, а? То есть ничего похожего на миры, которые мы видели после того, как там принялись расщеплять атомы: кругом зелень, вода годится для питья, воздух не сжигает легкие. Все равно нам не вернуться домой, так стоит ли пытаться? Мы поселились бы где-нибудь в подходящем месте, возделывали бы поле и прожили бы так жизнь. Чем плохо?

— Нет женщин, — грубовато заявил Нлезин. Лейджер засмеялся.

— Но ведь тут же есть туземки? Чем они плохи? А мы могли бы выдать себя за богов!

— Ну, вряд ли им придется по вкусу бог с заячьим сердцем, — заметил Нлезин, усмехаясь уголком рта.

— Это еще что? — Лейджер приподнялся. — Нлезин, я больше не желаю терпеть ваши...

Нлезин даже не посмотрел на него.

— Бесстрашный репортер ставит фонарь изнеженному романисту, — пробормотал он вполголоса.

— Довольно! — вмешался Уайк. Он не повысил голоса, но Лейджер сразу сел на место. — Не будем ссориться, у нас и без того много забот. Однако Лейджер сказал именно то, о чем я думал. Правда, сам я выбрал бы другое, но надо смотреть на вещи реально. Я больше не капитан, а просто Уайк. Я не имею права приказывать вам и не собираюсь этого делать. К сожалению, Лейджер прав. Если взвесить все шансы и решить, что теперь нам следует думать только о себе, то нам лучше остаться здесь. Думаю, что мы уцелеем, и, возможно, нам будет житься не так уж плохо.

— Растительная жизнь приносит мало радости, — сказал Арвон.

— А вы откуда знаете? — спросил Нлезин.

Арвон промолчал.

Колрак, не сказавший ни слова за время совещания, медленно поднялся и приставил ладонь к глазам.

— Прежде чем строить планы, как мы поселимся возле туземцев, — сказал он, — не худо бы спросить у них, что они скажут по этому поводу.

Все вскочили.

С юга по равнине двигались черные фигурки. Они приближались бесшумно и быстро.

Люди!

Глава 12

Все инстинктивно отошли к открытому люку корабля. Человек встречается в разных местах и о нем можно сказать многое, но он всегда опасен. Он — главный среди животных, которые убивают, и не щадит даже себе подобных.

— Стойте! — крикнул Уайк. — Их только четверо. Нлезин, принесите со склада несколько парализующих пистолетов. Остальным оставаться на месте.

Лейджер попятился поближе к люку. Он, казалось, взвешивал, не выступить ли открыто против Уайка, но почувствовал, что остальные его не поддержат.

— По-моему, лучше вернуться на корабль, — сказал он. — Там безопаснее.

— Но оттуда мы ничего не увидим, — возразил Арвон. — Что же, мы так и будем прятаться каждый раз, как вблизи появятся охотники?

— Смотря за кем они охотятся, — улыбаясь вставил Црига. — Первобытный человек, если не ошибаюсь, нередко бывает людоедом.

— Вопрос в том, — сказал Уайк, — что мы о них ничего не знаем. И так продолжаться не может. На мой взгляд, нам не грозит никакая опасность. Радиус действия наших пистолетов,

несомненно, больше радиуса действия любого оружия здешних людей.

— Но ведь вы же не станете стрелять в них без всякого повода? — сказал Колрак. — Они могут и не замышлять ничего дурного.

— Стрелять мы будем, только если они нападут на нас, — ровным голосом объявил Уайк, глядя на Лейджерера. — А! Спасибо, Нлезин.

Нлезин роздал остальным маленькие пистолеты.

Теперь оставалось только ждать.

Четверо охотников, пересекавших равнину, были безмолвны, как ветер. Но с ними была собака и она залаяла, почуяв незнакомый запах.

Арвон смотрел на туземцев с непонятным благоговением. Охотники подходили все ближе, спокойно и открыто. Еще немного — и будут видны их лица. Арвон словно глядел в прошлое, окутанное непроницаемым туманом, в колыбель человечества, одинаковую для многих миров. Перед ними были люди, не знавшие ни городов, ни земледелия, ни письменности, люди на заре истории, только начинающие долгое восхождение, которое в конце концов приведет их к звездам — или к небытию.

Контраст между их и его опытом придавал этим дикарям ореол простодушия и невинности. Им, наверное, был знаком страх, эгоизм, а может быть, и ужас, но им еще предстояло познать зло, скрытое в них самих.

Охотники приближались — люди из далекого прошлого, юность человечества. Они остановились метрах в тридцати от корабля, и Арвон мог наконец подробно их разглядеть.

Они стояли плечо к плечу, молча, невозмутимо. Похожий на волка пес припал к земле и заскулил, высунув розовый язык, с которого капала слюна.

Как всегда, действительность вызвала некоторое разочарование, и все-таки эта другая жизнь была по-своему драматична, исполнена пота, надежд и запахов.

Туземцы были невысоки ростом: Арвон заметил, что у них у всех прямые, черные волосы, узкие, темные глаза, а кожа — светло-бронзовая. Они были одеты в грубо сшитые шкуры.

Эти люди были горды. Они стояли спокойно, не переминались с ноги на ногу, с откровенным любопытством разглядывали чужаков и с высокомерным убеждением в собственном превосходстве ждали, чтобы те сделали первый шаг. Все четверо были вооружены: двое держали копья с каменными наконечниками, а двое других — что-то вроде копьеметалок, в которые были заложены зловещего вида дротики.

Ветер донес до Арвона их запах, и Арвон невольно улыбнулся: для призраков они были довольно вещественны.

— Колрак, — шепнул Уайк.

— Что?

— Сходите на корабль, принесите четыре острых ножа из салона. А потом мы с вами попробуем подойти к ним поближе и завязать дружбу.

Туземцы молча наблюдали, как священник скрылся в люке. Что они думают о корабле, как объясняют друг другу его появление? Арвон попытался представить себе, как они воспри-

нимают то, что видят. Вероятно, они понимают, что перед ними — искусственное сооружение, но связывают ли они этот предмет с грохотом, потрясшим их мир несколько дней назад?

Колрак вернулся с ножами.

— Пойдемте, — сказал Уайк.

Они медленно направились к туземцам.

Пес вскочил на ноги и ошетинился.

Его хозяева подняли копьё.

Уайк протянул им ножи рукоятками вперед. Колрак сделал то же самое. Туземцы, несомненно, поняли, что означает этот жест — ведь два чужака были беззащитны перед их копьями.

— Нанхаадес! — крикнул один из охотников, готовясь бросить копьё. — Нанхаадес!

Пес глухо зарычал.

— Положим ножи на траву, — скомандовал Уайк. — И назад!

Они положили ножи, избегая резких движений. И даже попытались улыбнуться, правда, им это не очень удалось, что, впрочем, было не удивительно. Потом они попятились, показав рукой сперва на туземцев, а потом на ножи.

Темноглазые люди были сообразительны. Тот, который кричал, подобрал ножи и стал их разглядывать. Он провел пальцем по лезвию и был поражен, увидев кровь. Потом начал поворачивать нож, удивляясь тому, как металл блестит на солнце. Он восхищенно улыбался.

Его товарищи подошли поближе и, рассматривая ножи, припиались что-то оживленно обсуждать, как будто у них изо рта выдернули кляпы. Державший ножи отступил, стараясь удержать в руках копьё и четыре ножа. Осталь-

ные трое следовали за ним, не переставая быстро говорить. Понять происходившее было нетрудно: предводитель явно намеревался оставить ножи себе, а других, столь же явно, это не устраивало.

Бурный спор прекратился, только когда предводитель, сначала тщательно попытавшись определить, который из ножей лучше, один оставил себе, а остальные отдал товарищам. Тут они все принялись хохотать, вертеть сверкающие лезвия и пускать друг другу в глаза солнечные зайчики.

Это была веселая сцена, и Арвону она доставила огромное удовольствие. Он украдкой поглядел по сторонам и увидел, что даже Уайк улыбается.

Нлезин перехватил его взгляд и подмигнул:

— Нлезину это нравится, — сказал он.

Но тут неожиданно туземцы повернулись к ним спиной и ушли. Пес деловито бежал впереди. Они даже не оглянулись, словно успели обо всем забыть.

Вскоре они опять превратились в темные фигурки на равнине, а затем скрылись из виду.

— Ах ты черт! — усмехнулся Нлезин. — Что здесь, по их мнению, — склад припасов?

— Вероятно, мы не такие уж необыкновенные, как нам казалось, — заметил Колрак. — Нам был преподан полезный урок, который должен поубавить у нас сомнений.

Уайк покачал головой.

— Они вернутся.

— Почему вы так думаете?

Уайк вдруг как-то разом постарел, словно утратив частицу своей колоссальной энергии.

— Так или иначе, они всегда возвращаются, — ответил он.

Спали они в корабле, и это было все равно, что ночевать в склепе. Кругом стояла кладбищенская тишина, и даже сны были тяжкими.

Им не надо было выставлять часовых: закрыв наружный люк, они могли ничего не опасаться. Но корабль стал другим: всего за несколько дней он состарился и уже принадлежал прошлому. И этой ночью каждый из них думал о запертом люке с необъяснимым страхом, как будто они были навеки погребены в этой тьме.

Арвон и Нлезин лежали рядом, и оба никак не могли устроиться удобно, потому что корабль накренился под слишком острым углом.

Им долго не удавалось уснуть, но разговор между ними завязался только один раз.

— А разведывательный вертолет? — прошептал Арвон. — Нельзя ли воспользоваться им, вместо того чтобы идти пешком?

— Пожалуй. Но я точно не знаю, каковы его возможности. Он ведь работает на аккумуляторах — для громоздкого атомного двигателя он слишком мал.

— Не понимаю, почему Уайк не упомянул о нем. Он как будто нарочно избегает этой темы. Но мы же все видели вертолет.

Нлезин усмехнулся.

— Математика, — сказал он.

— Математика?

— Ну, арифметика, если хотите. Сколько человек поднимает вертолет?

Арвон задумался:

— Обычно на нем летают двое. Но в случае необходимости он возьмет и больше.

— Да, но есть предел. Литровая бутылка вместит только литр, какова бы ни была необходимость. Возможно, в кабину могут втиснуться четыре человека и вертолет полетит, хотя и плохо. Но четыре человека — это не семь.

— Я думаю, он сможет поднять пятерых.

— Вполне возможно, но что толку? А оставшиеся двое что будут делать?

— А нельзя вернуться за ними?

— Сомневаюсь. Энергии в аккумуляторах хватит только на один такой конец. Разумеется, можно было бы проделать на вертолете только часть пути, но, мне кажется, разбиваться на две небольшие группы было бы неблагоприятно. Нам ведь предстоит не прогулка по парку.

Арвон зевнул.

— Что-нибудь придумаем.

— Ваш оптимизм порой бывает тошнотворным, друг мой. Мне даже кажется, что вы и в самом деле верите, будто рано или поздно мы вернемся домой. И верите, что перед нами именно тот мир, который мы искали. Это было бы слишком большое совпадение, Арвон. В жизни так не бывает.

— Иногда бывает, — упрямо возразил Арвон.

Нлезин засмеялся:

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Снова наступила тишина. Корабль окутало холодное, настороженное безмолвие. Засыпая, Арвон подумал: «Здесь тише, чем в глубинах космоса».

И мысль эта была ему неприятна.

Туземцы пришли с восходом солнца.

В их появлении было что-то почти сверхъестественное. Только что равнина вокруг была абсолютно пуста, и вдруг на ней уже возникли люди, словно материализовавшиеся из травы, камней и утренней сырости. Нет, не сверхъестественное, поправился Арвон, а, наоборот, совершенно естественное, так как они — неотъемлемая часть самой земли.

Туземцы принесли мясо, и уж в этом не было ничего сверхъестественного. Укрывшись за кораблем от ветра, они разожгли костер — топливом служили лепешки сухого навоза или что-то в этом же роде — и принялись жарить в пламени большие куски красного мяса. Сочное мясо шипело, истекало соком и показалось астронавтам превосходным — ведь они уже долгое время вынуждены были довольствоваться синтетической пищей.

— Чутьочку недожарено, — заметил Нлезин, — но что значит немножко крови между друзьями?

Кто-то бросил кусок мяса псу, который с жадностью сожрал его, рыгнул и улегся вздремнуть на солнышке.

Туземцев, казалось, нисколько не смущал тот факт, что они не понимают языка пришельцев,

живущих в странной громаде. Очевидно, они и раньше встречали людей, говоривших по-другому, — во всяком случае, они удивительно хорошо умели объясняться с помощью улыбок и жестов. Они держались очень дружелюбно, но, возможно, их приветливость объяснялась тем, что им понравились ножи и они рассчитывали получить еще.

Поглядев на мускулистые руки и ноги, на зазубренные наконечники копий, Арвон предпочел думать, что туземцы испытывают к ним дружеские чувства и что они постоянны в своих симпатиях.

Когда завтрак кончился, предводитель встал, потянулся и показал рукой на юг. Там, вдали, равнина становилась более холмистой и в лиловатой дымке вставала гряда невысоких гор. Предводитель снова показал на горы, потом на Арвона и остальных, и опять на горы.

— Он хочет, чтобы мы пошли с ними, — сказал Уайк.

— Наверное, котел давно кипит, — заметил Нлезин. — Предлагаю отдать им в жертву Лейджера.

— Хватит, — нервно оборвал его Лейджер.

— Ну, так что же мы решим? — спросил Хафидж. — И стоит ли уходить от корабля?

Пока они совещались, четверо туземцев отошли в сторону. Они больше не улыбались.

— По-моему, неразумно отказываться от их гостеприимства, — сказал Колрак. — Они не замышляют ничего дурного.

— Откуда вы знаете? — осведомился Нлезин. — Вам было видение?

— Я за то, чтобы идти, — заявил Арвон. — Я согласен с Колраком: чем больше будет у нас друзей, тем лучше. А люк мы закроем и никто не проникнет в корабль.

Уайк кивнул.

— Идем. Берите пистолеты. И надо захватить какие-нибудь подарки — однако ножи следует поберечь. Возьмем одежду, может быть, фонарик и еще что-нибудь такое. Согласны?

Они ходили по кораблю, испытывая странную грусть. Конечно, они еще вернутся, да и корабль все равно разбит. И все-таки было не так просто его покинуть — последнюю связь с далекой родиной.

Туземцы невозмутимо наблюдали за тем, как пришельцы исчезают в черном проходе за блестящей стеной и появляются вновь, однако не пытались последовать за ними внутрь.

Когда сборы были закончены и все оделись потеплее, Уайк показал в сторону гор.

Туземцы с довольным видом улыбнулись и зашагали по равнине. Пес вскочил и бросился вперед. Он больше не лаял и бежал, опустив черную морду к земле.

Равнина оказалась совсем не такой уж ровной. Трава росла плотными пучками, а из черной земли торчали камни. Под травой прятались ямки, и путники то и дело спотыкались и царапали руки о колючий кустарник. На некоторых кустах алели ягоды, и Арвону захотелось узнать, съедобны ли они. Повсюду из травы высывались изящные влажные головки цветов. Воздух был холодный, чистый и бодрящий.

Туземцы шли быстрым шагом, переговариваясь на ходу. Нлезин вскоре начал задыхаться, да и всем было трудно поспевать за охотниками. Астронавты не привыкли ходить пешком, и Арвон очень скоро натер на левой пятке огромный волдырь.

— Они хотят нас уморить, — отдуваясь, пропыхтел Нлезин.

— Подтянитесь немножко, — сказал Уайк, — они не должны считать нас неженками.

— Но мы и есть неженки, — возразил Нлезин.

Один раз впереди мелькнуло стадо каких-то крупных животных. Это были золотисто-коричневые красавцы, изящные, с ветвистыми рогами. Но ветер дул в сторону стада и оно почуяло людей задолго до того, как охотники могли бы метнуть свои дротики. Стадо потопталось на месте, а затем вожак решительно потряс рогами, фыркнул и рысью пустился на запад. Остальные последовали за ним той же неторопливой рысцой.

Предводитель туземцев показал на стадо, произнес какое-то слово, которого Арвон не расслышал, и отозвал пса, бросившегося было в погоню.

Они шли уже несколько часов, и астронавты совсем выбились из сил. Еще немного — и они вынуждены будут остановиться. Во рту у Арвона так пересохло, что он не мог глотать, а в груди кололо при каждом вдохе.

— Привет победителям пространства, — пробормотал он и стал думать только о том, как заставить себя сделать еще один шаг.

Местность начала повышаться, и они вдруг очутились па тропе, которая, извиваясь, уходила в горы. Сами же горы вблизи имели весьма внушительный вид, а гладкие камни под ногами были предательски скользкими, словно их специально обтесали, протащив по ним что-то тяжелое.

Они продолжали идти.

Позади и на западе стали собираться черные тучи, над равниной пронесся ветер. Трава заколыхалась волнами, а вдали слышались раскаты грома.

Туземцы продолжали весело переговариваться.

Астронавты упрямо шли, опустив головы.

Даже Нлезин молчал.

Через час начался проливной дождь.

Глава 13

Когда идет дождь, вам не до пейзажа.

Вокруг хлещут дождевые струи, капли барабаниют по камням, дырявят мокрую черную землю. Волосы прилипают ко лбу и вода стекает с них по лоснящемуся лицу, попадает в глаза, вы моргаете, глаза краснеют, их начинает щипать.

Одежда повисает на вас, как тяжелый войлочный мешок, тело делается липким и горячим от пота. Башмаки полны воды, и при каждом шаге пальцы купаются в собственном бассейне.

Ноги скользят по размякшей глине, и вы время от времени падаете. Вы взмахиваете руками, думая ухватиться за ствол или за сук, но кругом нет деревьев. Скоро иссеченное дождем лицо начинает болеть.

Нет, вам не до пейзажа.

Арвон ничего не видел вокруг, и ему было все равно. Он шлепал по грязи, ощущая только смертельную усталость, и мечтал умереть. Он уже в значительной мере утратил былые романтические представления о первобытной жизни.

И вдруг, совершенно неожиданно, все это кончилось.

Туземец впереди него что-то крикнул, и в ответ послышался женский голос. Арвон протер глаза и разглядел за серой пеленой желтое пятно света. Он прищурился и увидел какие-то бугры, возвышавшиеся на защищенной скалой площадке в самом конце небольшой долины. Они показались ему слишком низкими, чтобы служить жильем человеку, но туземцы направились прямо к ним.

Арвон споткнулся, кто-то подхватил его под руку и повел туда, где брезжил свет. Он вошел в узкую щель, заменявшую дверь, оступился и чуть не упал, так как не заметил нескольких ступенек. «Подземное жилище», — подумал он мельком.

Зато здесь было светло и тепло!

Костер. Арвон тяжело шагнул к нему, откинул со лба волосы и протянул руки к огню. Вокруг в землянке были люди, слышался смех. Маленький мальчик смотрел на него с открытым любопытством.

Арвон чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Они прошли не меньше двадцати миль по трудной дороге, а ведь никто из них никогда столько не ходил. Уже сейчас, хотя он простоял у огня всего минуту, Арвон ощутил ноющую боль в ногах: значит, скоро они одереveneют.

Однако человек должен держаться с достоинством.

Сделав отчаянное усилие, Арвон сложил губы в улыбку. Он адресовал ее темноглазому круглолицему мальчугану. Тот сперва смерил чужака недоверчивым взглядом, но потом широко улыбнулся в ответ.

— Да здравствует жизнь на лоне природы! — весело пробормотал чей-то голос. — «Ура!» в честь диких троп и музыки дождя!

— А, Нлезин! Вы, я вижу, живы.

— На этот счет существуют две точки зрения. Где тут больница?

Арвон пожал плечами. Они с Нлезиним стояли рядом, с них текло. Других их товарищей здесь не было. Тесная землянка не могла вместить весь отряд. Вероятно, Уайк и остальные устроились у соседних костров. «Туземцы справятся с нами без всякого труда, если они намерены напасть на нас», — подумал Арвон.

— Кажется, мы свалили дурака, — сказал Нлезин, очевидно, думавший о том же. — Все как-то забываешь, что мы уже не на космическом корабле, и правила игры здесь другие.

— Пусть они изрежут меня на кусочки, если им угодно, — сказал Арвон, — я хочу только одного: лечь.

В землянку вошел предводитель охотников. Он переделался в сухие шкуры, но и они уже были забрызганы дождем. За поясом у него торчал новый нож.

Дикарь улыбнулся, сделал несколько жевательных движений и показал на Арвона и Нлезина.

— Смысл вашей пантомимы трагически ясен, — заявил Нлезин недоумевающему туземцу. — Нам весьма лестно, что вы сочли нас съедобными, но со всей почтительностью мы вынуждены отклонить ваше приглашение.

Арвон вытащил пистолет.

— Меня они, во всяком случае, не съедят! — воскликнул он, совсем забыв свои недавние слова.

Неожиданно из-за шкуры, занавешивающей вход, высунулась голова Уайка. Капитан заметно побледнел и осунулся. Увидев в руке Арвона пистолет, он вытаращил глаза.

— Что вы собираетесь делать? — рявкнул он. — Уберите эту штуку. Хотите, чтобы нас всех поубивали?

— Этот остряк намерен нас съесть, — объяснил Нлезин и, как ни странно, почувствовал себя глупо.

— Съесть вас? — Уайк посмотрел на них непонимающим взглядом и вдруг перегнулся пополам от хохота. Он схватился за живот, побагровел и задохнулся, по мокрому лицу потекли слезы. Несомненно, тут была повинна усталость, но все же Арвон никогда не видел, чтобы капитан так смеялся.

— Не понимаю, что тут смешного, — обиженно сказал Нлезин. — Мы с Арвоном, конечно, не редчайшие лакомства, но все же наше присутствие в любой кастрюле сделало бы ей честь.

Уайк взял себя в руки.

— Наш приятель вовсе не собирается вас есть. Он хочет, чтобы ели вы. Другими словами, он приглашает нас всех на пир.

Арвон спрятал пистолет. Он чувствовал себя последним дураком, но так устал, что ему даже не было стыдно.

— Нет, — сказал он, — я валюсь с ног.

— Нет, — поддержал его Нлезин, — я тоже отказываюсь. Не пойду. И не думайте.

Туземец опять ухмыльнулся и задвигал челюстями.

— Мы должны пойти, — настаивал Уайк, пошатываясь. — Сейчас не время оскорблять наших хозяев.

— Пир, — без всякой радости сказал Нлезин. — Ну, нет!

— Чего доброго, он продлится всю ночь, — мрачно предположил Арвон.

— Идемте, — приказал Уайк. — Сейчас надо взять себя в руки и веселиться.

Вслед за предводителем охотников они вышли гуськом из землянки в ночной мрак и дождь и побрели по лужам к довольно большому бугру, откуда свет вырывался широкими теплыми лучами.

Кто-то пел и слышался громкий смех.

Арвон глубоко вздохнул и твердо решил веселиться во что бы то ни стало.

Как ни странно, все оказалось не так плохо — на первых порах.

Войдя в жаркий, душный шатер со стенами из шкур, он увидел молоденькую девушку, благоразумно не отягощенную никакими одеждами. Она с улыбкой подошла к нему и протянула что-то вроде кожаного ведерка, в котором плескалась какая-то жидкость. Арвон, у которого от усталости и спертого воздуха кружилась голова, решил, что терять нечего, и сделал основательный глоток. Как он и ожидал, напиток не был водой и ожег ему рот.

Он почувствовал себя лучше.

В глубине души он понимал, что все происходящее невероятно и нелепо, но тем не менее

сделал еще один глоток и почувствовал себя еще лучше.

— Не очень увлекайтесь, — предупредил его Нлезин, — впереди вся ночь.

Арвон кивнул. Мокрый костюм прилипал к коже, как согревающий компресс, и Арвон задумался, до какой степени можно было бы раздеться, не нарушая приличий. Впрочем, еще один глоток — и проблема разрешится сама собой.

Внезапно он обрел обманчивую ясность мысли, порой сопутствующую началу опьянения. Они слишком долго были заперты в тесном корабле, слишком долго занимались только серьезными вещами. Им необходима передышка, отчаянно необходима. Им нужно ненадолго забыться. И заодно вспомнить, что человек может не только размышлять и хмуриться.

Арвон подмигнул девушке, полагая, что этот язык должен быть понятен во всех уголках вселенной, и почувствовал, как годы слетают с него, словно осенние листья с дерева. Приятно снова стать молодым и забыть...

Он знал, что способен сейчас на всякие безрассудства, и радовался этому.

Начался пир.

Дальнейшее представлялось Арвону словно сквозь туман. Он как будто сидел здесь уже очень долго — столько увидел и столько услышал, — но оказалось, что прошло всего лишь несколько минут.

Еды было вдоволь: сочные куски жареного мяса, нанизанные на прутья; какое-то месиво

в деревянной миске, которую передавали по кругу, — Арвон решил, что это чем-то приправленные толченые корневища неизвестного ему дикого растения; сухие лепешки из ягод, растертых с жиром. Эти лепешки вызывали сильную жажду и ее снова и снова приходилось утолять хмельным напитком.

По стенам из шкур метались длинные извивающиеся тени. Туземцы трясли плоскими, похожими на тамбурины, инструментами с погремушками из косточек и колотили пальцами по туго натянутой коже. Дикое ликующее пение сотрясало крышу и люди вертелись в неистовой пляске, пока не падали без сил.

От жары и духоты у Арвона кружилась голова, он опьянел и смертельно устал. Однако его поддерживало нервное возбуждение, переходившее в ту лихорадочную экзальтацию, которая кажется неисчерпаемой. Арвон испытывал нежную симпатию ко всем присутствующим, чувствовал себя их близким другом и веселился самым искренним образом.

Он совсем забыл, как еще недавно опасался, что его съедят.

Арвон не старался наблюдать за другими астронавтами, но тем не менее невольно поглядывал на них. Уайк вежливо пил, когда ему предлагали, но явно предпочел бы лечь спать. Он все время улыбался, не испытывая к празднику ни интереса, ни отвращения. Но это не было и презрительным равнодушием — просто для капитана пир оставался всего лишь интересной, короткой остановкой.

Хафидж сразу хватил лишнего и выполз под дождь — его вырвало, и теперь он крепко спал у костра.

Лейджер явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он забился в угол, подальше от центра веселья, и наблюдал за происходящим с плохо скрытой брезгливостью. Он пил, как пьют, чтобы не расстраивать компании, другими словами, наводя на всех тоску своим унылым видом.

Црига был блаженно пьян и пространно рассказывал о своей великой трагической любви пожилой женщине, которая не понимала ни слова, но подносила ему кожаный сосуд с веселящей влагой всякий раз, когда он останавливался перевести дух.

Колрак, как ни странно, тоже развлекался, но по-своему. Он пристроился возле шамана и, по-видимому, уже учился туземному языку. «Зачем бы это ему? — рассеянно подумал Арвон. — Какой смысл учиться их языку, когда завтра мы все равно вернемся на корабль?»

Нлезин был в своей стихии. Он оставался совершенно трезвым, сколько ни пил (впрочем, напиток был не особенно крепким), и не забывал о самом главном. Завладев вниманием молодой большеглазой женщины, он бойко объяснялся с ней на импровизированном языке жестов, удивительно простом и понятном.

В общем все шло прекрасно. Тамбурины гремели, пляска не прекращалась. Постепенно костер стал гаснуть, и Арвону показалось, что в шатер из шкур просачивается сероватый свет утра. Но к этому времени он был уже совсем пьян и это могло ему просто почудиться.

Однако Арвон еще не утратил окончательно способности соображать и, когда какая-то девушка довела его до землянки, где поселили их с Нлезинном, он заметил, что дождь как будто перестал. Потом земля заходила под ним ходунном, и он почувствовал, что кто-то укрывает его мягкой шкурой.

Девушка легла рядом, но, когда Арвон проснулся, ее уже не было в землянке и он так и не сумел вспомнить, какая она была и что произошло.

Собственно говоря, когда Арвон очнулся и увидел солнечные лучи, струившиеся в дверь, он вообще ничего не помнил. Голова разламывалась, и он не мог пошевелиться от боли.

Он лежал неподвижно и мучился.

Затем Арвон услышал голос Нлезина: романтист жалобно бормотал, что его мутит так, будто планета завертелась в другую сторону. Однако у Арвона не было сил даже повернуть голову. Он лежал, размышляя, умирает он или нет. Через некоторое время он опять заснул, а когда проснулся, то был слаб и очень голоден.

Арвон встал, протер глаза и решил, что жив. В землянке больше никого не было, и он вышел наружу поискать остальных.

Судя по солнцу, день уже клонился к вечеру. Длинные тени протянулись через долину и слышался птичий щебет. Все кругом было залито солнцем и только несколько лужиц среди камней напоминали о вчерашнем дожде. Арвон глубоко вдохнул свежий воздух и зашагал к самому большому строению.

Внутри было темно: от костра осталась только грудка красноватых углей, а окна отсутствовали. Когда его глаза привыкли к мраку, Арвон увидел на полу Нлезина и Цригу — они не спали, но встать не собирались. Тут же хлопотали две старухи. Одна из них подала Арвону ломоть мяса и кожаный мешок с чистой холодной водой.

— Уайк и Хафидж отправились на охоту с мужчинами, — сообщил Црига. — Нам, наверно, тоже надо было пойти, но я сегодня не в состоянии отбиться даже от птиц, не то что от диких зверей.

— Колрак все еще беседует с колдуном, — сказал Нлезин. — Он, по-видимому, непременно хочет выучить здешний язык, не понимаю только зачем.

— А может быть, ему здесь нравится, — предположил Арвон, с удовольствием глотая холодную воду.

— Что же, это не лишено смысла, — согласился Нлезин. — Как выразился один мой благородный предок: авось не прогадаешь.

— Над этим стоит подумать, — горячо подхватил Црига. — В конце концов, следуя совету Дерриока, мы рискуем потерять все и ничего не выиграть. А здесь мы хотя бы проживем свою жизнь до конца. Если же мы выберем спячку, то скорее всего проснемся в одной из тех необитаемых пустынь, где даже крысы отравлены.

— Сначала надо приглядеться, что и как, братец, — сказал Нлезин. — Уж наверное здеш-

ная жизнь — не одни только танцы и пение. Зимой им, конечно, приходится голодать. Да и Уайк ни за что на это не согласится, как вы отлично знаете. Веление долга и все прочее.

— Ну, во всяком случае, — заметил Арвон, вгрызаясь в мясо, — сегодня мы на корабль не вернемся, уже поздно.

Они не вернулись на корабль ни в этот день, ни на следующий.

Туземцы были дружелюбны, гостеприимны и смышлены.

И начинало казаться, что астронавты так и останутся с ними.

Арвон чувствовал, что впервые после катастрофы понемногу приходит в себя. Он был уже не так бледен и даже загорел, несмотря на холодный воздух. Он чувствовал себя счастливым, отдохнувшим и довольным. И пока ему хотелось ни о чем не думать и ничего не менять.

Глава 14

Через неделю Уайк созвал совет.

Астронавты полукругом уселись на камнях лицом к капитану. Они не хуже его знали, о чем он собирается говорить, и все же собрание не было простой формальностью.

Тут решалась их судьба.

Дни становились все холоднее, и астронавты дрожали в лучах негреющего солнца. Внизу, в долине, как лед, сверкал ручей, бежавший неизвестно куда. Немногочисленные деревья были вечнозелеными, но сейчас их листья потемнели, почти почернели, готовясь к зимним морозам.

Уайк не мешкая приступил к делу.

Капитан встал — как обычно, его сдержанность не была похожа на спокойствие. Спокойствие вообще чуждо подобным натурам. Уайк всегда был исполнен внутреннего напряжения, которое словно вот-вот должно было достигнуть высшей точки. Недаром он казался самым рослым среди них, хотя и был невысок.

— Итак, каникулы окончены, — начал капитан. Он говорил негромко, так что некоторые слова трудно было разобрать, но все слушали с напряженным вниманием. — Я не имею права приказывать вам, даже если бы и хотел, а я не хочу. Однако я покинул Лортас и провел в

космосе долгие годы не для того, чтобы стать членом первобытного племени на неизвестной планете. Сюда меня привели поиски, от которых я не откажусь, пока не найду того, что ищу, или пока не умру. Напа родина так далека, и, быть может, вам нетрудно убедить себя, будто ее вообще не существует. Однако она существует. У некоторых из нас там остались дети — и сколько еще родится детей!.. Мне нравятся здешние люди, а вам?

Все закивали.

— Может быть (но только может быть!), именно эту планету мы и искали. Может быть, именно здесь человечество выйдет победителем из испытания и не уничтожит себя, а вырвется в космос. Если спустя много тысяч лет оно добьется этой победы, Лортас должен узнать о ней. Цивилизация, обреченная на одиночество, гибнет. Мы это знаем. Если здешнее человечество создаст космические корабли, но некому будет показать им дорогу к Лортасу, эта планета и Лортас, скорее всего, никогда не найдут друг друга. Вы сознательно отказались в своей жизни от многого, и не мне напоминать вам о долге. Я намерен вернуться на корабль и последовать совету Дерриока даже один. Я надеюсь, что вы решите идти со мной, но право решать принадлежит только вам.

Он повернулся и зашагал прочь, один. У Арвона мелькнула мысль, что капитан всегда одинок.

Солнце заходило, освещая оставшихся косыми лучами, а они все говорили. Одни предлагали одно, другие — другое. Но в их словах не

слышалось убежденности — они спорили уже по инерции. Вскоре Колрак извинился и ушел искать Уайка.

Арвон слушал и понимал, что все пойдут с капитаном.

Он не ошибся.

День, когда они покидали селение, был холодным и пасмурным. С гор дул пронзительный ветер, так что женщины и ребяташки, улыбнувшись и помахав им на прощанье, поспешили вернуться в теплые жилища.

Арвон почувствовал, что всегда может возвратиться в это селение, затерянное во времени, и найти тут друзей. Конечно, они не скупились на подарки и не причинили туземцам никакого вреда. Но этих людей нельзя было подкупить — очевидно, астронавты им просто понравились. Почему бы не счесть это добрым предзнаменованием? Но тут Арвон явственно услышал саркастический смешок старика Дерриока: как легко выдать желаемое за действительное!

Их провожали те же четыре охотника.

Обратный путь показался легче. После того как они выбрались из долины, тропа пошла под гору, к тому же не было дождя. Быстрая ходьба согревала их, а останавливались они ненадолго.

С предгорья открывался широкий вид на равнину, где высокая трава и цветы колыхались, словно холодные зеленые волны огромного озера. Равнина, по которой гулял ветер, казалась

суровой и ледяной, и астронавтам было нетрудно представить себе, как ее заносит глубоким снегом, как по сугробам бродят исхудалые звери, а солнце — только бледный диск в зимнем небе.

Они даже увидели корабль — темную тень посредине черного обугленного круга. До него было много миль, но прозрачный воздух сокращал расстояние. А еще дальше на севере блестяли льды, покрывавшие горы холодным белым шелком.

Наверное, ледники. Всего сто лет назад они, возможно, были гораздо больше, хотя море травы выглядело так, словно его никогда не скрывали ледники.

Путники шли быстро, так что скоро горы остались позади и они зашагали нанрямик по кочковатому лугу. Снова они спотыкались о камни и колючие кусты рвали им одежду. Корабля больше не было видно, тропа кончилась. Однако туземцы продолжали идти все так же уверенно, а пес выбирал дорогу среди травы, повинаясь безошибочному инстинкту.

Кругом стояла мертвая тишина и только ветер шелестел в траве. Однако тут было теплее, чем в предгорьях.

Они шли, не останавливаясь, и Арвон с удовольствием заметил, что на этот раз он устал гораздо меньше. Но все-таки устал — и он позабывал туземцам, их твердому размашистому шагу и ровному дыханию.

Он думал: «Что бы мы ни говорили, а пройти пешком полпланеты нам никогда не удастся. Для этого мы недостаточно натренированы,

недостаточно выносливы. Мы все погибнем в пути. Надо лететь на вертолете, но он не подымет всех. И Уайк это знает».

Он посмотрел на невысокую крепкую фигуру капитана, шагавшего впереди, и ему вдруг пришло в голову, что Уайку известно что-то такое, чего не знают другие.

Солнце уже заходило, когда они наконец увидели корабль. В небе зажглись первые бледные звезды. Похолодало. Придется наломать кустарника, чтобы развести костер, а сырые ветки вряд ли будут хорошо гореть...

— Вот мы и дома! — мрачно провозгласил Нлезин. От корабля веяло холодом, словно это был ожидающий их склеп.

В тот момент, когда Уайк направился к люку, собираясь отпереть его, воздух потряс пронзительный вопль.

Из обугленной травы выскочили темные фигуры.

Что-то обожгло Арвону плечо. Он оглянулся и ошеломленно увидел, что из плеча у него торчит стрела. Темно-красные капли скатились ему на ладонь, и он с ужасом понял, что это его собственная кровь.

Один из туземцев, захрипев, упал — стрела пронзила ему горло.

Уайк с лихорадочной быстротой отпер люк, прыгнул внутрь, повернулся и, выхватив пистолет, крикнул:

— Ложись! На землю! Арвон, чтоб вас, ложитесь!

Арвон вдруг сообразил, что все еще стоит, выпрямившись во весь рост, словно в оцепенении. Он бросился на землю, еле сдержав болезненный стон — резкое движение сломало древо стрелы, засевшей в его плече. Словно во сне, Арвон неуклюже вытащил пистолет и огляделся, готовясь стрелять.

Но стрелять было не в кого. Он видел только траву. Арвон содрогнулся: если враги заметили, где он лежит, то... Тут даже блохе негде укрыться. Он крепче сжал пистолет и попробовал смотреть во все стороны сразу.

Арвон не слышал ни звука, но внезапно над ним наклонился человек, заноса каменный нож. Арвон рванулся вбок и надавил кнопку пистолета. Раздался легкий хлопок, и на него свалилось тяжелое тело.

Отчаянным усилием Арвон попытался высвободиться, но тут же замер, сообразив, что враг парализован. Арвон лежал неподвижно, сдерживая дыхание, и слушал, как из раны в плече капает кровь. Тело, придавившее его, было тяжелым и отвратительно пахло.

Арвон слышал возгласы, крики и чей-то предсмертный вопль.

«Я должен встать, — подумал он. — Я там нужен. Но если я подниму голову...»

Приникнув к земле, Арвон расправил плечи, хотя засевший в ране наконечник стрелы причинял ему сильную боль. Потом он приподнял над собой тело парализованного врага и осторожно выставил его голову над травой.

И тут же в нее вонзилось копьё. Арвон по-

чувствовал, что ему в лицо что-то брызнуло, и вскрикнул от ужаса.

Сбросив с себя уже мертвое тело, он отпрянул в сторону.

Но ведь копье бросил кто-то, а это значит...

— Стойте! — крикнул он и умолк. Ведь туземцы его не поймут! Вздвогнув, он попытался еще раз, громче:

— Нлезин!

— Эй! — слышался голос Нлезина. — Лежите, не двигайтесь!

Арвон замер.

Резкие судорожные звуки боя стихли. Снова слышались дружеские голоса. Арвон приподнял голову, быстро огляделся и кое-как встал. Он чувствовал себя относительно сносно. Все произошло так быстро, что он испытывал не страх, а лихорадочное волнение.

Но вид у него был жуткий. От плеча по боку тянулась темная полоса, и он был весь перемазан кровью мертвого туземца.

К нему подбежал Колрак и обхватил его рукой, чтобы поддержать.

— Я чувствую себя прилично, — сказал Арвон. — Во всяком случае, лучше, чем выгляжу. Кто-нибудь ранен? Что случилось? Куда они делись?

Священник улыбнулся.

— Как бы то ни было, ваше любопытство не пострадало. Убит один из наших туземцев — его звали Наньявик. Уайк ранен в ногу, но не серьезно. Убиты двое нападавших.

— Кто они такие? Что им надо?

Колрак пожал плечами.

— По-видимому, такие стычки не редкость между здешними племенами. Подобным путем воины зарабатывают себе престиж. Несомненно, наши друзья — не единственные, кто видел, как упал корабль.

Арвон почувствовал, что каменный наконечник, застрявший в ране, касается кости.

— Так сказать, небольшое развлечение?

Колрак отвернулся, глаза его стали печальными.

— Да, Арвон, на их взгляд, это именно так. Они же люди, в конце концов. Несколько тысяч лет назад наши предки на Лортасе занимались примерно тем же и столь же неоправданно. Главное — знать, когда надо остановиться.

— Вы сможете вытащить наконечник стрелы у меня из плеча?

— Да. По-моему, это будет нетрудно. Плечо придется парализовать, потом наконечник можно будет извлечь кончиком ножа, а рану зашить. Некоторое время рука будет плохо слушаться, но мышцы, кажется, не повреждены.

Они направились к кораблю. Уже совсем стемнело, но туземцы развели костер, а из люка падал бледный свет люминесцентных трубок.

Было очень холодно, и Арвон поежился.

— Я рад, что вы будете с нами, Колрак, — сказал он.

Колрак едва заметно улыбнулся:

— Я остаюсь здесь, — сказал он.

Арвон пристально взглянул на него, но священник молчал.

Арвону зашили плечо, Уайку перевязали ногу. Затем они похоронили мертвецов — рядом с безмолвным разбитым кораблем появилось еще три могилы.

— Это место проклято! — заметил Нлезин. — Если и дальше пойдет такими темпами, к концу года никого из нас не останется в живых.

На следующий день, безоблачный и холодный, Уайк наконец сообщил им то, чего они давно ждали.

— Вы все понимаете, что пешком мы не доберемся до материка, который Дерриок показал нам на карте. У нас не хватит сил. По словам туземцев, здесь проходили люди, следуя за дичью на север и восток, но это было летом, а не зимой. Я не ошибаюсь, Колрак?

Священник кивнул.

— Чем дольше мы будем откладывать решение, тем меньше у нас сохранится шансов на успех, — продолжал капитан. — Я могу заблуждаться, но таково мое мнение. Нам остается одно средство — вертолет. Я не могу точно сказать, как далеко мы сможем улететь, и я не знаю, как вертолет поведет себя в бурю — ведь вам известно, что он предназначен только для короткой топографической съемки. Но я считаю, что надо лететь, пока это будет возможно, садясь вечером в каком-нибудь удобном месте. Вертолет не может поднять всех нас — это исключено. Думаю, что в нем спокойно уместятся четверо, в крайнем случае — пятеро. Сейчас крайний случай.

Он помолчал, глядя на них.

— Колрак и Лейджер останутся здесь,— сказал он.

Нлезин нахмурился.

— Погодите, капитан, вы не имеете права отдать такой приказ. — Он шагнул вперед, лицо его побледнело, он часто задышал. — Не вам решать, кто летит, а кто остается.

— Решил не я,— медленно ответил Уайк. — Решили они сами.

Колрак кивнул.

— Уже когда Дерриок говорил с нами, я понял, что этого не избежать, — сказал он. — Как только мы пришли в деревню, я стал изучать язык туземцев. Для меня это не жертва, Нлезин. В этих людях я почти нашел то, во что верю, — единство жизни, единение с природой. Мне порой кажется, что мы, цивилизованные люди, слишком о многом забыли. Я хочу остаться и обрести утраченное.

— А Лейджер? — спросил Нлезин. — И не старайтесь меня убедить, что в нем заговорила вера.

Уайк взглянул на журналиста, тот отрицательно качнул головой.

— Лейджер не обязан объяснять свои поступки. Он так решил, и, откровенно говоря, Нлезин, это не ваше дело.

Арвон посмотрел на Лейджера — неряшливого, крикливого, одинокого. «Как мы, в сущности, мало знаем друг друга, — подумал он. — Одно дело рассуждать о том, чтобы остаться здесь всем вместе и весело пожить, и совсем другое — остаться здесь навсегда только с одним близким тебе человеком».

— Мы отправляемся завтра, если успеем собрать вертолет, — сказал Уайк. — Нам придется очень аккуратно запаковать снотворное и консервирующие вещества. Кроме того, нам понадобятся карты и питательные капсулы. Еще пистолеты. И все. Остальное возьмут Колрак, Лейджер и племя. — Он помолчал. — Есть вопросы?

Вопросов не было.

Они взялись за работу.

День был темный и унылый, бесформенные серые тучи затягивали небо до самого горизонта. Дул холодный ровный, но не очень сильный ветер.

Маленький сверкающий вертолет, стоявший возле разбитого корабля, напоминал вылупившегося из икринки малька рядом с истерзанным телом большого лосося.

Улетающие простились с Колраком, Лейджером и туземцами, которые оказали им гостеприимство. Говорить было не о чем, и будущее не внушало больших надежд. Где-то в безграничной дали ждали Лортас и тысяча других миров, скрытых за серой пеленой. А впереди их ждало... что именно?

Они забрались в вертолет и заперли люк. Замок был сложный, как во всякой воздушной машине, предназначенной для работы на чужой планете. Хафидж занял место пилота, Уайк сел рядом с ним. Остальные кое-как разместились сзади.

— Если никто из нас не растолстеет, все будет прекрасно, — сказал Нлезин.

Мотор рывкнул, вертолет затрясся — туземцы снаружи изумленно уставились на него. Мотор ревел, кашлял, рычал. Лопасты винта свистели над головой, сливаясь в серебряный круг на фоне серых туч.

Хафидж включил стартовый усилитель.

Вертолет оторвался от земли, накренился под ударом ветра, но выровнялся и начал набирать высоту.

Арвон взглянул вниз. Он словно смотрел в колодец времени. Вот туземцы — фигурки в шкурах на зелени травы; пес уже перестал интересоваться вертолетом и уткнул нос в землю; Колрак и Лейджер машут им вслед — теперь они стали лишь тенями на холмистой равнине, мужественные, вырванные из времени, утраченные навсегда.

Вскоре даже корпус погибшего корабля исчез из виду.

Вертолет взобрался выше ветра и повернул на северо-восток. Земля под ними превратилась в узор из зеленых, бурых и белых пятен.

Хафидж вел машину на северо-восток. Вертолет устремлялся вперед, словно живой, — навстречу почти несбыточной надежде.

Глава 15

Вертолет казался хрупким насекомым, летящим к солнцу. Он, жужжа, следовал извилистой линии скалистого берега, о который билось холодное синее море. В небе он был почти один, и только несколько раз его пытались обогнать какие-то птицы, но через несколько миль отставали.

Внизу лежала угрюмая пустыня. В море плавали ледяные горы, их высокие вершины сверкали на солнце, а темные основания под водой казались призрачными и жуткими. На береговых скалах гнездились птицы — единственные живые существа в этом суровом краю.

Не было ни людей, ни лодок в море.

Они летели уже несколько дней и не видели ни одного зверя.

Холодная мертвая пустыня и даже хуже того: смерть подразумевает жизнь, а трудно было представить себе жизнь среди этих скал и в глубинах ледяного моря.

Астронавты почти не разговаривали. Надо было стиснуть зубы и терпеть.

Когда на землю внизу ложились черные пальцы вечерних теней, вертолет спускался в какой-нибудь укромной бухточке и люди пытались уснуть. Но выброшенный на берег плав-

ник горел плохо и у них отчаянно мерзли руки и ноги. А вертолет был слишком тесен, чтобы почевать в нем.

Ели они только синтетическую пищу.

Но вот береговая линия повернула на восток и они увидели скалистый мыс, далеко вдающийся в бурное море.

Здесь кончался один огромный материк и начинался другой. Между ними виднелась узкая полоска мелкой воды: можно было разглядеть камни на дне океана. Казалось, будто это один массив, и просто какой-то шутник-великан плеснул несколько ведер воды в ложбинку, чтобы разделить их.

Ширина пролива не превышала шестидесяти миль, посредине его виднелись крохотные островки. Его нельзя было назвать непреодолимым препятствием. Несомненно, по временам континенты соединял ледяной мост, по которому мог пройти человек.

Вертолет оставил берег позади и зажуужжал над водой.

Затем он повернул на юг.

Внизу лежал снег, но ледников почти не было видно. Местность, в сущности, мало отличалась от той, где остался их корабль: преимущественно тундра, холмистые равнины, черная земля, поросшая травой и кустарником.

Но была и разница. Горные цепи тянулись с севера на юг, и, следовательно, вдоль их подножия можно было идти на юг без особого труда.

— Забавное ощущение, — сказал Црига, глядя вниз через плечо Арвона.

— Какое именно? — спросил Арвон, хотя и знал, что имеет в виду юноша.

Црига взмахнул рукой.

— А все это там внизу. Если Дерриок не ошибся, эта часть здешнего мира практически необитаема. Только подумайте: миллионы квадратных миль, где никогда не бывал человек.

— Да, — вмешался Нлезин, — счастливые миллионы!

Црига не обратил внимания на его слова.

— Я хотел сказать вот что: мы летим вдоль того пути, по которому когда-нибудь пройдут люди — если уже не идут. Так какие же они? Как выглядят? Арвон, как вы думаете — мы их увидим?

Арвон невольно почувствовал волнение. У мальчика более зоркие глаза, чем у него, и видят они дальше.

— Не знаю. Может быть. Но пока человек здесь, скорее всего, редкость. Возможно, все-таки нам повезет и мы его увидим.

— Мне жаль расставаться с ролью скептика, — вдруг вмешался Нлезин, — но поглядите, что там внизу, у озера? Вон там, справа?

Вертолет приближался к зеркально гладкому озеру. И даже сквозь легкий туман, можно было разглядеть в зелени травы какие-то темные фигуры, расположенные в определенном порядке. Одни сомкнулись в круг, а другие выстроились в линию, точно готовясь к бою.

— Уайк...

— Вижу. Хафидж, нельзя ли спуститься пониже?

Вертолет снизился и пронесся над озером.

Теперь астронавты разглядели, что это были не люди, а какие-то косматые четвероногие с рогами. Они образовали круг, спрятав в середине детенышей, самцы вскидывали головы и рыли копытами рыхлую землю.

Перед ними бессильно выла от злости стая зверей помельче, с жадностью глядевших на телят. Эти звери напоминали пса, который сопровождал их друзей-охотников.

Почти никто из животных не обратил внимания на странное серебряное насекомое, жужжавшее у них над головой. Они были заняты своим делом.

Црига сфотографировал их — он не расставался с камерой с тех пор, как они покинули корабль. Достав из аппарата готовый снимок, юноша с гордой улыбкой показал его остальным.

Вертолет поднялся по небесной лестнице. Озерцо и животные остались позади. Но вскоре внизу замелькали другие озера и другие звери.

Под вертолетом разворачивалась необъятная панорама: мир воды, земли и пастбищ. В холодной чистой синеве неба сияло золотое солнце. Внизу расстился ковер из бурых, черных и зеленых полос, испещренный светлыми и синими зеркальцами озер, отражавших небо.

Астронавты двигались на юг словно от пастбища к пастбищу. Какие животные прошли этим путем до них? Какие еще пройдут тут в грядущие века?

Темнота наступила рано, и пришлось сесть.

Вертолет коснулся мягкой почвы, винт вращался все медленнее, и вот он замер.

Путешественники вышли из вертолета и прислушались.

Тишина.

Потом они различили звуки: звуки необитаемой глуши, звуки мира, еще не испорченного людьми,— журчанье воды, сбегаящей по камням, фыркание невидимых животных, холодный бодрящий ветер с далеких гор.

Арвон потянулся и почувствовал, что его переполняет необъяснимая радость.

— К черту!— воскликнул он.— Я пошел ловить рыбу.

Молчание.

— Я пойду с вами,— сказал Нлезин.

Они нашли леску и захватили синтетическую лепешку для наживки. Затем, забыв про вертолет, нырнули в пронизанную бледным сиянием луны ночную мглу, где начиналось и кончалось время.

Вертолет летел на юг — маленькая точка в пустынном облачном небе. И характер местности внизу постепенно менялся.

Голая тундра, чье однообразие нарушали только озера и купы темных деревьев в речных долинах, сменились величественными хвойными лесами. Вертолет плыл над морем зелени, над прохладным лесом, манившим своей мягкой сенью и влажным мхом.

Это был охотничий рай, кишевший дичью: карибу, олени, дикие индюки. Стоило задержаться над лесным прудом, и можно было рас-

слышать, как шлепает по воде плоский бобринный хвост.

И всегда — живое безмолвие большого леса, трепещущая тишь, не пустая, а слагающаяся из птичьих голосов, шепота сосен и топота быстрых лапок...

Теперь астронавты ели вволю. Они просто выслеживали добычу сверху, стреляли прямо с вертолета и приземлялись для ночлега рядом с убитой дичью.

Один раз им показалось, что из зеленой чащи на них глядят темные глаза человека. Но когда они направились к нему, человек исчез, и они не нашли его следов.

Как-то они заметили с вертолета дымок, но когда добрались до костра, их встретила только тишина.

Они летели все дальше на юг, и местность снова переменялась: склоны гор перешли в бескрайние холмистые равнины, утопавшие в траве и цветах.

Теперь они видели множество самых разнообразных животных. Дикие лошади, неисчислимые стада огромных бизонов — черные пятна на равнине, растянувшиеся на многие мили.

И они видели людей — темные фигурки, которые, точно волчья стая, следовали за стадами, держа копыта наготове. Как-то вечером они пролетели над стойбищем — перед примитивным жильем из шкур сидела женщина, терпеливо выскребывая шкуру каменным инструментом, а рядом с ней стоял ребенок и внимательно следил за ее работой.

Арвон смотрел на них, запечатлевая их навеки в своей памяти. «Вы там, внизу! — думал он. — Усталый охотник, голодный малыш, трудолюбивая женщина! Известно ли вам, что вы завоевали мир? Известно ли вам, что долгие века люди, подобные вам, будут жить и умирать на этой земле, а потом их сменят люди с огнестрельным оружием, явившиеся из-за океанов, которые вам еще предстоит увидеть? Известно ли вам, что вы завоевали материк и он будет отнят у вас? Ешь свою пищу, охотник, смейся, пока смеется! Завтрашний день будет долгим, а из глубины моря наползает великая ночь...»

Вертолет, жужжа, несясь в небе над морем травы. Равнины привели их в места, которые впоследствии стали восточной частью штата Колорадо.

Затем вертолет повернул на запад, к горам. Он замедлил полет — орел, высматривающий гнездо.

В аккумуляторах почти не оставалось энергии.

Вертолет приземлился высоко в горах у маленького озера, питаемого ледником.

Одно путешествие подошло к концу.

Первая ночь была холодной; звездный полог казался далеким и равнодушным. Они спали возле вертолета, так как вокруг не было деревьев.

Арвон лежал на спине и глядел в небо. Воздух был кристально чист, и звезды казались

удивительно ясными. Там голубая, там красная, а вон та то вспыхивает, то угасает.

Значительную часть своей жизни он прожил, как большинство других, не замечая ее. Даже поиски в космосе не часто наполняли его душу благоговением. А между тем, как удивительна жизнь, вся ее совокупность! Это море звезд, эти бриллианты в холодной черной воде! Он плавал по этому морю и знает, что эти звезды — могучие солнца, а вокруг многих из них вращаются планеты, подобные его родной планете или миру, в котором он находится теперь. И может быть, где-то, в бесконечном океане, другой человек глядит сейчас на звезду в ночи?

«Здравствуй, друг! Будь счастлив!»

Арвон долго вслушивался в ночные звуки, звуки чужой планеты, бесконечно далекой от его родины.

Заснул он нескоро.

Утром, когда солнце вылезло из-за гор, они разошлись в разные стороны, чтобы отыскать укромное место для предстоящего долгого сна. Они спустились вниз по ручью и оказались в лесу среди могучих сосен и стройных осин, но не нашли того, что искали.

Что ж, торопиться особенно незачем. Бессознательно астронавты радовались возможности оттянуть момент, когда нужно будет сделать инъекцию. Они удили рыбу, дремали на солнышке, вдыхали свежий воздух и старались не думать о том, что и эта планета может стать мертвой...

Но они не прекращали поисков.

Пещеру в скале открыл Арвон. Он пошел по долинке, отходившей от ручья, и вдруг увидел нишу, черневшую под выступом скалы, как полоска сажи на белой бумаге. Он забрался туда и к большой своей радости обнаружил в глубине ниши небольшую щель.

Он бросился бегом к вертолету за фонариком и вернулся вместе с Нлезинном, чтобы обследовать находку.

Пещера была невелика — небольшая каверна в толще скалы. По одной стенке стекала вода, и сырость делала пещеру еще более неуютной.

На полу белели кости — какой-то зверь заполз сюда умирать? А может быть, его убил хозяин пещеры, который еще вернется?

— Пожалуй, это то, что надо, — сказал Арвон. Его голос прозвучал в тишине очень громко.

— Прелестно, — отозвался Нлезин. — Гранитная спальня, изящная костяная мозаика, холодная вода. Всегда мечтал об этом. Можете рассказать сказку-другую на сон грядущий, Арвон?

— Могу, — ответил Арвон, — только они не для детей.

— Премного благодарен.

Они позвали остальных, и началась двухнедельная тяжелая работа.

На случай землетрясения астронавты постарались очистить пещеру от обломков и непрочно державшихся камней. С этой же целью они принесли инструменты, выдолбили себе ниши в глубине пещеры и приладили там люмине-

сцентные трубки, которые должны были гореть практически вечно.

Они взяли консервирующие вещества, имевшиеся на любом космическом корабле, и законсервовали все, что могло им понадобиться, — одежду, оружие, записные книжки.

И наконец они отгородили заднюю часть пещеры, поставив поперек нее крышку люка с вертолета, снабженную сложным замком.

Еще два дня астронавты оставались возле озерца, занимаясь не очень нужной работой. Никому не хотелось заползать на каменную постель, чтобы спать там, пока столетия рассыпаются в прах...

Наконец все предлоги были исчерпаны.

Астронавты ушли в пещеру.

Последнее, на что посмотрел Арвон, был серебряный вертолет, доставивший их сюда. Он стоял на земле, лопасти его винта были неподвижны, кабина пуста. Когда дверь пещеры откроется в следующий раз, он давно уже станет пылью.

Дверь закрылась.

Все заняли свои места, готовясь к долгому сну.

Уайк стерилизовал шприц. Потом открыл самозамораживающийся контейнер, в котором снотворное хранилось при температуре, близкой к абсолютному нулю. Когда все было готово, он наполнил шприц.

— Придется использовать все до конца, — сказал он. — Мы заснем на максимальный срок.

— На сколько же? — это спросил Црига.

— Примерно на пятнадцать тысяч лет,— ответил Уайк деловым тоном.

«Пятнадцать тысяч лет!»

— Начинайте,— поторопил Арвон.— Я не хочу думать.

«Не хочу думать, что еще никому никогда не приходилось спать так долго, чтобы вернуться домой; что этот мир может оказаться радиоактивной пылью, когда я проснусь; что я боюсь, боюсь...»

Блестящая игла принялась за работу.

Црига. Он первый. Вот испуганные глаза закрываются.

Хафидж. Он потихоньку скрестил пальцы, думая, что этого никто не заметит.

Нлезин. Он не обошелся без своего: «Нлезину это не нравится».

Арвон. Он весь напрягся, борясь со сном.

Он видел, как Уайк сделал инъекцию себе. В контейнере осталось несколько капель — бесполезных, не способных усыпить их даже на пять лет. Уайк, горько усмехнувшись, закрыл контейнер и бросил его на пол, и никому не нужные капли в нем начали остывать, остывать до температуры, близкой к абсолютному нулю...

Арвон хотел вскрикнуть, но было уже поздно.

Глава 16

В костер много раз подбрасывали хворост, но теперь от него осталась только грудa раскаленных углей. Каменные стены словно придвинулись ближе, заглушая звуки, создавая ощущение уюта, несмотря на то что в пещере было пусто и голо.

К этому времени остальные успели проснуться и теперь, столпившись вокруг Уэса, разглядывали его.

Ниши опустели.

Уэстон Чейз покачал головой, поправил очки и сказал:

— Боже мой, Арвон, я в жизни не слышал ничего подобного.

— Тем не менее все это правда, — сказал Арвон.

— Да, знаю. Потому-то и трудно поверить.

Уэс чувствовал себя оглушенным и не мог отделаться от этого ощущения. Нелегко, когда твои понятия, представления, самая структура твоего мира вдруг вывертываются наизнанку, искажаются, вырываются с корнем, так что все перестает быть тем, чем казалось прежде.

Уэс Чейз больше не испытывал ужаса. Но ему хотелось плакать.

— Кажется, я понимаю, — сказал он, обра-

щаясь к Арвону и к остальным, хотя они не знали его языка. — Это... словом, это невероятно.

Арвон нахмурился:

— Вы мне не верите? Вы думаете...

— Нет, нет. — Уэс беспомощно замахал рукой. — Просто вы меня ошеломили. Не только рассказ, но и вы сами. То, как вы переменились.

Сумеет ли он объяснить им, заставить взглянуть на все случившееся его глазами, которые теперь видели все по-новому?

Они же оказались совсем не такими, какими представлялись ему раньше, до рассказа Арвона. Один раз он уже испытал нечто подобное. Когда начал заниматься на первом курсе медицинского факультета университета в Цинциннати. Он приехал из Огайо и не был ни с кем знаком. На первых занятиях он озирался кругом и видел только незнакомых людей, равнодушных, высокомерных, отпугивающих. А спустя несколько лет, когда он, окончив университет, проходил стажировку в больнице Иисуса, он едва мог вспомнить впечатления тех первых дней. Теперь все они были его друзьями или хорошими знакомыми. Он с ними учился, собирал скелеты, пил в одной компании. Они были уже не морем враждебных лиц, а Биллом, Сэмом, Майковтом и Холденом. Он знал их, был среди них своим.

И сейчас, в этой необыкновенной пещере в колорадских горах, произошло то же самое.

Адский выходец с белым лицом, при виде которого кровь стыла в жилах, оказался просто Арвоном, человеком иного склада и привычек,

но все-таки понятным ему. В некоторых отношениях он знал Арвона даже лучше, чем большинство тех, кого ежедневно видел в Лос-Анжелесе, да и испытывал к нему гораздо большую симпатию.

Ну, а остальные астронавты, которые проснулись во время рассказа Арвона, жадно набросились на добытую им еду, а теперь не отрывали от незнакомца взглядов, в которых странно мешались надежда, страх и отчаяние?

Не требовалось представлять их Уэсу.

Тот, кто наблюдает за ним с иронической полуулыбкой, конечно, Нлезин. Он плешивей, чем рисовал его себе Уэс, и худее. Должно быть, похудел со времени катастрофы. Господи, неужели это было пятнадцать тысяч лет назад? Уэс увидел глаза Нлезина: пронизательные, зеленые, но где-то в глубине прячется доброта.

А высокий костлявый человек со странными черными глазами — несомненно, Хафидж, навигатор «Ведерка». Да, теперь Уэс понял, что имел в виду Арвон: Хафидж чужой здесь, ему не нужны ни суша, ни вода, ни приветливое синее небо — его сердце отдано звездным глубинам, для него родной дом — мрак и сталь. Уэс проникся к нему неприязнью, но не мог не восхищаться им.

Црига. Уэс слегка улыбнулся. Он действительно почти мальчик. Его одежда заметно ярче, чем у остальных. Долговязый, неуклюжий, худой. И, по-видимому, нервничает больше, чем Уэс. Уэсу стало горько — Црига был слишком похож на сына, которого у него так никогда и не будет.

А это капитан. На него нельзя не обратить внимания. Уайк был центром этой горстки людей, хотя не произнес еще ни слова. Он мерял пещеру короткими нетерпеливыми шагами. Капитан напомнил Уэсу боксера на ринге, ожидающего противника. Он был натянут, как струна, взведен до отказа и потому опасен. Он был не просто полон жизни — он кипел энергией. Он ни разу не улыбнулся. Невысокий? Да, но это не заметно. Глядя на Уайка, вы понимали, что он тверд, тверд как скала, негибачем. В нем чувствовалась тайна, она окружала его, как ореол. Он был нетерпелив, беспокоен, всегда в борьбе с самим собой. Уэс приглядывался к нему и думал: «Осторожно, Уэс. Этот человек убьет тебя, не задумываясь, если сочтет нужным».

Уэс достал сигарету и закурил. Десять глаз наблюдали за каждым его движением. Дым показался Уэсу горьким.

Хватит ли у него духа сказать им? Он путешествовал с ними среди звезд, готовился к смерти, когда корабль ударился о землю, смеялся на пиру в шатре из шкур, глядел вместе с ними на зеленые неведомые равнины под вертолетом...

Это была одиссея, потрясавшая человеческое воображение, одиссея, начавшаяся в глубинах пространства и времени, только чтобы завершиться здесь, в этой пещере среди колорадских гор, — завершиться полной неудачей.

Уэс смотрел на них. Чужие? Каким бессмысленным казалось теперь это слово! То, что понятно, не может остаться чужим. Уэс готов

был пожалеть, что познакомился с ними и участвовал в их приключениях.

Он не смог скрыть своей грусти.

— Арвон,— медленно произнес он,— я должен сказать вам одну вещь, сейчас же, не откладывая. Мне трудно говорить, но поверьте, это правда. Арвон, все было напрасно.

Арвон посмотрел на него с недоумением.

— У нас еще нет космических кораблей,— продолжал Уэс, ненавидя себя за эти слова.— Не знаю, взорвем мы себя или нет: пока возможно и то, и другое. Но как бы то ни было, кораблей у нас нет. Арвон, вы промахнулись — все вы. Вы взяли билет в один конец.

Арвон медленно встал. Словно оглушенный, помотал головой. Потом что-то сказал товарищам на своем языке.

Наступило тяжелое молчание.

— Забраться так далеко,— прошептал наконец Арвон. — Рискнуть, проснуться, увидеть, что этот мир еще жив, преисполниться надежды и вдруг...

Он умолк.

Уэс похолодел.

К нему медленно шел Уайк, и в его глазах Уэс прочел смерть.

Уэс попятился, сжав кулаки. Он понял, что Уайк обезумел от отчаяния, и не собирался стоять и ждать, пока его убьют. Что-то в Уайке сломалось, и он готов был убивать — слепо, без разбора...

Нлезин шагнул вперед и схватил Уайка за руку, капитан оттолкнул его, но к ним подбежал Арвон.

Они с Нлезином принялись быстро говорить, очевидно, в чем-то убеждая Уайка.

Капитан пришел в себя, глаза его прояснились. Он тряхнул головой, явно испытывая стыд за свою вспышку. Потом взглянул на Уэса и попытался улыбнуться, словно прося извинения. Уэс улыбнулся в ответ, но без большой готовности.

— Он очень сожалеет,— объяснил Арвон.— Для него это тяжелый удар, пожалуй, даже более тяжелый, чем для нас всех.

Уайк что-то настойчиво доказывал Арвону.

— Вы твердо уверены в том, что сказали мне?— спросил Арвон.— Я знаю, что вы не солгали, но, может быть, вы ошибаетесь?

Уэс старался сохранять спокойствие, но заключение в пещере начинало сказываться на его нервах.

— Вы же побывали внизу в городке. Как по-вашему: похож Лейк-Сити на космический порт?

— Это ничего не значит. На Лортасе тоже есть такие деревушки, сонные, глухие, всеми забытые. Но в больших городах у вас, несомненно...

Уэс сел, но продолжал поглядывать на Уайка, который беспокойно шагал взад и вперед.

— Мы стоим на пороге,— признался он,— но и только. Мы сбросили атомную бомбу во время войны—это было давно, лет десять назад (заметив выражение лица Арвона, Уэс покрас-

нел). У нас, если не ошибаюсь, успешно ведется работа над ракетами — управляемые снаряды и прочее.— Он опять вспыхнул и, раздосадованный этим, заторопился. — Мы, правда, объявили о проекте создания искусственного спутника, пока небольшого, который собираются запустить в космос. Можно, конечно, при желании назвать его космическим кораблем, но домой вы на нем не полетите.

Арвон перевел слова Уэса своим товарищам, и они начали что-то взволнованно обсуждать. Уэс заметил, что Нлезин криво усмехается. Если все это не нравилось ему пятнадцать тысяч лет назад, то время подтвердило его мрачные предчувствия.

— Ну, а эти ракеты?— настаивал Арвон.— Какое топливо они используют? Жидкое? Твердое? Какое?

Уэс пожал плечами.

— Я врач, а не специалист по космосу.

В глазах Арвона отразилось недоумение, и Уэс пояснил:

— Я почти ничего не знаю о ракетах. У нас есть реактивные самолеты, и они, кажется, все используют жидкое топливо. Атомных двигателей, насколько мне известно, у нас нет.

Арвон удрученно кивнул.

— Погодите-ка!— Уэс щелкнул пальцами, и Уайк насторожился, как кошка.— У нас ведь есть инженеры, заводы и конструкторы. Почему бы вам не объяснить им, что надо делать, как построить корабль? Ваш опыт поможет нам создать космический корабль на несколько веков раньше, чем мы смогли бы сделать это без вас.

Арвон засмеялся — отрывистым, нервным смехом, какого Уэс у него раньше не слышал, и беспомощно развел руками.

— Вы не понимаете всей сложности проблемы, — сказал он. — Мне трудно найти примеры... нет, это не то выражение, которое мне нужно, — он задумался, подыскивая слова. — Мне трудно подыскать аналогию из вашего опыта. Но я попробую угадать некоторые стадии, через которые вы, вероятно, прошли. У вас есть корабли, большие океанские суда?

— Да, мы их называем океанскими лайнерами.

— Хорошо. Предположим, вы капитан такого лайнера, и вдруг вы перенеслись в прошлое в... ну, какой это должен быть год?

— Скажем, 1700 год, — подсказал Уэс.

— Хорошо, в 1700 год. Вы находите корабельного мастера и объясняете ему, что вам нужно. Вы, может быть, даже нарисуете ему картинку. Сможет ли он построить для вас океанский лайнер?

Уэс покачал головой, уже понимая, к чему клонит Арвон.

— Конечно, не сможет. Ну, а космический корабль с межзвездным двигателем сложнее во много сотен раз. Такой корабль строят высококвалифицированные специалисты. И мы не строили наш корабль — ведь пилоты ваших реактивных самолетов тоже, наверное, не сами их собирают? Уайк был капитаном космических кораблей, но он не мог бы начертить даже схему атомного двигателя нашего «Ведерка». Хаффидж — навигатор, но он изложит вам лишь

самые общие принципы действия поля искривления пространства. Если бы наш корабль сохранился, мы могли бы кое-что наглядно продемонстрировать вашим инженерам, и это имело бы смысл. Но наш корабль давно бесследно исчез. Наши знания могли бы немного сэкономить время, дали бы шанс избежать некоторых тупиков, но это все. Если ваши сведения точны, то межзвездные полеты на вашей планете начнутся не ранее чем через сто лет. До Луны вы, конечно, доберетесь скорее, но нам от этого пользы мало. А ста лет нам не прожить, Уэс, особенно после того, как мы спали тысячелетия.

Уэс ждал, но Арвон умолк и задумался о чем-то своем.

— Все это сулит мало хорошего и мне не нравится,— сказал наконец Уэс.

— Вы почти цитируете Нлезина.

Нлезин, услышав свое имя, посмотрел на них и торжественно поклонился.

— Но вы правы,— продолжал Арвон.— Все это сулит мало хорошего не только нам, но и вам тоже. Ваша Земля, пожалуй, сумеет выжить и даже, подобно нам, проникнуть в межзвездное пространство. Но вы сами можете догадаться, что за этим последует.

— Мы достигнем звезд,— медленно сказал Уэс, — и обнаружим то же, что и вы. Мы обрабатываем собранные сведения с помощью вычислительных машин, и тогда это станет нашей проблемой.

— Совершенно верно. А вероятность того, что вы найдете Лортас, неизмеримо мала. Мы нашли вас только благодаря счастливой случай-

ности. Конечно, я не могу с уверенностью утверждать, что Земля уцелеет. Я слишком мало знаю о ней и предсказывать не берусь. А как думаете вы, Уэс?

Уэс вспомнил газету, которую читал накануне того дня, когда отправился удить форель. Вспомнил заголовки, вспомнил разговоры в гостях, в барах, у себя в приемной.

Он вспомнил Хиросиму и Нагасаки.

Он вспомнил Гитлера и все прочее.

— Не знаю, Арвон,— сказал он.— Я просто не знаю.

Арвон обвел взглядом голые стены, люминесцентные трубки, снятые с разбитого корабля. Он молчал, и Уэс понял, что он смотрит дальше этих каменных стен, в глубь веков, скрытых за серой пеленой времени...

— Сто лет!— воскликнул вдруг Арвон, потрясенный иронией случившегося.— Проспать пятнадцать тысяч лет — и не дотянуть одного столетия!

Он обернулся к остальным и, жестикулируя, быстро о чем-то заговорил. Он показал им свои записи. Говорил он долго, и Уэс уловил английские слова.

Арвон учил остальных астронавтов английскому языку.

Уэс вдруг почувствовал, как у него защемило сердце. Внезапно он вернулся к действительности — впечатление от рассказа Арвона начинало стираться.

И он по-прежнему заперт в этой проклятой пещере.

— Арвон!

Тот повернул голову.

— Вы не имеете права держать меня здесь. Моя жена с ума сходит от беспокойства.

Арвон колебался.

— Мы поступаем так, как нас вынуждают обстоятельства,— неохотно ответил он.

— Значит, вы меня все-таки не отпустите?

Арвон подошел к нему.

— Вы мне нравитесь, Уэс, поверьте. Но вы же человек. Мы знаем о вас только то, что сказали нам вы сами. Мы рискнули слишком многим и слишком многим пожертвовали, чтобы рисковать и теперь. Вы можете вызвать сюда армию, сбросить на нас атомные бомбы, взять нас в плен и запереть в клетку, как диких зверей. Такая судьба постигала астронавтов с Лортаса в других обитаемых мирах. Мы еще не решили, что с вами делать. Обещаю одно: мы вас убьем только в случае крайней необходимости.

Он отвернулся и принялся что-то объяснять Уайку.

Уэс попытался подавить закипавший в нем гнев. Это уже подлость! Он, Уэс, ни на минуту не усомнился в их истории, как она ни фантастична, а теперь этот Арвон ему не доверяет!

— Сукин сын,— сказал он вслух.

И тут же подумал: «Предположим, я — один из них и пытаюсь вопреки всему найти на чужой планете то, что нам нужно. Предположим, я поймал аборигена, который шнырял около моего убежища. Отпустил бы я его, дал бы ему вернуться к своим и рассказать о том, что он видел?»

Однако доводы рассудка уже не могли помочь.

Уэса охватила отчаянная тоска по дому.

Он думал о Джо, вспоминал, какой она была до того, как они поженились, и после. Вспоминал шелк ее волос, когда она стаскивала с головы шапочку после купанья в бассейне, вспоминал, как искрились ее глаза, когда ей случалось выпить слишком много, ее смех, которого он так давно не слышал. Он видел свой домик на Беверли-Глен: дикий камень, красные панели, герань в саду. И зеленый газон, сверкающий под вращающейся струей фонтана...

Джо. Он не мог не думать о ней, но не все мысли были приятного свойства. Господи, сколько же он здесь пробыл? Как она объясняет его исчезновение? Что делает теперь, сию минуту? Любит ли еще его? А что если Норман...

Нет, не надо так думать. Это нечестно.

Да?

Он уткнулся лицом в ладони и с удивлением обнаружил бороду. Закрыв глаза, задыхаясь от безысходной тоски. Его прежняя жизнь отодвинулась далеко-далеко, и она не была той жизнью, о которой он когда-то мечтал.

И это, в сущности, причиняло гораздо большую боль, чем все проблемы всех людей прошлого, настоящего и будущего.

Он спал, и видел сны, и вскрикивал, блуждая во мраке собственной души.

Глава 17

Медленно текли часы, складываясь в дни.

Арвон напряженно обучал остальных английскому языку. В пещере господствовало мрачное уныние. Порой Арвон спрашивал у Уэса какое-нибудь слово или фразу. Иногда Уэс помогал ему, иногда дулся и отказывался отвечать.

Уэс попеременно то радовался своему необыкновенному приключению, то негодовал на то, что его насильно держат в пещере. Он прикинул, что на дворе теперь октябрь, если уже не зима. Когда открывалась дверь, в пещеру врывались струи холодного воздуха и доносился свежий металлический запах снега.

До леса было далеко, и маленький костер почти не грел.

Все обитатели пещеры, без исключения, чувствовали себя скверно.

Дважды раздавался сотрясающий горы рев реактивных самолетов, и каждый раз астронавты выбегали из пещеры и смотрели в небо. Они понимали, что самолеты летят со сверхзвуковой скоростью, видели их коротко срезанные крылья.

Все это время Уэс ощущал странную внутреннюю неловкость, словно в нем происходили неуловимые перемены. Он оглядывал себя: старые теннисные туфли, разорванные брюки,

якобы непромокаемую куртку с ржавыми потеками. Он трогал серую шляпу, которую нашел уже давно, — еще более потрепанную, чем прежде. Он слушал тиканье часов, перебирал три ключа, висевших на кольце, ощупывал бумажник в нагрудном кармане.

Много раз он вытаскивал из пластиковой обертки фотографию и разглядывал ее. Джо в юбке из твида и в коричневом шерстяном свитере глядела на него, слегка улыбаясь.

Джо. Мысль о ней причиняла острую боль.

Тогда Уэс начинал снова размышлять о себе и удивляться. Неужели он в самом деле Уэс Чейз — в меру преуспевающий окулист и ларинголог? Любивший отправляться на рыбную ловлю в старых теннисных туфлях и фетровой шляпе? Любивший иногда как следует напиться? Неужели тот самый Уэс слушает теперь истории о кораблях и спячке, длившейся пятнадцать тысяч лет?

Изолированность культур, судьба человечества...

Нет, это не могло случиться с ним на самом деле!

Нет, все это — космические корабли и прочее — кажется интеллигентному человеку столь же нелепым, как летающие блюдца. Материал для фантастических фильмов, приятно щекочущих нервы зрителя, но не явления реальной жизни.

Уэс неожиданно вздрогнул, ему показалось, что он увидел жизнь такой, какой представляется она другим обитателям пещеры. Ведь в вышине, за скалой, за синевой неба находятся дру-

гие миры, другие люди, со своими опасениями и своими улыбками — и в то же время повсюду одинаковые.

Господи, как он был слеп! Как слепы все они, люди Земли! До чего они... как бы это выразить?

До чего они провинциальны!

Да, жители глухой деревушки, убежденные, что города — миф, что Земля плоская, а зло — чистый вымысел.

Он помотал головой. Взрослеть было нелегко.

Самое удивительное, что Арвон, Нлезин, Уайк, Хафидж и Црига, да и Колрак, и Сейехи, и Лейджер, и Дерриок казались ему старыми знакомыми. Это они-то чужие? Он встречал похожих людей в Колорадо, Калифорнии. Сверхлюди? Чепуха! Просто люди, и очень ему понятные.

И, понимая их, он поставил себя на их место. Зброшены на Землю без надежды на возвращение домой. После долгих лет поисков они как будто нашли тот единственный мир во вселенной, который им нужен, — но отыскиали его слишком рано. Еще не построен тот корабль, который мог бы доставить их на родину, тем самым совершив и более важное дело.

Корабль, который слил бы воедино две великие цивилизации, оплодотворил бы две великие культуры, влил бы в них свежие силы, породил бы новый, иной образ жизни, так что человечество поднялось бы — до каких высот?

Но такого корабля не было.

Уэс знал, о чем они думают, — он сам думал

бы так же на их месте: «А что если он лжет? Что если он ничем не лучше многих, с которыми нам приходилось иметь дело? А вдруг он нас обманывает, выжидая удобной минуты, чтобы расправиться с нами? А вдруг жители этой планеты покорили космос и он не хочет, чтобы мы об этом узнали?»

Или же более снисходительно: «Может быть, он добросовестно заблуждается. Ведь он только врач и может не знать всех фактов. Что если по каким-то политическим причинам правительство скрывает от своих граждан работы, ведущиеся в этой области? Быть может, назревает война...»

Воздушные замки, конечно. Но ведь так трудно отказаться от надежды.

И, действительно, наступил момент, когда Уайк принялся его настойчиво расспрашивать.

— Ваш дом, Уэс, где он? — голос его был ровен, сдержан, но в нем слышалась жесткая нотка, которую Уайку не удавалось скрыть.

— В городе Лос-Анжелесе. Собственно, это испанское название, а не английское. Город находится в Калифорнии.

— Далеко отсюда?

— Несколько сот миль. Пешком не дойти.

— Это большой город?

— Очень.

— И там много всего — заводов, технических специалистов, ученых?

— Конечно. Много всего, и еще Марилин Монро.

— Марилин Монро?

— Своего рода богиня, которая живет в

Голливуде, пригороде Лос-Анжелеса, где из целлулоида создаются грезы.

— Ее полезно повидать?

— Да, посмотреть на нее стоит. Помогает забыть о неприятностях.

Уайк недоуменно нахмурился.

— Уэс, нам нужна ваша помощь. Я знаю, что мы не имеем права на нее рассчитывать после того, как продержали вас здесь столько времени. Но нам... некоторым из нас... необходимо попасть в ваш город. Можете вы отвезти нас туда, не привлекая к себе внимания? Мы хотим вам верить. — Уайк улыбнулся. — Но, разумеется, не можем.

Уэс весь внутренне напрягся. «Вот он, долгожданный случай! Ты можешь вырваться отсюда! Попасть домой!»

— Это будет нелегко, — ответил он.

— Я знаю. Мы все обсудили. Нам кажется, что главное тут деньги. Вы можете их достать?

Уэс кивнул.

— Но так, чтобы при переговорах присутствовал бы кто-нибудь из нас?

Уэс заколебался. Это, несомненно, осложняло дело.

— Обдумайте это, — сказал Уайк. — Мы даем вам время до завтра. И будьте осмотрительны, Уэс. Не наделайте ошибок.

Уэс спокойно взглянул в холодные, суровые глаза капитана.

— Я не наделаю ошибок, — сказал он.

На следующий день он вышел в круглую дверь. Позади он оставлял склеп с пятью нишами в стене, с пятью каменными постелями, на

которых пять человек спали пятнадцать тысяч лет...

Вперед...

Свет.

Яркий, белый, слепящий свет.

Солнце и снег и захватывающее ощущение необъятности.

Он свободен. Правда, с ним идут Арвон и Нлезин и оба вооружены. Но это его мир, и Уэс знает этот мир так, как им его никогда не узнать. Свобода принадлежит ему, он может взять ее, когда захочет и если захочет.

Если захочет?

«Идиот несчастный! Конечно, ты хочешь свободы!»

Тем не менее он обернулся и помахал рукой Цриге, который старался храбриться, Хафиджу и Уайку, молчаливым и замкнутым.

Они помахали ему в ответ.

— Я знаю дорогу, — сказал Арвон. — Я пойду первым, потом Уэс, а последним Нлезин. Осторожнее, тропа местами очень скользкая.

— И это цивилизация! — пробормотал Нлезин. На лысину писателя легли розовые отблески солнечных лучей. Перебравшись через кучу камней, он добавил: — А Колрак был прав!

Ручей еще не замерз, и между заснеженными берегами журчала черная вода. Выше лежало ледниковое озеро, уже, наверное, затянутое льдом, а ниже, в самом конце невидимой тропы, их ждал Лейк-Сити, маленький колорадский городок.

Они шли быстрым шагом. Снег был сухим и неглубоким. Несколько раз им пришлось переи-

ти поток вброд, и мокрые ноги отчаянно мерзли. Долгое заключение в пещере сказалось на Уэсе, он начал задыхаться, но возбуждение подстегивало его, и он не замечал усталости.

Вот и лес! В снегу стволы деревьев торчат точно обугленные головни. Ели, сосны и осины — терпеливые деревья, переживающие зиму. Воздух был холодный, но пахнул чудесно, и пока они шли, им было тепло.

Под вечер они, наконец, спустились в долину у подножия горы — долину, утопавшую в зелени и золоте, когда Уэс видел ее в последний раз. Теперь она была безжизненна, на снегу чернильными пятнами темнели камни и голые кусты. Здесь ручей, расставшись с горами, стал глубже и вода его текла медленно, словно густое масло.

Уэс увидел место, где он оставил машину. Конечно, тут не осталось никаких ее следов. Автомобиль наверняка разыскали на второй или на третий день и вернули Джо. Он вспомнил, что Джо всегда носила в сумочке ключ от машины. Сколько раз Уэс, забыв ключ в замке зажигания, захлопывал дверцу и потом звонил Джо, чтобы она ехала его выручать!

«Позвонить Джо! Если бы только...»

Что же, до Лейк-Сити еще мили две. Едва ли они кого-нибудь встретят, но все же... Нескольким сот человек живет здесь постоянно, а теперь к тому же начался и охотничий сезон.

— Лучше подождем до темноты, — сказал Арвон и сел около большого камня, стараясь укрыться от ветра. Уэс и Нлезин устроились рядом.

— Я, несомненно, замерзну насмерть, — сказал Нлезин. Он вздохнул: — Из всего этого вышел бы превосходный роман, но кто ему поверит? Да и старина Уэс слишком буржуазен для приличного негодяя.

Уэс передернулся от холода и пошевелил в туфлях онемевшими пальцами. Не хватает еще отморозить их. А слова Нлезина, пожалуй, оскорбительны.

— Положение, мой дорогой, как раз обратное, — сказал он. — Не говоря уже об остальном, вы виновны в похищении, а оно карается смертью.

Нлезин поднял брови — он был заинтересован, но нисколько не встревожился.

— У вас еще существует смертная казнь? Вот уж не думал, что она сохранится на этой стадии.

— У нас она есть, — заверил его Уэс.

Арвон пожал плечами.

— Вы странный человек, Уэс, — говорить об этом сейчас... Может быть, все эти дни мы имеем дело с сумасшедшим?

Он улыбнулся, смягчая резкость этих слов.

Уэс старался ни о чем не думать, так было легче. В первую очередь надо было сообразить, как быть с одеждой. Необычные комбинезоны Арвона и Нлезина не могли остаться незамеченными, особенно в Лейк-Сити. А если астронавты привлекают к себе внимание, дело может обернуться так, что им придется защищаться с оружием в руках.

В этом случае Уэса не ждет ничего хорошего.

Нет, пока он в их власти, лучше не рисковать.

Но чтобы достать одежду, нужны деньги. Конечно, можно попытаться ее украсть, но что будет дальше? Воров начнут искать и тогда дело неизбежно получит огласку.

— Нелепая ситуация, — сказал Нлезин, от нечего делать лепя снежок. — Мы никому не желаем зла. Но в то же время ни к кому не можем обратиться за помощью. Здешняя культура попросту не доросла до нашей истории. Для жителей этой планеты люди из космоса не существуют. И даже если кто-нибудь нам и поверит, то что он сможет сделать? Нас впугали бы в клубок местной политики, и до конца своей жизни мы пытались бы убедить экспертов, что не умеем изготавливать лучи смерти и строить космические корабли. Такие вещи уже случались, Уэс.

— Вы могли бы просто рассказать вашу историю и показать на звездной карте Лортас, — заметил Уэс. — В этом случае у вас будет надежда, что когда-нибудь туда отправится корабль.

Арвон засмеялся.

— Вы намекаете на то, что мы не такие уж бескорыстные альтруисты, какими хотим казаться? Что нас тревожит не только судьба человечества, но и судьба Арвона и Нлезина?

— А как же! — вмешался Нлезин. — Я хочу попасть домой сам. Меня не устраивает, если мне только поставят статую, — слишком много увозил я их с мертвых планет!

— Но если вы не сможете вернуться...

— Во всяком случае, мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Арвон.

Солнце сползло к горизонту, тени на снегу удлинились. Ветер, к счастью, замер, но все равно было холодно — заметно ниже нуля.

Когда зажглись первые звезды, Арвон решил, что пора идти дальше. Они совсем окоченели и некоторое время притопывали ногами и хлопали руками, чтобы согреться, а потом зашагали к Лейк-Сити.

Дойдя до шоссе, они пошли по обочине и, заведя встречные фары, каждый раз прятались за камни. Справа в звездном свете поблескивал Ганнисон.

Сначала Лейк-Сити возник как кучка желтых теплых огней, островок тепла среди ночи.

Затем показались темные здания, деревянные домики, высокие стены летней прокатной конюшни. Голоса, топот ног, спешащих по тротуару. Из ресторанчика на колесах доносилась приглушенная музыка — кто-то бросил монету в автомат.

Из труб к ночному небу поднимались спирали душистого дыма.

Ладони Уэса вспотели. «Черт, как хорошо вернуться сюда! — обрадовался он и тут же подумал: — Но до чего же мне страшно!»

Арвон и Нлезин не отставали от него ни на шаг.

Они проползли в темноте между колесами фургона.

— Легче! — прошептал Арвон.

— Вот именно, — нервно прошептал Уэс, — легче!

Глава 18

Кое-как Уэсу удалось справиться со всеми затруднениями.

Прежде всего он отправился к Джиму Уолсу, веселому управляющему мотеля «Сосны». Уэс на всю жизнь запомнил невероятное изумление, отразившееся на лице Джима, когда он увидел доктора Чейза: бородатого, тощего, грязного бродягу. Джим долго смотрел на него, моргая, словно к нему явился Рип Ван Винкл, а затем настоял, чтобы он съел что-нибудь, а главное, выпил — последнее к особенному удовольствию Уэса.

Уэс уже много лет проводил отпуск в мотеле и хорошо знал Джима, так что теперь ему нетрудно было уклониться от его расспросов. Джим оплатил ему чек в пятьсот долларов и остался при убеждении, что Уэс сбежал с какой-нибудь красоткой, которая в результате оказалась «в мотельном положении», выражаясь на местном жаргоне. Джим пообещал не звонить Джо, и Уэс поймал его на слове.

Все это время он чувствовал на себе взгляд Нлезина, наблюдавшего за ним через окно.

На следующий день Уэс купил дешевые костюмы для Арвона и Нлезина и разыскал форд

выпуска тридцать восьмого года, владелец которого охотно расстался со своей машиной за триста долларов наличными.

И вот шестнадцатого ноября, когда с белесого неба светило холодное солнце, старенький фورد начал старательно взбираться по извилистой дороге к Сламгельенскому перевалу. Арвон и Нлезин сидели рядом с Уэлсом. Лица у них были озабоченные и напряженные.

«Если мне все это кажется сном, — думал Уэс, — то каким диким это должно казаться им! Чужой мир, чужое время, чужой город в конце пути. А Лортас, невидимый отсюда, возвращается в пространстве, неуклонно приближаясь к смерти и ожидая посланцев другого мира, которые никогда не явятся».

Но его ждут... Джо и дом.

Он попытался выжать из машины больше скорости, но безуспешно, и ему долго пришлось ехать на второй передаче. Лейк-Сити остался позади, и по обеим сторонам шоссе, в глубоких каньонах, темнели сосны на сверкающем, как сахар, снегу.

Поездка была удивительно неинтересной.

Уэс вел машину с привычной уверенностью и вскоре даже начал беспокоиться из-за слишком большого расхода масла. Он понимал, что втянут в великие события. Возможно, когда-нибудь историки скажут, что в стареньком форде с ними ехала судьба человечества, — и это будет правдой! А если все происходящее сейчас послужит темой для фильма, размышлял Уэс, то, несомненно, он, Арвон и Нлезин будут произносить на экране красноречивые тирады

о Человеке, Цивилизации и Звездах и будут со страхом коситься на каждую полицейскую машину, а все прохожие станут провожать их подозрительными взглядами.

В действительности же их главной заботой было — где бы прилично поест. В Галлапе они свернули на шоссе № 66, а Нью-Мексико и Аризона, хотя и обладают множеством прелестей, отнюдь не славятся хорошей кухней. Путешественники мужественно ели неизменные рубленые бифштексы, литрами пили кофе, мало чем отличавшееся от аккумуляторной жидкости, и равнодушно смотрели на разбросанные по пустыне «фактории», где можно было купить «самый настоящий» индейский там-там всего за доллар.

Нлезин не замедлил высказать предположение, что это наиболее отсталая область на всей планете, а Уэс — просто дикарь, который понятия не имеет о том, что делается за пределами его деревни, в том числе и о космических кораблях.

В рубашках цвета хаки, джинсах и легких куртках Нлезин и Арвон казались еще более своими, чем раньше. И, как и Уэс, они весь день жили только мечтой о горячем душе перед сном.

Невозможно было все время думать о безликих силах, действующих вокруг них во вселенной, силах, которые неминуемо затронут не только Лортас, но и Землю, если она прежде не взорвет себя. Их заслоняла конкретная действительность пыльного шоколада, сигарет с

фильтром и безалкогольных напитков на бензозаправочных станциях.

Уэс тревожился о деньгах. Он не был богат, и пятьсот долларов составляли для него значительную сумму. Каким образом его спутники смогут отдать ему долг?

Он засмеялся вслух.

Пятьсот долларов! Пожертвовал бы он столько ради спасения своего мира? Добровольно?

Что ж, это большие деньги.

Легче переложить ответственность на кого-нибудь другого. Что ему до будущего?

«А не потому ли,— подумал он,— не потому ли человек вымер на стольких планетах?»

Они проехали Нидлс.

— Значит, это Калифорния, — пренебрежительно сказал Нлезин. — Она ничем не отличается от Аризоны.

— Потом будет по-другому, — обещал Уэс.

Они продолжали путь.

Лос-Анжелес, как осьминог, раскинул щупальца пестрых закусовых и густых потоков дымящих машин на десятки миль к северу, югу и востоку. На западе лежит океан, но невольно начинает казаться, что скоро и он покроется кварталами плавучих домов и универмагами в форме пирамиды.

От пустыни к городу нет резкого перехода. Просто маленькие города лепятся все ближе и ближе друг к другу («Добро пожаловать в апельсиновый сад Запада» и «Изыщная жизнь, которая вам по карману»), и вдруг все они уже превратились в один громадный город — это и есть Лос-Анжелес.

В одном месте шоссе подымается в гору, и сверху открывается вид на чашу, вмещающую Лос-Анжелес. То есть самого города, разумеется, не разглядеть: видна только серая завеса тумана, мглы, дыма и этих особых испарений больших городов, называемых «смог».

— Неужели здесь живут без кислородных масок? — с неподдельным удивлением спросил Нлезин.

— К сожалению. Впрочем, внизу это не так заметно. Для полного зрительного впечатления необходимо поглядеть на город с высоты.

— Невероятно, — сказал Арвон и, достав из кармана платок, незаметно (по крайней мере так ему казалось) прижал его ко рту.

Уэс вел машину почти механически. Движение было очень интенсивным, но далеко не таким, как в воскресенье. Уэс заметил, что его спутники, поминутно ожидавшие смерти, взирают на него с восхищением, и принял самую небрежную позу. Проехав мимо вокзала Юнион, Уэс нырнул в поток машин, катившийся по Голливудскому шоссе. Ехать пришлось в крайнем правом ряду, так как дряхлый ффорд не мог бы выдержать состязания на скорость и выносливость в средних рядах. Они выскочили из центральной части Лос-Анжелеса — серых каменных джунглей, оставшихся догнивать после того, как город рванулся в Долину, в Санта-Монику и к мириадам других таких же райских мест, — и в сумасшедшей толчее машин покатали к Голливуду.

Через удивительно короткое время Уэс свернул на бульвар Сансет и поехал по этой широ-

кой изогнутой улице в сторону Уэстворда. Тут город был совсем иным. Запахло деньгами.

День был типичный для Лос-Анжелеса: прохладный, но не холодный, влажноватый, но не совсем сырой. Солнце едва просвечивало сквозь дымку, и повсюду большие дворы утопали в яркой зелени, среди которой алели гроздьи цветов. Особняки, расположенные на разных расстояниях от улицы, в зависимости от состоятельности владельцев, напоминали либо белые испанские замки, либо длинные низкие ранчо.

В киосках сидели старушки и продавали карты города, с помощью которых каждый, кто обладал юной душой и младенчески незрелым умом, мог отыскать путь к домам, где действительно обитают настоящие живые кинозвезды — или, во всяком случае, обитали на прошлой неделе, когда печатались эти карты.

Тут машин было больше, чем на всем шоссе между Колорадо и Аризонай. И они были всех видов и типов: степенные старомодные черные седаны, в которых ехали пожилые пары; дребезжащие развалины, которыми вызывающе правили самые молодые или самые бедные; новенькие сверкающие автомобили с новенькими сверкающими баловнями успеха за рулем; похожие на жуков иностранные спортивные машины, которые лавировали вдоль и поперек в стремительном потоке, мчавшемся по улице, так как их водители высокомерно игнорировали обыкновенные автомобили.

Вон там...

Руки Уэса крепче сжали руль.

Он остановился перед светофором на углу Беверли-Глен.

Если повернуть направо, к Долине, он через пять минут очутится дома.

Джо.

— Поезжайте прямо, Уэс, — спокойно сказал Арвон.

Свет переменялся, и Уэс мрачно поехал вперед по бульвару.

— Куда вас отвезти? — спросил он глухим голосом.

— В гостиницу, — ответил Нлезин. — Легче, Уэс. Как только мы выясним все, что нас интересует, вы сможете отправиться домой и забыть про нас. Обещаю вам.

Арвон быстро взглянул на Нлезина, потом слегка улыбнулся.

— Уайку об этом известно? — спросил Уэс.

Нлезин пожал плечами.

— Вы сбежали.

На сердце Уэса потеплело. Вновь им овладело сложное противоречивое чувство. Он пленник этих людей и все же он на их стороне.

Вся беда в том, понял вдруг Уэс, что он находится между двух миров. Он не причастен к тому, что привело на Землю людей Лортаса. Но, как ни странно, он не совсем принадлежит и к окружающему его миру, хотя провел большую часть своей жизни здесь.

Каким-то образом он тоже стал чужим — это была неприятная мысль.

Они проехали черно-белый знак, указывающий в сторону Калифорнийского университета. Стоит повернуть налево — и Уэс окажется

в Уэствуд-Вилледж, где находится его приемная. О, господи! У него же, наверное, не осталось ни одного пациента! И найдет ли он там мисс Хилл?

Уэс продолжал ехать по бульвару Сансет и остановился перед светофором у Сепулведы.

Он посмотрел вокруг: на машины, дома, деревья, уличную сутолоку. В оранжевом киоске без продавца — газета «Мирор-Ньюс», а не «Таймс». Уэс прочел огромный черный заголовок: «Россия говорит: может быть». Может быть — что? В левом углу страницы Уэс разглядел фотографию блондинки. Выходит замуж? Разводится? Убита?

Свет переменялся.

Уэс поехал дальше по холму.

И вдруг город вокруг него внезапно изменился. Зеленые газоны и деревья превратились в песок, здания рухнули и только стальные остовы царапали небо. Повсюду лежал песок, тротуары заросли бурьяном, мостовая растрескалась и бетонные плиты торчали, как костяшки домино.

Безмолвие, пустота.

Ветер и песок.

Смерть.

Уэс прекрасно знал, что он видит: это был мир четвертой планеты Альфы Центавра, увиденный глазами Арвона. А ведь были сотни таких миров — и Уэс даже не слышал о них. Миров, в которых когда-то жили, любили и ссорились люди, подобно жителям этого бездумно шумного города.

Уэс вздрогнул и вернулся от действительно-

сти к настоящему. Именно от действительности, а не к ней.

Он посмотрел на Арвона и Нлезина и понял, что они сейчас тоже видят Лос-Анжелес, каким он станет когда-нибудь. Они тоже сознавали, что настоящее — это только одна из первых сцен первого акта трагедии человечества.

Почему, ну почему они проснулись слишком рано?

Личные проблемы Уэса отступили на задний план — капля воды в море. Уэс, сам не зная почему, был твердо уверен, что его мир, его Земля, не погибнет, что она покорит космос. И тогда во вселенной вокруг себя Земля найдет только смерть и будет считать себя единственной и несравненной, и со временем придет в упадок и погибнет — одинокий остров, так и не нашедший своего близнеца — Лортаса, который дал бы ему бесконечную жизнь...

— Поверните сюда, — негромко сказал Арвон.

Уэс вздрогнул, машинально протянул руку, чтобы включить левый задний указатель поворота, и только тогда сообразил, что едет не в своей машине. Высунув левую руку, он просигналил поворот и свернул с бульвара в проезд, ведущий к роскошному мотелю, расположенному в полумиле от Тихого океана.

Форд остановился.

Они прожили в мотеле больше двух недель, и Уэс ни минуты не оставался один.

Арвон и Нлезин уходили по очереди. Иногда они брали с собой Уэса, но не часто, так как

опасались, что он встретит какого-нибудь знакомого.

Нлезин где-то раздобыл денег. Он не объяснил, как он их достал, а Уэс не спрашивал. Нлезин казался весьма элегантным в угольно-черном костюме, но Арвону очень не шла спортивная куртка и брюки.

Номера в мотеле похожи один на другой. В них можно отлично провести одну ночь, и было время, когда им с Джо это нравилось. Но две недели — срок долгий. Уэс изучил три банальные картины на стенах; на них были изображены роза, мальчик, разглядывающий свою забинтованную руку, и бледный закат. Он навеки запомнил узор на постельных покрывалах. После этого он принялся скармливать телевизору монетки в двадцать пять центов, но и телевизор его не развлекал. Вполне возможно, что жители Четвертой Центавра тоже смотрели такие передачи перед тем, как их мир разлетелся вдребезги.

Ничего таинственного в поведении Арвона и Нлезина не было. Они ходили по библиотекам и знакомились с разными аспектами современной жизни. Покупали журналы, особенно посвященные текущим событиям. Правдами и неправдами знакомились с инженерами и исподволь их выспрашивали. Вели записи.

Нлезин обнаружил, что в соседней аптеке можно брать книги на дом под залог. Он набрал романов и наскоро проглядывал их. Его не слишком успокоили бесконечные истории про садистов, суперменов и ловких дельцов.

— Ваш мир и в самом деле такой? — как-то спросил он Уэса.

— Отчасти. Однако надеюсь, что далеко не весь,— ответил тот.

Все это выглядело обыденным и неинтересным: они ели три раза в день, нормально спали и упорно работали. Гора записей росла.

Но постепенно неизбежный вывод стал очевиден.

Под глазами Арвона легли темные круги.

Нлезин делался все более саркастичным.

Наконец второго декабря Арвон швырнул очередную книгу о стену.

— С меня хватит,— сказал он.

— Н-да, Нлезину это не нравится.

Уэс, сидевший на постели, рассматривал свои пальцы.

— Я говорил вам.

Арвон заходил по комнате.

— На чудеса надеяться нечего. Этот мир еще не создал пилотируемых людьми космических кораблей и создаст их разве что через сто лет. А до межзвездного двигателя здесь додумаются не раньше чем через два столетия. Мы проиграли.

Нлезин повернулся к Уэсу:

— Мне сдается, Уэс, что вы нам сочувствуете. По-моему, вы не потребуете нашего ареста за похищение — или как это у вас называется. Я обещал, что мы отпустим вас, если потерпим неудачу в наших розысках. Мы потерпели полный крах. И теперь мы рискуем только собственной жизнью.— Он криво усмехнулся.— Так отправляйтесь к своей семье.

Уэс вздрогнул, но сразу овладел собой.

— А как же вы?

Нлезин пожал плечами.

— Мы проиграли. Выхода нет и на Лортас нам не вернуться. Едва ли нам кто-нибудь поверит, хотя Уайк, несомненно, попытается рассказать здешним жителям про наш мир и про то, что привело нас сюда. Это вызовет только смех — какой благодарный материал для клоунов! Но если нам все-таки удастся привлечь к себе внимание, может быть, кто-нибудь припомнит наш рассказ, когда выяснится, что ожидает вас во вселенной. — Нлезин помолчал. — А что касается меня, я, наверное, подыщу себе красивую подружку и попробую сочинить роман о будущем. Получится, конечно, редкая дрянь — человек должен иметь корни, а у меня их здесь нет. Ну, да что беспокоиться об этом заранее!

И вдруг Уэс почувствовал, что их дальнейшая судьба его не интересует. Он думал теперь только о Джо — о Джо, о доме, о знакомой, привычной жизни. Как он стосковался по ним! А о космосе, неотвратимой гибели Земли и о всем прочем надо забыть — поскорее и навсегда.

Уэс даже не простился с Арвоном и Нлезинном как следует.

Он просто выбежал из мотеля, сел в машину и поехал назад по бульвару Сансет.

Так просто!

Он ни о чем не думал, он только ехал.

А город вокруг пел: «Джо, Джо, Джо...»

Глава 19

Беверли-Глен — странная, полная противоречий улица и в то же время характерная для Лос-Анжелеса. От Пико до Уилшира тянется довольно безликий строй почти одинаковых жилых домов. От Уилшира до бульвара Сансет она уподобляется Бельэр-роуд и щеголяет обширными лужайками, огромными клумбами, над которыми трудились японские садовники, и роскошными скучными особняками. После пересечения с бульваром облик Беверли-Глен опять резко меняется.

Уэс ехал по бульвару Сансет со стороны океана и поэтому сделал левый поворот, влившись в непрерывный поток машин, устремлявшихся вверх по Беверли-Глен к Долине.

С той минуты, как Уэс повернул на Беверли-Глен, он был уже дома. Он улыбнулся при виде улицы, которую избрал местом своего обитания. Джо не любила ее, и он вполне понимал почему: это была нелепая улица.

Но зато Уэсу она нравилась.

Денег в эту часть Беверли-Глен было вложено немного, но воображения — более чем достаточно. А главное, здесь наблюдалось разнообразие — элемент, которого вообще не хватает Лос-Анжелесу, где, по мнению Уэса, каждый

так старался отличаться от других, что результаты этих стараний оказывались удивительно схожими.

Здесь над узкой улицей нависали причудливые балкончики, гараж строился, как студия, скромный деревянный дом завершался средневековой каменной башней. Современные дома из стекла и красных деревянных панелей, обитатели которых жили словно в витрине, иногда задергивая занавески, а иногда и нет, чередовались с лачугами, сдаваемыми юнцам из колледжей за семьдесят пять долларов в месяц.

Уэсу нравилось настроение этой улицы. Она была тенистая и сравнительно тихая, и рядом сохранилось удивительно много незастроенных склонов, по-прежнему прекрасных, так как до них еще не успели добраться деятели городского благоустройства. На задний двор Уэса порой забредали олени, забежали кролики, в брызгах вертящегося фонтана порхали зеленоватые колибри, а в листве всегда копошились приветливые калифорнийские ящерицы.

Уэс мог бы ехать по Беверли-Глен с закрытыми глазами, даже в этом форде. У него возникло странное ощущение, будто он вовсе не отсутствовал несколько месяцев, а просто, как обычно, возвращается домой после приема больных.

На Беверли-Глен не было космических кораблей.

Уэс переехал надпись, намалеванную посреди мостовой громадными красными буквами: «Билл, не забудь про велосипед Джимми».

Уэс улыбнулся, попытался припомнить, не знает ли Билла, и представил себе, как тот, щелкнув пальцами, поворачивает и мчится куда-то за велосипедом Джимми.

Это была хорошая улица.

Уэс свернул в переулок, который взбирался прямо по склону холма, минуто-две ехал на второй передаче и наконец свернул в проезд, почти скрытый яркой зеленью живой изгороди.

Наконец он дома.

Уэс ощутил на глазах слезы и обругал себя сентиментальным дураком. Он остановил машину и вылез, по-хозяйски вдыхая влажный от обилия густой листвы воздух. Вон стоит в гараже его машина. Вот дом из дикого камня и красных панелей — ничего оригинального, но это его дом, во всяком случае будет его, как только он выплатит последние взносы.

Уэс прислушался и услышал только лай собаки под горой.

Джо одна.

Он побежал по газону к входной двери, всунул ключ в замок и распахнул дверь.

Он заглянул в кухню, в гостиную, во внутренний дворик, выложенный кирпичом. Затем, взволнованный, как ребенок, пробежал по коридору и открыл дверь спальни.

— Джо,— окликнул он.

И остановился.

С кровати поднялся Норман Скотт — его лицо было белее простынь.

— Уэс,— прошептала Джо.— Боже мой, Уэс!

Она натянула на себя простыню, спрятала лицо в подушку и зарыдала.

— Слушай, старина,— очень быстро заговорил Норман.— Слушай, старина...— и умолк, не зная, что сказать.

Уэс стоял неподвижно. Ему нечем было дышать, голова кружилась. Он как будто ослеп. И ничего не чувствовал, ровно ничего.

— Я... мы думали, что ты погиб,— прошептал Норман.— Хотѣ бы одно слово, а то ничего. Что нам было думать? Мы не знали, не могли знать...

— Замолчи,— сказал Уэс. Он сказал это мягко, беззлобно. Просто ему не хотелось слышать голос Нормана.

Джо не отрывала лица от подушки.

— Я, пожалуй, пойду,— глупо сказал Норман.

— Да, конечно.

Уэс не заметил, как тот ушел, но понял, что они с Джо остались вдвоем.

Он коснулся ее голого плеча почти ласково. Плечо было холодное, как мрамор.

— Замолчи,— сказал он.

Джо, всхлипнув, затихла. Она лежала, вздрагивая всем телом, и по-прежнему не смотрела на него.

— Ты его любишь? — спросил Уэс. Он задал этот вопрос просто так — ему было все равно.

— Да. Нет. Не знаю,— голос Джо заглушала подушка, и Уэс едва разобрал ее слова.

Уэс, не глядя, достал сигарету и закурил. Его руки не дрожали. Он поглядел по сторонам. Кровать — он вспомнил, как они искали матрас, который бы не прогибался под его тяжестью, но чтобы и ей не было очень жестко. Голубоватые обои. Стенной шкаф с его костюма-

ми, ее платьями. На ручке двери в ванную висит комбинация.

Словно издалека Уэс услышал голос Джо:

— Куда ты исчез? Я чуть с ума не сошла. Что мне было делать? Он был так заботлив, так добр ко мне. Уэс, почему ты меня бросил? — Ее голос стал злым. — Я ведь тебе говорила, чтобы ты не оставлял меня одну в этой мерзкой хижине! Не сидеть же мне было там всю зиму? — Она опять зарыдала. — Уэс... господи...

Уэс перестал слушать.

Он смотрел на нее. Она немножко похудела. Ее светлые волосы золотом рассыпались по подушке.

— Стисни зубы и так далее, — пробормотал он.

— Что?

— Ничего. Взрослые люди. Будем цивилизованными и разумными.

Теперь она наконец посмотрела на него.

— Нет, я не сошел с ума.

Он безрадостно улыбнулся: что бы она подумала, если бы он ей рассказал, где все это время был и что с ним происходило?

Уэс пожал плечами. Теперь это не имело значения.

Он здесь чужой. Это не его дом и эта женщина — не та, на которой он когда-то женился. Как и все остальное, эта часть его жизни тоже была у него отнята.

Он остался наедине с незнакомой женщиной.

Джо встала с постели, закуталась, дрожа, в халат, откинула назад волосы.

— Уэс, дай мне сигарету.

Он даже не услышал.

— Я должен бы избить тебя до полусмерти, но зачем?

— Пожалуйста, дай мне сигарету.

— Ты будешь обеспечена. Тебе не о чем беспокоиться.

— Уэс, я тебя не понимаю.

— Неважно.

— Уэс, я сейчас позвоню Хорэсу. Тебе нужен врач. Ты выглядишь ужасно. Слушай, давай все обсудим. Сейчас не средние века. Мы здравомыслящие люди.

Уэс повернулся и пошел к двери.

— Уэс!

Он вышел из чужого дома на чужой воздух.

Он ничего не чувствовал, ничего не видел.

Он влез в старый фورد, дал задний ход и, очутившись на улице, поехал куда глаза глядят.

Когда Уэс очнулся, то обнаружил, что едет по бульвару Олимпик и плачет навзрыд. Крохотный окуроч, оставшийся от сигареты, обжег ему губу. Уэс выплюнул окуроч за окно.

Уэс посмотрел на поперечную улицу, Вермонт-авеню. Почти центр города. Каким образом он сюда попал? А впрочем, неважно. Он сделал три правых поворота, потом левый и поехал в обратном направлении к Санта-Монике.

Он остановился у винного магазина и купил три бутылки шотландского виски «Белая лосадь».

— Вечеринку устраиваете? — спросил продавец.

— Угу. Вступаю в свет.

Обратно в машину. Снова к Беверли-Глен и мимо, по бульвару Сансет в густом потоке машин, к мотелю.

Уэс вылез, постучал в дверь номера.

Никакого ответа.

Он постучал еще раз.

— Это Уэс! — сказал он. — Откройте, черт возьми!

Дверь медленно отворилась, в щель выглянул Нлезин с пистолетом в руке.

— Парализуйте меня, — попросил Уэс. — Пожалуйста.

Нлезин оглядел его с ног до головы, посмотрел направо и налево — нет ли полиции — и выпустил его внутрь.

— Я боялся, что вы уже уехали, — сказал Уэс.

— Вы же забрали нашу машину, приятель, — Нлезин вдруг заметил выражение лица Уэса. — Что случилось, Уэс?

— Просто мир кончился раньше времени, не по расписанию. Может быть, и вам хочется напиться? Очень не люблю пить в одиночку.

Уэс не мог больше говорить и упал на постель — он не мог даже заплакать.

Арвон тщательно запер дверь, потом погладил Уэса по плечу и заговорил на своем языке. Но то, что он говорил, было одинаково понятно на всех языках.

— Начнем, — сказал Нлезин, когда наступившее молчание стало невыносимым. — Откупорьте бутылку, Арвон.

Очки Уэса свалились, но сейчас они были ему не нужны.

Виски скользнуло в глотку, как теплое масло, но Уэса сковал холод — холод пустоты между мирами.

Они с решимостью принялись за первую бутылку, но справились с ней только к вечеру.

Дальнейшее было уже ясно: они откупорили вторую бутылку.

Уэс рассказал Арвону и Нлезину, что произошло. Он пытался сделать вид, что все это его ничуть не трогает, но ему не удалось их обмануть — да и себя тоже.

Рассказывая, он думал: «А что случилось с Арвоном и Нлезиним на Лортасе? Ведь именно это заставляет человека бежать от самого себя, куда угодно, даже к звездам. Дело не в высоких устремлениях и не в отвлеченных проблемах. Страх и одиночество — вот чего не удастся забыть, как бы далеко ни убегать, как бы долго ни путешествовать...»

— Выпьем за спасителей вселенной, за героев космоса, — предложил Нлезин.

Они выпили.

Они выпили также за девушек Лортаса (лучше не найти ни на одной планете!), за счастливчика Уайка и за симпатичных американских ребят.

Они весьма успешно продолжали в том же духе, и Уэсу стало немного легче. Но затем произошло неизбежное: Арвон и Нлезин пре-

дались воспоминаниям. Вскоре они громко хотали, хлопали друг друга по спине, вновь переживая события прошлых дней, где Уэсу не было места.

Уэс опять остался один.

А кроме того, он начинал трезветь. От виски его просто затошнило. Уэс сидел на постели, слушал и глядел в стенку.

Он созерцал свою жизнь.

Она ему не нравилась.

Уэс был достаточно умен и понимал, что украсил образ Джо, пока томился в пещере. Джо уже давно стала другой. Но человеку хочется во что-то верить, иметь семью, дом...

Конечно, он тоже виноват. Он сходил с ума по Джо, он без нее не мог и он знал, что она хочет от жизни другого, чем он, но тогда ему было все равно.

«Да, ты великий человек, Уэс. Троекратное тебе ура».

Он вспомнил Цинциннати и себя — мальчиком. Зима, снег, он скатывается с крутого склона, увертываясь от деревьев, и налетает на груду черных бревен. Он бежит домой, с трудом стаскивает мокрые башмаки и чувствует, как окоченевшие ноги начинает покалывать от тепла. Летние вечера, душные, жаркие, он подставляет потное лицо под вентилятор и слушает паровозные гудки, доносящиеся из Норвуда, — словно за миллионы миль, за миллионы лет...

Весна, и каждый день после школы бейсбол, на пустыре в конце улицы, пока не наступят сумерки и мяча уже не видно. Лес и тайные

тропинки, он раскачивается на лозе над ручьем, ловит под камнями раков. Сентябрь, футбол, он чувствует, что играет хорошо, что девочки им любят, — чудесные, страшные, таинственные девочки. Он мечтает, что когда-нибудь он женится на одной из них и тогда каждый вечер будет веселой оргией, а жизнь навсегда станет непрерывным праздником.

Дальше картины были уже не такими радужными. Годы, проведенные в колледже, сливались в одну серую полосу кофе, яичницы на сале и монотонного бормотания преподавателей. Он вспомнил, как один старый болван, прочтя вслух стихотворение Сэндберга, пробубнил: «И это стихи? В таком случае я — Геркулес!» Том тогда собирался нарядиться в леопардовую шкуру, прийти в класс, вспрыгнуть на стол и рывкнуть: «Это стихи, а я Геркулес!» Но так и не собрался.

На медицинском факультете уже стало интересно, Уэс увлекся исследовательской работой. В лаборатории он забывал обо всем на свете и просиживал там ночами. Но Джо нужны были деньги, а это означало распухшие носы — миллионы, миллиарды распухших носов и нескончаемо долгие часы приема.

Может быть, он особенный? Не такой, как другие? Или это происходит со всеми американцами? Он старался припомнить, кто из его знакомых был счастлив, по-настоящему счастлив. Но стоило узнать человека поближе, и оказывалось, что он ненавидел свою работу или в лучшем случае равнодушен к ней и хотел бы уехать — куда?

А затем Колорадо, фантастические недели, проведенные в пещере, где пять человек проспали пятнадцать тысяч лет. И рассказ, удивительный рассказ о корабле, который летел от звезды к звезде и искал, искал...

Это было самым интересным событием в его жизни. Но даже оно завершилось ничем, обернулось горькой личной неудачей, и вот теперь в мотеле сидят трое бесприютных бродяг и пьянствуют.

Нлезин допил вторую бутылку и причмокнул губами. В ней еще оставалось несколько капель, но их не хватило бы и на одну рюмку. Нлезин, однако, крепко завинтил колпачок.

— На потом,— пробормотал он и откупорил третью бутылку.

Неожиданно Уэс вскочил с постели.

Он посмотрел на своих собутыльников совершенно трезвыми глазами. И полными надежды.

А что если...

— Стойте,— прошептал он.— Стойте.

Глава 20

Они пили черный кофе, спорили и снова пили черный кофе.

Потом легли спать и долго беспокойно ворочались.

А утром, когда закончилось единоборство с яичницей, беконом и опять-таки черным кофе, осталось только одно: вернуться в Колорадо и как можно быстрее.

Днем они отправились в аэропорт и как раз успели на двухмоторный рейсовый самолет на Денвер. Полет был тяжелым, и их укачало. В Денвере они взяли напрокат автомобиль и отправились в Лейк-Сити, сделав порядочный крюк, так как Сламгельенский перевал к этому времени превратился в настоящий ледник.

Подниматься по берегу черного ледяного ручья было очень трудно, но они не замечали ни снега, ни мороза, ни ветра. Окоченевшие, покрасневшие от холода и возбуждения, они забрались в пещеру и постучали в круглую дверь.

Глубокая тишина.

— Это мы, черт возьми! — рявкнул Нлезин на лортасском языке. — Весна пришла, вылезайте собирать подснежники. Да выходите вы, старичье окостенелое!

Дверь медленно открылась — за ней с пистолетами наготове стояли Уайк, Хафидж и Црига.

— Какая милая встреча, — заметил Нлезин, шагнув в пещеру. — Ваша радость при виде нас поистине трогательна.

Уайк схватил его за плечо.

— Довольно глупостей! Что вы узнали? Быстро!

— Корабль мы построить не можем, — ответил Арвон. — Это исключено.

Лицо Уайка как-то сразу осунулось.

Црига опустил на пол.

Хафидж сохранил полную невозмутимость.

— Однако не торопитесь накладывать на себя руки, — спокойно сказал Нлезин. — У нас есть еще один шанс. И благодарить за это мы должны Уэса. Он нашел выход, которого мы по-глупому не заметили. — Нлезин широко улыбнулся. — Он, чужой, которому никто не доверял. Он самый.

Уайк повернулся к Уэсу.

— Да что же...

— Постойте, — Арвон бросился к нишам, встал на колени и начал шарить в мусоре, камешках и веточках, накопившихся теперь на полу.

— Не могу найти, — прошептал он.

— Помещение убиралось отлично, — пробормотал Нлезин, присоединяясь к нему.

— Он должен быть...

— Спокойнее! Вот он.

Нлезин поднял то, что они искали. И всё было так, как они надеялись.

Астронавты с Уэсом сидели в пещере, разговаривали, строили планы и объедались олениной. Впрочем, удовольствие она доставляла только вновь прибывшим, а остальным это блюдо за последние месяцы успело смертельно надоест.

Потом все легли спать и заснули как убитые.

На следующее утро Уэс, Арвон и Нлезин уже снова спускались по горной тропе, и в нагрудном кармане Нлезина, тщательно застегнутом булавкой, лежала, завернутая в платок, драгоценная находка.

Два дня спустя они были в Лос-Анжелесе.

И Уэс принялся за дело.

Наладить все оказалось не так просто, но Уэс Чейз упорно работал и был почти счастлив. Ведь ему, наконец, пришла в голову идея, которой он мог гордиться, и теперь он занимался тем, что его действительно интересовало. Конечно, он работал не один, но мысль принадлежала именно ему.

Он даже забыл на время о Джо, забыл обо всем, кроме вставшей перед ним задачи. Задача была в его вкусе и он мог найти ее решение.

На это потребовалось почти два года.

В те дни, когда Уэс занимался эндокринологией, у него было немало друзей, и теперь он разыскал тех из них, кто работал в больших лабораториях. Они помогли ему, и дальнейшее свелось к обычным исследованиям, не представлявшим никаких особых трудностей для группы ученых, которым они были поручены.

Разумеется, Уэс должен был оплачивать эту работу, но ему не было жаль денег. Он даже

испытывал удовольствие, обращая в наличные свои акции и ценные бумаги.

Стадии работы были обычными: сперва исчерпывающий качественный анализ, потом тончайший количественный анализ и, наконец, длительный процесс очищения препарата, повторных его проверок и экспериментов на белых мышах и макаках-резус.

Все это было достаточно сложно, но не требовало чудес.

Идея заключалась в следующем. Современная техника не позволяет построить космический корабль, основываясь лишь на примерном изложении его принципов. Даже если бы уцелели обломки этого корабля, все равно многие проблемы оказались бы почти неразрешимыми, но за пятнадцать тысяч лет корабль стал прахом и от самого этого праха не осталось никакого следа. Однако средство, усыпившее астронавтов с Лортаса, было относительно простым соединением. По словам Арвона, это была вытяжка из лимфоидной ткани млекопитающих, выпадающих в зимнюю спячку, как, например, сурки, в сочетании с абсорбентом витамина D, инсулином и рядом обычных наркотических веществ. Если бы дать лаборатории любое, самое малое количество этого средства, его можно было бы воссоздать. А Уайк, делая инъекции, использовал не все до конца. Он закрыл и бросил на пол самозамораживающийся контейнер, в котором оставалось еще несколько капель. И они сохранялись в нем при температуре, близкой к абсолютному нулю, пока одно столетие сменялось другим...

Удивительным было только то, что никто не подумал об этой возможности, пока Уэс не заметил, что Нлезин закупорил бутылку, в которой оставалось несколько капель виски. А дальше пригодилось прежнее увлечение Уэса эндокринологией, и результат был почти предreshен. Уэсу было известно, что функция гипофиза у животных, впадающих в спячку, претерпевает сезонные колебания. И, обратившись в лабораторию, он сослался на то, что работает над этой проблемой.

Через два года лортасское снотворное было получено.

— Поосторожней с этой штукой, Уэс, — предупредил Гарвин Берри, руководитель группы. — Лабораторных животных она прямо валила с ног.

— Мы будем осторожны, Гарви, — пообещал Уэс.

Вот и все.

Они снимали втроем довольно неприглядную квартиру в Санта-Монике, но Уэс не поехал прямо к Арвону и Нлезину. У него были еще кое-какие дела.

Бутыл из толстого стекла с бесценной жидкостью лежала рядом с ним на переднем сиденье. Она выглядела совсем обычной: чуть-чуть воображения — и она превратилась в бутылку молока, Уэс просто купил ее в магазине в Уэствуде и везет теперь домой Джо...

Но эта бутылка молока обошлась ему не в одну тысячу долларов.

И Джо больше нет.

И нет дома.

Он уже к этому, кажется, привык. Боль прошла и осталась только пустота внутри — там, где прежде билась жизнь. Он не винил ни Джо, ни Норма. Он испортил свою жизнь и без них. Если бы у него хватило воли жить так, как хотелось ему, а не так, как требовала Джо!

Если бы он настоял на том, чтобы у них были дети!

Если бы он стал хозяином своей жизни, пока еще было время!

Если, если, если...

К черту! Руки Уэса крепче сжали руль. Во всяком случае, тут он не потерпит неудачи. Все-таки он сделал за свою жизнь одно настоящее дело. И с этим пока еще не покончено!

Почти бессознательно Уэс начал свое паломничество.

Он ехал сквозь летнее марево по прибрежному шоссе. Оно было забито автомобилями. На пляжах всюду загорали любители жаркого солнца. Закусочные бойко торговали рублеными бифштексами и сосисками. Дачи вдоль берега океана, такие темные, сырые и заброшенные в зимнее время, теперь весело распахнули окна, а в гаражах стояли машины.

Уэс остановился у ресторана «На мысу» и зашел внутрь.

— Доктор! — к нему, улыбаясь, подошел официант. — Давненько вы у нас не бывали. Как поживает миссис Чейз?

— Прекрасно, прекрасно. — Как странно слышать, что его называли «доктором». Неужели

осколки его жизни валяются и тут и нужно их только подобрать? — Принесите, пожалуйста, виски с содовой на балкон.

— Сию минуту, доктор. Приятно снова увидеть вас тут!

Уэс вышел на балкон и сел в тени. Внизу волны, шурша, набегали на песок и разбивались о черные камни. Уэс глядел на океан, синий и сверкающий под ясным небом. Кое-где виднелись рыбацьи лодки — черные точки в ярком солнечном свете, но преобладали все-таки пустынность и покой.

Уэс следил, как чайки кружат над отмелями, высматривая рыбу. У кромки воды стайка птиц деловито исследовала песок, быстро отскакивая от накатывавшей волны.

Уэс снял очки и закрыл глаза, сжимая в пальцах рюмку. Рокот океана успокаивал и баюкал. Они с Джо бывали здесь много раз в той, прошлой жизни, напивались, хохотали, проделывали всякие сумасшедшие штуки. Если бы можно было вернуться назад, к вёснам детства, к беспечности и беззаботным ночам, которые, казалось, никогда не кончатся...

Если бы!

Уэс снова надел очки и, как замороженный, усталый на воду. «Мы все здесь чужие, на этой земле, — думал он. — Мы как рыба, вытасщенная из воды, бьемся на камнях».

— Уэс, старина, — сказал он вслух, — ты удивительно веселый собутыльник.

Он заплатил за виски и дал официанту «на чай» гораздо больше, чем полагалось бы.

Уэс снова сел в машину и поехал назад вдоль пляжа, вверх в Санта-Монику и оттуда через Уилшир в Уэствуд. Он нашел свободное местечко на стоянке недалеко от дома, где находилась его приемная, опустил две монетки в счетчик, остался сидеть в машине и смотрел, смотрел... Он, разумеется, давно отпустил мисс Хилл, но, повинувшись какому-то необъяснимому побуждению, продолжал вносить арендную плату за помещение. Оттуда, где он сидел, ему была видна дощечка с золотыми буквами «Уэстон Д. Чейз, окулист и ларинголог».

Свое второе имя, Джаспер, Уэс ненавидел. И теперь он вспомнил, как однажды Джо в шутку заказала дощечку «У. Джаспер Чейз, окулист и ларинголог». Он улыбнулся. Господи, как это было давно!

Уэс потерял счет времени, но вдруг он, вздрогнув, заметил, что счетчик красный, и поспешил уехать. По бульвару Олимпик он направился к Беверли-Глен.

«Пределы моей жизни».

На углу бульвара Сансет и Бельэр Уэс развернулся и поехал по тенистой Беверли-Глен. Он поискал глазами надпись, напоминавшую Биллу про велосипед Джимми, но ее, конечно, не оказалось. Он свернул в свой крутой переулок, а затем в проезд, ведущий к дому, который когда-то был его домом.

Уэс выключил мотор и вышел из машины. Он встал у изгороди, там, где его можно было увидеть из окна. Он стоял неподвижно, не привлекая к себе внимания, но и не прячась.

Он и сам не мог понять, хочет ли он, чтобы его заметили, или нет.

Воздух был влажный, и газон казался гладким, как дерн на поле для гольфа. Джо следила за двором. Домик из дикого камня и красных панелей казался безмятежным в предвечерней тени.

Дома ли она?

За эти два года Уэс видел Джо несколько раз, но всегда в присутствии адвоката. Она была обеспечена и казалась счастливой.

«Может быть, она даже рада, что избавилась от меня».

Нет, он несправедлив. Он хорошо знал Джо. Она не показала бы виду, если ей и было плохо. Она не дала бы ему этого заметить.

Он представил себе, как подходит к двери и звонит. Джо открывает—в халате, ненакрашенная. Она откидывает со лба белокурые волосы, жалея, что забыла намазать губы.

«Уэс?»

«Джо, я очень много думал. Можно зайти на минутку?»

Она колеблется, но только одну секунду.

«Ты одна, Джо?»

«Конечно, глупый. Входи».

Он входит, а что дальше?

Примет ли она его обратно? Хочет ли он этого? Да, его влечет к ней по-прежнему и они врозь уже два года. Стоит только подойти к двери...

Смогут ли они начать все сначала?

Уэс знал ответ: начать всегда можно, но чем это кончится?

И на это он тоже знал ответ. Он — это он, а Джо — это Джо. Их совместная жизнь не задалась и исправить ничего нельзя.

Уэс все стоял и стоял у изгороди. «Дурак, — подумал он, — ты ведь ждешь, чтобы она вышла к тебе».

Если Джо и заметила его, она ничем этого не выдала.

Уэс так и не подошел к двери.

Тени еще удлинились и наступил вечер. В небе кое-где начали появляться звезды.

— Прощай, девочка, — сказал Уэс.

Он сел в машину и уехал.

На этот раз, добравшись до Санта-Моники, он направился прямо к дому, где его ждали Арвон и Нлезин.

— Ого! — сказал Нлезин, бросая роман, который он читал. — Вас задержали бандиты или произошло еще что-то?

— Еще что-то, — ответил Уэс.

Арвон схватил бутылку из толстого стекла и звонко чмокнул ее.

— Вот она!

— Все готово. Гарви говорит, что состав абсолютно тот же, что и в каплях, которые мы дали ему исследовать. Будем надеяться, что он не ошибся.

— Он не мог ошибиться, — сказал Арвон.

— Неисправимый оптимист, — пробормотал Нлезин, потирая лысину. — Возможно, толку от этого снадобья будет меньше, чем от нембутала.

Они состряпали себе обед, Нлезин щегольнул своим новоприобретенным искусством готовить спагетти. Обед был хорош, вино тоже, но все

трое против обыкновения были молчаливы и сдержанны.

Они подошли к концу пути.

— Какое-то безумие, — сказал наконец Арвон. — Мы проспали пятнадцать тысяч лет в колорадской пещере, только чтобы проснуться как раз в ту ночь, когда вам пришлось спрятаться там от бури. А ведь, возможно, вы были первым, кто вошел туда после нас. И я был вынужден схватить вас и напугал до полусмерти, а попутно испортил вам жизнь.

— Я сам ее испортил, — ответил Уэс.

— Может, и так. Но мы-то! Проснулись через пятнадцать тысяч лет — и все-таки слишком рано. Я теперь убежден, что Земля как раз тот мир, который мы искали. Мы так похожи, Уэс, что только почти идентичные культуры могли породить нас и вас. Но мы потерпели бы полную неудачу, если бы не ваша блестящая идея. Похоже, что вы нас спасли, Уэс, — и не только нас. Но... — он умолк.

— ...Но сами вы остались на мели, — закончил Нлезин.

— По-моему, вы считаете меня слишком уж бескорыстным, — медленно произнес Уэс. — Я сделал это не просто по доброте сердечной. И не во имя чистой абстракции, именуемой человечеством. Я эгоистическое животное.

— Ага! Значит, вам нужна плата? — Нлезин успокоенно улыбнулся.

— Да.

Они ждали, что он скажет дальше.

Уэс глубоко вздохнул.

— Я еду с вами, — сказал он.

Глава 21

Теперь спешить было незачем, и они отправились в Колорадо на машине. По Аризоне и Нью-Мексико они ехали ночью, а днем останавливались в кемпингах с кондиционированным воздухом.

В Лейк-Сити уже съехались любители рыбной ловли, и городок выглядел куда более привлекательно и оживленно, чем зимой.

Путешественники оставили машину в мотеле «Сосны» вместе с запиской для Джима Уолса, который оплатил чек Уэса, когда Уэс в первый раз покинул пещеру. Затем они отправились пешком по берегу синего быстрого Ганнисона под восхитительным колорадским солнцем. Кругом возвышались горы, зовущие к себе очарованием далей и умытой зеленью сосновых лесов.

У ручья они свернули с дороги и пошли по еле заметной тропинке через кусты. Им везло: на берегу ручья не было видно машин.

Вверх по золотисто-зеленой долине, под журчанье ручья справа от них. Поднимаясь по горной тропе, Уэс поймал себя на том, что вглядывается в темные заводи, где, наверное, стоит и помахивает плавниками форель...

Они продолжали подниматься среди прохладных сосен и стройных осин, топча миниатюрные джунгли папоротника и цветов. Вот уже и ели остались позади — лес кончился.

К тому времени, когда путники свернули к пещере, они очень устали, а Уэс еще и волновался — что скажет Уайк?

Они взобрались на скалу.

Перед ними отворилась дверь.

Они очутились во внутренней пещере.

Нлезин торжественно поднял вверх бутылку из толстого стекла.

— Вот, — объявил он.

— И благодарить за это мы должны Уэса, — добавил Арвон.

Црига и даже Хафидж улыбнулись лукаво и загадочно. Уэс откашлялся.

— Я вернулся с ними, — начал он и запнулся. («Это и так ясно, идиот!») Я вернулся потому, что... потому что надеялся, что вы не будете против...

— Хватит! — добродушно прервал его Уайк.

— А?

— Вы, наверное, ослепли, Уэс?

Уэс в недоумении осмотрелся по сторонам. Все выглядело по-старому: замусоренный пол, хворост, принадлежности для стряпни, ниши, вырубленные в стене...

«Погоди-ка!»

Раньше ниш было пять: Уайк, Арвон, Нлезин, Црига, Хафидж.

Теперь их стало шесть.

Уайк схватил Уэса за руку и, лицо его, против обыкновения, расплылось в улыбке.

— Мы надеялись, что вы придете, Уэс, — сказал он. — В конце концов вы теперь наш.

Уэс не мог вымолвить ни слова.

Дело было не только в нише и даже не в беспримерном приключении, которое сулила ниша. Главным было другое.

Он — нужен. «Господи, — подумал он, — я кому-то симпатичен, я кому-то нужен».

Как это было приятно!

«Черт возьми, я не ребенок, чтобы плакать!»

— Спасибо, — сказал он. — Большое спасибо.

И он ушел из пещеры к ледниковому озерку, поблескивавшему под неярким солнцем, потому что в такие минуты человеку лучше побыть наедине со своими мыслями.

Накануне того дня, когда они должны были погрузиться в долгий сон, Уэс сидел вечером под звездным небом и, вздрагивая от прохладного ветра, слушал, как внизу в чаще фыркает какое-то животное.

Из пещеры вышел Арвон и присоединился к нему.

— Вот так же мы сидели вечерами на Лорта-се, — сказал он. — Довольно трудно представить себе, что все мои знакомые девушки умерли пятнадцать тысяч лет назад.

Уэс кивнул, хотя сам до сих пор никак не мог свыкнуться с этой мыслью.

— Странно, мне почему-то все время кажется, что вы возвращаетесь домой, в тот же мир, который когда-то покинули. Но ведь это не так?

Арвон подобрал камешек и швырнул в невидимого зверя, который, судя по звукам, испуганно шархнулся в сторону.

— Лортас еще существует, или все прогнозы были неправильны. Но это уже не тот Лортас, который знали мы. Все равно как если бы вы покинули Землю в конце каменного века и вернулись на нее только сегодня. Впрочем, для нас разница будет все же не такой огромной. Развитие Лортаса замедлилось еще до того, как мы улетели. Так же как замедлится и развитие Земли через несколько сот лет.

— Но вы все равно будете там чужими.

— Да, как и вы здесь, Уэс.

Уэс старался затянуть этот разговор. Он понимал, что нервничает и хочет, чтобы его успокаивали, разуверяли. «Мы можем и не проснуться, — думал он. — Мы можем проснуться и увидеть, что Земля превратилась в радиоактивную пустыню. Как ничтожен шанс...»

— По-моему, вы упускаете из виду самое главное, — сказал наконец Арвон. — Верно, мы все время говорим о статистике и взвешиваем шансы. Верно, в первый раз мы отчаянно боялись — боялись, что этот мир окажется таким же, как все другие миры. рассеянные по вселенной. Однако, Уэс, вы не взорвали себя, хотя могли бы — у вас есть для этого и средства и соблазн пустить их в ход. Что мне кажется действительно невероятным, — так это удивительное сходство нашего мира и вашего. Черт возьми, да я не более чужой здесь, чем вы, разве что чуть-чуть отличаюсь физически, но и то

так мало, что на улицах Лос-Анжелеса никто на меня и внимания не обращал.

Уэс тихонько улыбнулся. Что бы ни говорил Арвон, но кое-что он о Земле все-таки не знает.

— Мне очень жаль, — сказал Уэс, — но боюсь, что в Лос-Анжелесе кто угодно и что угодно останется незамеченным.

— Ладно, пусть так, — согласился Арвон. — Но наше сходство не случайно, Уэс. Ваш мир в основном похож на Лортас, каким Лортас был в давние времена. Разумеется, есть различия, и различия существенные. Именно эти различия и послужат основой новой жизни для обоих наших миров, если нам удастся наладить связь между ними. Но сейчас для нас важно сходство. Я твердо верю, что Земля не уничтожит себя. Я знаю: она создаст космические корабли. Я знаю; на этот раз мы не потерпим неудачи.

Уэс закурил сигарету.

— У нас это называется «строить воздушные замки», — сказал он. — Но спасибо и за это.

Потом они долго сидели молча в сиянии звезд.

Уэс глядел в ночное небо. «Может быть, я когда-нибудь буду лететь там среди солнц через мрак и безмолвие...»

В пещеру они вернулись поздно.

Уэсу вспомнилась другая ночь, когда Арвон втащил его в пещеру, когда Арвон был чудовищем из ночного кошмара. С тех пор, казалось, прошло миллион лет.

Уэс не оглянулся назад, хотя знал, что никогда больше не увидит того мира, который начинался там, где кончалась горная тропа.

Он растянулся на твердом полу, рядом громко храпел Нлезин.

«Странно, что перед тем, как заснуть на пятьсот лет, мы хотим как следует выпаться...»

Он заснул.

Все утро они вымученно шутили.

Они всегда старательно следили за тем, чтобы не оставлять своих следов, так что делать им было почти нечего. Они очень плотно позавтракали, и каждый съел больше, чем ему хотелось. Ведь обедать им предстояло через пятьсот лет.

Они закрыли люк.

Уэс достал шприц и промыл его спиртом. Он волновался, но его руки не дрожали.

— Давайте, Уэс, — сказал Уайк. — Приступим. Следите за тем, чтобы все получили абсолютно одинаковые дозы. И прежде чем сделать укол себе, заберитесь в нишу — это средство действует быстро.

С некоторым смущением они пожали друг другу руки.

Никто не сказал этого, но каждый подумал: «Что если снотворное не сработает, что если в лаборатории допустили ошибку, что если это конец?..»

Уайк подошел к своей нише и улегся поудобнее.

— Давайте, Уэс, — сказал он опять.

Уэс протер ему руку ваткой, смоченной в спирте, откупорил тяжелую стеклянную бутылку и набрал ровно один кубический сантиметр

жидкости. Увеличение дозы могло вызвать побочные явления, следовало соблюдать осторожность...

Уэс умело ввел иглу, нажал поршень.

Исполненные вечного отчаяния глаза Уайка затуманились, закрылись, и он уснул. Уэс пристально посмотрел на него, Уайк казался неживым, грудь совсем не подымалась. Уэс пощупал ему пульс.

Бьется, но все слабее и слабее...

— Следующий, — сказал Нлезин.

Уэс заставил себя сосредоточиться и начал переходить от одного к другому.

Но в голове у него все-таки билась мысль: «Вы все, — думал он, — Уайк, и Нлезин, и Арвон, и Црига, и Хафидж, вы все что-то утратили в жизни, как и я. Что произошло с вами на Лортасе, что привело вас сюда? Человеком движут только пружины, скрытые в нем самом. Ты, Нлезин, был ли ты хорошим писателем? По-настоящему хорошим? Ты, Арвон, если твоя жизнь была пуста, надеялся ли ты заполнить ее здесь? Црига, ты покинул Лортас мальчиком, но вернешься мужчиной. Пусть твоя новая возлюбленная окажется достойной тебя. Хафидж, какое одиночество сделало звезды твоей единственной родиной? А ты, Уайк, загадочный Уайк, ты тоже убегаешь от себя? Что вселило черную смуту в твою душу?»

Кончено.

Уэс погасил люминесцентные трубки, кроме той, которую держал в руке. Он в последний раз набрал в шприц снотворное. Затем с легкой улыбкой закупорил тяжелую бутылку.

Он заполз на свое каменное ложе.

Пещера была пуста и темна, прочная скала над его головой, казалось, несла тяжесть столетий.

И все же он был не один. Люди, спавшие во мраке вокруг него, думали и чувствовали то же, что и он. Они тоже утратили что-то, вернее все, и тоже искали...

Он сделал себе укол и погасил свет.

Мрак, тени...

И огромное, всепоглощающее забытие.

Звук.

Он возник прежде всего.

Звук незаметно проник в сознание Уэса, как дым, как синий дымок от костра, — голос, шепот...

Незнакомый язык. Странно. Что бы это было?

Ах, да, лортасский язык.

Голос Уайка.

Внезапно, словно разбив что-то, Уэс открыл глаза. Свет. Глазам стало больно и Уэс прищурился, но не дал векам сомкнуться. Он ощутил каменный пол под собой, тяжелое биение сердца, будоражащего вялую кровь.

— Я проснулся, — сказал он вслух хриплым голосом. — Я не умер. Я проснулся.

Ему на плечо легла рука Уайка.

— Спокойнее, — сказал капитан. — Постепенно, не сразу. Спешить некуда. Все хорошо.

Уэс полежал, собираясь с силами. Ему было очень холодно. Он коснулся груди, и с нее свалились обрывки истлевшей ткани. «Значит,

я совсем голый! — мелькнуло у него в голове. — Нудист!».

Он сделал попытку улыбнуться.

Спустя некоторое время он выполз из ниши и встал. Голова кружилась, он покачнулся, но удержался на ногах. «Ну и отощал же я!» Уайк тоже похудел и побледнел, глаза его горели лихорадочным огнем.

«От голода».

— Что снаружи? — спросил Уэс. — Вы смотрели?

— Нет. Я слушал, но ничего не слышно. Я жду остальных.

Еще один пошевелился, застонал. Црига.

— Подождем, пока проснутся все, — сказал Уайк.

Уэс сел на пол, дрожа от холода. Трудно было думать, трудно было восставать из мертвых. Как это Арвону удалось так быстро прийти в себя в прошлый раз — когда это было?

И все-таки он жив.

Когда наконец очнулись все, Уайк осторожно открыл дверь.

Свет. Свет и тишина.

Они подошли к щели, выглянули.

Ничто не изменилось. Небо, скалы, кусты, ручей...

Ледяное отчаяние сковало Уэса.

— В чем дело? Тут все, как было. Неужели снотворное не сработало?

Арвон покачал головой.

— Так было и в прошлый раз, — сказал он. — Уединенное место высоко в горах меняется мало.

Воздушные замки?

Они не видели людей. Не слышали животных — никаких звуков, кроме вздохов ветра.

«Мертво. Это место мертво. И вся Земля тоже...»

— Погодите!

И Уэс услышал. Все они услышали это.

Точно далекий раскат грома.

Ближе, ближе.

Оглушающий рев, ураган звуков...

И тут они увидели.

Высоко над собой.

Корабль, огромный, колоссальный корабль, громада металла и стекла, заслонившая солнце. На них упала его тень. Как он был великолепен, там, в неизмеримой высоте!

Он исчез.

И только гром перекатывался среди гор.

Хафидж кричал:

— Корабль, космический корабль!

Он повторял эти слова еще и еще, смакуя их.

— Мы у цели, — сказал Арвон.

«Мы у цели, у цели!»

Уэс и все вспомнили: «До сих пор ни одной из известных человеческих культур не удавалось установить дружеские связи с человеческой культурой другой планеты. Если бы удалось найти мир, населенный здравомыслящими людьми, и установить с ними контакт, если бы начался обмен идеями, надеждами и чаяниями... Тогда, быть может, человек перестанет быть просто сбившимся с пути животным...»

Они задержались, только чтобы напиться холодной чистой воды из ледникового озера. Они

смеялись, и шутили, и плакали, не смея поверить, но вынужденные верить.

Они пошли вниз по тропе, по берегу стремительного горного ручья. Мимо елей, шелестящих сосен, стройных осин.

Они спустились в теплую золотисто-зеленую долину, сверкающую летними красками, звенящую птичьим пением.

Они шли навстречу новому миру, новой надежде.

С ними шли Дерриок и Сейехи, Лейджер и Колрак, который тихо улыбался. Уэс ощутил на глазах слезы. И Джо тоже была тут — Джо и та жизнь, которая, казалось, вот-вот наступит, но так и не наступила.

Солнце сулило новую жизнь.

Уэс не думал ни о мире, ни о двух мирах, ни о вселенной.

«Мне еще только сорок. Это не так много. У меня еще есть время, время для того, чтобы иметь детей, чтобы быть счастливым и жить. Только сорок! У меня еще есть время...»

Все они шли навстречу неведомому.

Ни у кого не было дома.

Но они знали теперь, что ветер времени терпелив и веет вечно.

Это был не конец.

Это было только начало.

Чэд Оливер
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Редактор *И. Я. Хидекель*
Художник *А. К. Соколов*
Технический редактор *Е. С. Потипенкова*
Корректор *Т. Г. Вульф*

Сдано в производство 10/VI 1965 г.
Подписано к печати 4/X 1965 г.
Бумага 70×90¹/₃₂ 4,0 бум. л. Уч.-изд. л. 8,85.
9,35 печ. л. Изд. № 12/3148. Цена 48 коп.
Зак. № 473

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати.
Ярославль, ул. Свободы, 97

Цена 48 коп.

